

ГЛАВА IV. ВТОРОЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ: ПЕРИОД СЖАТИЯ

4.1. Демографические и социальные процессы в первой половине XIX века

4.1.1. Динамика посевов, сборов и населения

В неомальтузианской теории главными признаками наступления второй фазы демографического цикла, фазы Сжатия, являются отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения. Как отмечалось в предыдущей главе, эти признаки начинают появляться в Центральном районе в 1730-х годах и становятся явными в 1780-х годах. В то же время в Черноземном районе до конца XVIII века происходит процесс колонизации и освоения новых земель, Сжатие пришло в этот район позже, поэтому нельзя говорить о одновременном переходе Европейской России в новую фазу демографического цикла. Тем не менее, как мы увидим далее, падение среднего уровня потребления позволяет датировать переход в фазу Сжатия на большей части территории страны в широких рамках первой половины XIX века – этим и объясняется название четвертой главы нашего исследования.

В рамках неомальтузианской теории основными параметрами, характеризующими экономическую динамику, являются данные о посевах, сборах, потреблении и росте населения. Общая динамика экономического положения в первой половине XIX века обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Среди историков нет единого мнения по поводу степени достоверности этих отчетов, в то время как часть специалистов занимает критическую позицию, группа авторитетных исследователей (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. С. Нифонтов и др.) считает, что выведенные по отчетам средние показатели вполне объективно отражают направление экономического развития. Сопоставимые данные за 1800-1860 гг. имеются лишь для 36 из 50 губерний Европейской России, в том числе для всех 7 центральных губерний и для 5 из 7 черноземных губерний (табл. 4.1)¹.

В целом данные губернаторских отчетов говорят о том, что в начале XIX века средний уровень потребления был еще достаточно высоким – более 24 пудов на душу населения. Однако существовали значительные порайонные различия, если на Черноземье чистый душевой сбор превышал 34 пуда, то в перенаселенном Центральном районе он составлял только 17 пудов. Хотя за полвека посевы возросли, но урожайность упала, и рост населения привел к падению чистого сбора в среднем по Европейской России до 18,9 пуда. Уровень чистого сбора, однако, не вполне совпадает с

уровнем потребления, так как часть зерна шла на экспорт, на винокурение и поставки для армии. Если мы учтем известные данные об экспорте², примем душевой расход на винокурение таким же, как в 50-е годы (см. табл. 6.1), а армейские поставки – пропорциональными численности армии, то получим кривую потребления, изображенную на рис 4.1. График на рис. 4.1 в целом подобен графику классического демографического цикла (рис. 1.2), однако, надо учесть, что перед нами лишь фрагмент более широкой картины, что рост население и падение потребления происходили на протяжении всего XVIII века – так что этот график можно рассматривать как продолжение графика на рис. 3.8.

36 губерний Европейской России			
	1802-1811	1841-1850	1851-1860
Численность населения (млн.)	28,8	38,9	42,7
Посев (млн. пуд.)	278,3	329,5	347,8
Сбор (млн. пуд)	974,4	1147,4	1153,5
Урожайность (сам-)	3,5	3,5	3,3
Чистый сбор (млн. пуд.)	696,1	817,9	805,7
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	24,2	21,0	18,9
7 центральных губерний: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская			
Численность населения (млн.)	6,6	7,9	8,6
Посев (млн. пуд.)	65,6	73,6	78,2
Сбор (млн. пуд)	183,1	211,4	221,6
Урожайность (сам-)	2,8	2,9	2,8
Чистый сбор (млн. пуд.)	117,5	137,9	143,4
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	17,8	17,5	16,7
5 черноземных губерний: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская			
Численность населения (млн.)	5,6	6,8	7,5
Посев (млн. пуд.)	64,5	75,0	79,9
Сбор (млн. пуд)	258,0	289,4	278,2
Урожайность (сам-)	4,0	3,9	3,5
Чистый сбор (млн. пуд.)	193,6	214,4	198,3
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	34,6	31,6	26,4

Табл.4.1. Динамика численности населения, посевов, сборов и урожайности в 1802-1860 гг.³

Кроме того, необходимо выяснить, насколько кривая потребления приблизилась к нижней асимптоте – минимальной норме потребления. Какова была эта норма для того времени? Как отмечалось выше, минимальная норма потребления хлеба в пищу составляет 15 пудов, однако часть зерна

расходуется дополнительно на корм скоту. Для второй половины XIX века минимальная норма потребления на питание и фураж по оценке А. С. Нифонтова составляла для нечерноземных областей 2,25 четверти, а для черноземных областей – 2,5 четверти. Если принять средний вес четверти в 7,8 пуда, то получится в первом случае 17,6 пуда, а во втором – 19,5 пуда⁴. В среднем для Европейской России (пропорционально численности населения черноземных и нечерноземных областей) норма потребления во второй половине XIX века составляла 18,7 пуда. Однако нужно заметить, что расходы на фураж в 1850-1900 годах заметно выросли, и приведенная оценка, по-видимому, более справедлива для конца столетия. В середине столетия у крестьян было еще достаточно пастбищ; в 1860-х годах в четырех губерниях Черноземья (Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской) пашня занимала в среднем 60% площади крестьянских наделов⁵. В первой половине XIX века скот очень редко кормили зерном⁶, поэтому можно предположить, что минимальная норма потребления хлеба составляла около 16 пудов.

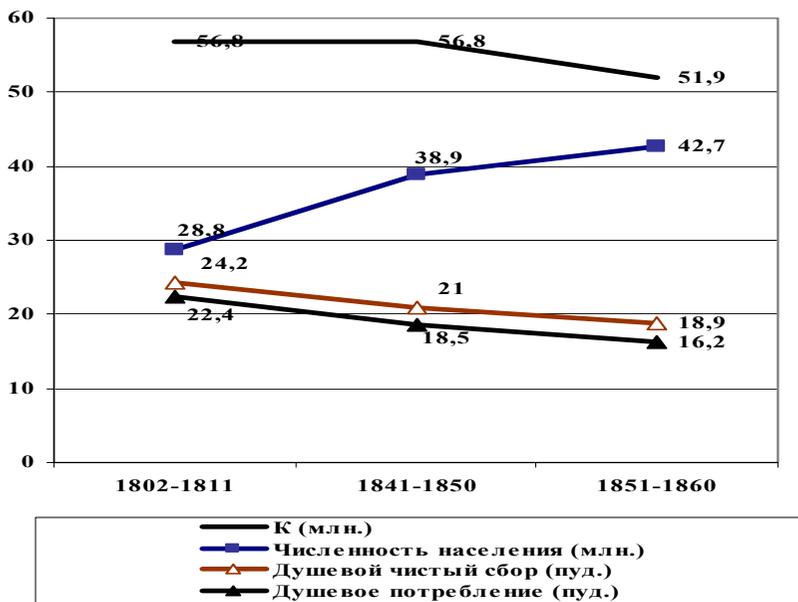

Рис. 4.1. Динамика населения и душевого чистого сбора в 36 губерниях России.

Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX века привело к тому, что потребление снизилось до минимально возможной нормы. Это означает, что на большей части территории страны наступило Сжатие. Урожайность в 1800-1850 гг. была практически постоянна и равнялась сам-3,5, а в 1851-1860 гг. уменьшилась до сам-3,3. Если принять за максимально возможный посев для 36 губерний посев 1913 года (когда

почти все пригодные земли были уже распаханы) и взять минимальную норму потребления 17 пудов на человека в год, то мы получим, что емкость экологической ниши (величина К) в первой половине XIX века была постоянна и равнялась примерно 57 млн.; в середине столетия в связи с уменьшением урожайности она немного уменьшилась. Стабильность экологической ниши соответствует характеристике российского общества этого периода как традиционного общества; сбор хлебов увеличивался исключительно за счет освоения еще имевшихся на окраинах свободных земель, при этом численность населения постепенно приближалась к емкости экологической ниши. Таким образом, можно утверждать, что в целом по России рост населения (в соответствии с демографической теорией) сопровождался уменьшением душевых сборов хлебов и падением потребления. Падение потребления, в свою очередь замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795-1833 гг. до 0,58% в 1834-1850 гг. и до 0,49% в 1851-1957 гг.⁷ Однако существовали значительные порайонные различия (табл. 4.2).

	Даты для душевого сбора -	1802-1811	1841-1850	1851-1860
Губернии	Даты для естественного пророста -	1795-1811	1834-1850	1851-1857
7 центральных губерний	Душевой сбор (пуд.)	17,3	17,0	16,2
	Естественный прирост (%)	0,47	0,16	0,22
Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская, Тульская	Душевой сбор (пуд.)	32,7	31,1	24,9
	Естественный прирост (%)	0,76	0,35	0,86
Тульская	Душевой сбор (пуд.)	33,1	40,0	34,7
	Естественный прирост (%)	0,71	0,08	0,26

Табл. 4.2. Динамика среднегодового естественного пророста и душевого чистого сбора в 1802-1860 гг.⁸

Коэффициент естественного пророста, указанный в этой таблице, – это так называемый брутто-коэффициент, показывающий средний прирост населения за год с учетом миграций. Когда речь идет о популяционной динамике большого региона или сословия учет пространственных и социальных миграций представляется естественным и необходимым. Уровень потребления влияет на миграции точно так же как на рождаемость и смертность, поэтому их учет тем более необходим в работах, посвященных изучению связей между этими факторами. Увеличение ренты и уменьшение потребления побуждало крестьян всеми возможными способами – в том числе бегством – стремиться покинуть сословие крепостных, но мы не имеем права не учитывать эти явления, сводя демографическую динамику к нетто-коэффициенту естественного пророста, как это пытались сделать некоторые авторы⁹. Нетто-коэффициент равен разности коэффициентов рождаемости и смертности; в случаях, когда имеется значительная эмиграция, умершие мигранты не учитываются коэффициентом смертности, поэтому нетто-коэффициент искажает реальную картину популяционной динамики. При этом безразлично, идет ли речь о динамике численности населения отдельного регио-

на или об изменении численности отдельного сословия (в частности, крепостных крестьян). Далее в этой работе используется только брутто-коэффициент естественного прироста.

Возвращаясь к данным таблицы 4.2, можно заметить, что в центральных губерниях душевой сбор находился на уровне, близком к минимальной норме уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь уже существовало аграрное перенаселение и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием. На протяжении полувека душевой сбор практически оставался постоянным; он лишь немного уменьшился, упав при этом до уровня минимальной нормы. Это привело к падению естественного прироста в 1833-50 гг. до 0,16% – уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации. В 50-х годах XIX века положение несколько улучшилось, по-видимому, в результате ввоза продовольствия извне. Действительно, в 1850-х годах только в Москву из черноземных областей доставлялось 23 млн. пудов хлеба в год¹⁰, что давало в расчете на душу населения центральных губерний дополнительно 2,7 пуда. Таким образом, реальное потребление в Центральном районе превышало голодный минимум, что и объясняет рост населения.

4.1.2. Рост барщины вызывает стагнацию крепостного населения

В Черноземном районе в начале столетия душевой сбор был вдвое больше, чем в Центральном районе¹¹. В начале века, несмотря на потери в войнах, численность населения быстро росла, но в 1834-1850 гг. темпы естественного прироста упали вдвое, хотя душевое производство почти не изменилось. В 1850-х годах естественный прирост, наоборот, увеличился вдвое, и эти странные колебания невозможно объяснить исходя из классической теории. Наиболее странной выглядит ситуация в Тульской губернии: в 1834-1850 гг. здесь отмечается стагнация населения притом, что душевое производство находилось на очень высоком уровне (табл. 4.2).

Факт отсутствия корреляции между душевым производством и естественным приростом в Черноземном районе был в свое время отмечен И. Д. Ковальченко¹². В. М. Кабузан отмечал, что понижающее влияние на темпы роста населения оказало крепостничество, и это влияние особенно проявилось с 40-х годов XIX века¹³. А. И. Комиссаренко указывал на связь между естественным приростом в различных губерниях и долей крепостных в их населении¹⁴. Действительно, корреляционный анализ показывает, что существует тесная связь: чем больше в губернии крепостных, тем меньше естественный прирост. В целом по шести губерниям Черноземья (кроме Курской) естественный прирост крепостного населения упал с 0,62% в 1795-1833 гг. до минус 0,03% в 1834-1850 годах, то есть при достаточно большом душевом производстве началась внезапная стагнация. Именно эта стагнация и была основной причиной резкого уменьшения общего прироста населения – с 0,9% в 1795-1833 гг. до 0,37% в 1834-1850 годах. Статистический анализ имеющихся погубернских данных позволил обнаружить связь между ростом населения и двумя факторами: нормой барщины (отрицательная корреляция) и отношением средней величины крестьян

янского надела к норме барщины (положительная корреляция). Размеры барщины объясняли 64% вариаций в естественном приросте, а два фактора вместе – 79%¹⁵. Таким образом, темпы роста крепостного населения на Черноземье в основном зависели от соотношения размеров барщины (которая была негативным фактором) и величины надела (которая была позитивным фактором).

Естественно предположить, что причиной наступившей в 30-х годах стагнации крепостного населения был резкий рост повинностей. В принципе, известно, что в конце XVIII – первой половине XIX века барщина существенно возросла. В литературе имеются сведения о размерах барщинной и крестьянской запашки в некоторых губерниях района (табл.4.3). Как следует из приведенных в табл. 4.3. данных за указанный период барщина возросла более чем в два раза, и, в соответствии с имеющейся корреляцией, это должно было привести к уменьшению естественного прироста.

Губерния	Уезды	Барщинная запашка		Крестьянская запашка	
		Кон. XVIII в.	Середина XIX в.	Кон. XVIII в.	Середина XIX в.
Тамбовская	Темниковский, Спасский, Шацкий, Тамбовский, Уманский	0,5	1,2	1,4	1,0
Рязанская	Сапожковский, Скопинский	0,5	1,2	1,9	1,2
Тульская	все уезды губернии	0,6	1,3	1,4	1,1

Табл. 4.3. Размеры запашки на душу населения в конце XVIII и в середине XIX века (в дес.)¹⁶.

Таким образом, результаты корреляционного анализа говорят о том, что в 1840-50-х годах уровень естественного прироста крепостных крестьян в шести губерниях в основном определялся уровнем оброков и барщины. Отсюда следует, что остановка роста крепостного населения на Черноземье была вызвана, главным образом, увеличением барщинных норм, то есть перераспределением ресурсов в структуре «государство-элита-народ».

Стагнация крепостного населения имела место и в масштабах всей страны. В 1833 году общая численность помещичьих крестьян в Европейской России составляла 22,4 млн., а в 1857 году – 22,1 млн. человек¹⁷. Механизм этой стагнации включал в себя такие факторы, как бегство крепостных, попытки перейти в другие сословия, ограничение рождаемости и рост смертности. Эти факторы были непосредственно связаны с уровнем жизни крепостных и находят объяснение, в основном, через корреляцию с барщиной. Однако существовал также один официальный канал выхода из крепостного сословия – рекрутские наборы. По подсчетам В. М. Кабузана в 1835-1850 гг. было взято в рекруты 546 тыс. крепостных крестьян; смертность в армии за этот период составила 44%, следовательно, 306 тыс. крепостных за 16 лет получили свободу¹⁸. В 1835 году в России насчитывалось 11447 тыс. крепостных душ мужского пола, и можно подсчитать, что в среднем за год через армию переходило в сословие государственных

крестьян 0,165% крепостных. В 1833-1850 годах крепостное население уменьшалось в среднем на 0,0325% в год, следовательно, если бы рекруты не выходили из крепостного состояния, то рост составил бы 0,132% в год. Если сравнить этот процент с 0,76% роста (даже с учетом ухода рекрутов) в 1815-1833 годах, то вывод о происходившей в этот период стагнации останется неизменным¹⁹.

4.1.3. Повышение ренты после окончания войн

Когда произошло то масштабное перераспределение ресурсов, которое вызвало стагнацию крепостного населения? Имеющиеся массовые данные (табл. 4.3) разделены большим временным промежутком, и неясно, когда именно на протяжении этого промежутка имел место рост барщины, был ли он постепенным или происходил резкими скачками. Величина барщины и оброка имела чрезвычайно высокую корреляцию (0,95)²⁰, и это позволяет достаточно уверенно предполагать, что барщина и оброк росли одновременно, и, таким образом, данные об оброке могут восполнить пробел в данных о барщине.

Динамика оброка в ряде крупных поместий Черноземного региона представлена на рис. 4.2. Чтобы исключить инфляцию (в том числе и по отношению к серебру) мы пересчитали оброки на хлеб соответственно уровню цен. Поскольку крестьяне выращивали преимущественно рожь и овес, то было принято, что в пуде условного «хлеба» содержится 60% ржи и 40% овса, и соответственно при расчетах учитывались текущие цены на эти продукты.

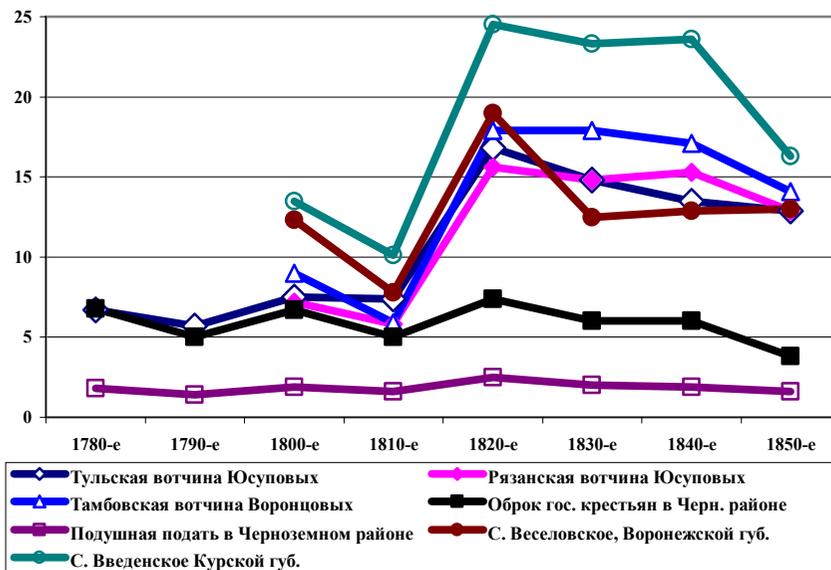

Рис. 4.2. Динамика оброков на Черноземье в 1780-1850-х годах (в пудах хлеба на душу населения)²¹.

В целом, из приведенных данных складывается следующая картина. В начале XIX века финансирование войн с Наполеоном потребовало огромной эмиссии ассигнаций; это вызвало инфляцию и невиданный до того времени рост цен. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания, которое могло вспыхнуть в обстановке войны. Инфляция, продолжавшаяся до 1817 года, сказывалась не только на доходах правительства, но и на доходах дворян. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания. В 1807 году Наполеон освободил крестьян в Польше, вследствие чего прусский король был вынужден объявить об освобождении крепостных в Пруссии. Над Россией постоянно висела угроза французского вторжения, которое могло привести к крестьянской войне. Один за другим производились чрезвычайные рекрутские наборы, от крестьян требовали все возрастающий «налог кровью». В 1810-1811 годах было взято в армию 211 тысяч рекрутов, в 1812 году – 420 тысяч рекрутов²². В такой обстановке помещики были вынуждены смириться со значительным падением реального оброка в пересчете на хлеб (см. рис. 4.2).

Однако, вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски. «С 1812 года среднее дворянство, познакомившись с западноевропейской жизнью, стало презирать национальные обычаи и жить на европейский манер, – свидетельствует барон Гакстгаузен. – Оно уже и прежде было склонно к роскоши, а с тех пор страшно обременило себя долгами... Новые господа смотрели на крепостных лишь как на орудия, на машины для приобретения денег»²³.

Хотя стремление к роскоши было инициировано диффузионным влиянием, необходимо отметить, что благодаря крепостному праву оно приобрело на российской почве крайние, иррациональные формы. «По сравнению с российскими сановниками... даже крупные прусские помещики выглядели как жалкие скряги», – отмечает И. Ф. Гиндин²⁴. «“Жизнь не по средствам” вело множество помещиков, – указывает Н. И. Яковкина. – Столичное дворянство чуть ли не поголовно было в долгах. Причина этого крылась не столько в дороговизне предметов роскоши... сколько в господствовавшем еще с конца XVIII века убеждении в необходимости “широкого” образа жизни. Представление о том, что истинно дворянское поведение заключается не только в тратах, но именно в тратах чрезмерных, не по средствам, прочно укоренилось в дворянской среде. Отсюда – необычайная роскошь дворцов, празднеств и даже обычного обихода столичной знати, безумные проигрыши в карты, различные фантастические затеи»²⁵. Популярными сборниками по этикету того времени разясняют выражение «прилично жить» как участие в изысканном обществе, постоянные увеселения, разнообразный досуг и т. д. Контент-анализ нескольких десятков мемуаров выявил, что для быта почти 80% крупных помещиков характерны такие определения, как «показная роскошь», «буйная, безудержная

роскошь», «нарочитое великолепие», «роскошество». Роскоши состоятельных дворян часто старались подражать менее обеспеченные помещики, что приводило к разорению их хозяйств²⁶.

Новая волна потребительства predetermined новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815-1828 годах денежные оброки возросли в два-три раза, затем началось падение цен, дополнительно усилившее тяжесть эксплуатации. На Черноземье за десять послевоенных лет оброк в хлебном исчислении вырос втрое, с 4-6 до 17-20 пудов на душу, и достиг предела крестьянских возможностей.

Вторая волна повышения ренты сопровождалась новым бурным оживлением дворянского предпринимательства. В 1818 году было основано Общество сельского хозяйства, имевшее экспериментальную ферму и Земледельческую школу для подготовки приказчиков помещичьих хозяйств. В отличие от времен первого предпринимательского бума (в 1760-1770-х годах), основное внимание теперь уделялось не организации барщинного хозяйства, а интенсификации аграрного производства, новым сортам зерновых, травосеянию, распространению посевов картофеля и сахарной свеклы²⁷.

Вторая четверть XIX века стала временем расцвета барщинных латифундий Черноземья. Три четверти из 4,3 млн. помещичьих крестьян этого региона находились на барщине; в 1850-е годы Черноземье поставляло – в основном в центральные области – около 50 млн. пудов хлеба, еще 10 млн. пудов расходовалось на производство водки. В целом на вывоз и винокурение шло около 30% чистого сбора хлеба. В это время Москва потребляла 23 млн. пудов в год, Петербург – около 30 млн. пудов. Каждый год тысячи барок с зерном спускались по рекам на север, к Оке и к Москве; часть из них бурлаки тащили вверх по Волге и по каналам – к Петербургу. Назад барки не возвращались, это была односторонняя торговля: по Рязанской губернии, к примеру, вывоз превышал ввоз в 10 раз²⁸.

По сравнению с концом XVIII века средняя норма барщинной запашки увеличилась в два раза. В целом по Черноземью площадь барщинных полей лишь немного уступала общей площади наделов помещичьих крестьян²⁹. Механизм, через который увеличение барщины приводило к падению уровня жизни и к уменьшению естественного прироста хорошо известен: это был механизм доведенной до предела интенсификации труда. Для интенсификации труда использовалась урочная система, и время, полагавшееся на выполнение «уроков», было урезано вдвое по сравнению с нормами конца XVIII века³⁰. Летняя барщина отнимала у крестьянина в среднем 4 дня в неделю; работать должны были все, женщины с грудными детьми работали на току, старики сторожили урожай, 10-летние мальчики работали на возке навоза и бороновании, а малые дети подбирали за жнецами упавшие колоски³¹. В зимнее время крестьяне выполняли тяжелую барщину по доставке помещичьего зерна в большие города или к речным пристаням. По некоторым оценкам, за полвека извозная повинность в Московской, Тульской и Рязанской губерниях увеличилась в 2-3 раза³².

Многочисленные свидетельства говорят о том, что постоянно занятые на барщине крестьяне не успевали производить работы на своем участке – хотя работали от восхода до заката, и в воскресные, и в праздничные дни, а иногда и ночью. Сплошь и рядом крестьянам приходилось употреблять в пищу невызревшее или проросшее зерно; из-за нехватки времени муку не очищали от спорыньи, и такой хлеб был вреден для здоровья³³. Тяжелый, выматывающий труд сказывался на психическом состоянии крестьян. «От недостатка скота и хлеба происходит и чрезмерная бедность барщинных крестьян, доведшая их до отчаяния... – писал приказчик одного из крупных имений, – следствие чего есть необыкновенное равнодушие к своему положению»³⁴. «Самое существенное, на наш взгляд, – пишет о положении крестьян Л. В. Милов, – состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением пассивное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи... В итоге такие крестьяне... “смерть свою за покой считают”»³⁵.

4.1.4. Кризис 1847-1849 годов

Перераспределение ресурсов не сводилось к повышению ренты; оно означало также и сокращение крестьянских наделов. Крестьянское малоземелье является основным признаком Сжатия, но на Черноземье малоземелье было результатом экспроприации крестьян, и следовательно, Сжатие в этом регионе носило искусственный характер – оно было ускорено демографически-структурным процессом, перераспределением ресурсов (в данном случае земли) в пользу элиты.

Помещики оставляли барщинным крестьянам мизерные наделы, едва обеспечивавшие прожиточный минимум при обычном урожае. Такая практика лишала крестьян возможности создавать запасы на случай голода. В конечном счете, так же как в 1780-х годах, наступление элиты на крестьянство должно было привести к демографическому кризису.

В 1840-50-х годах широко распространилась практика сгона крестьян с земельных наделов; экспроприированные крестьяне должны были работать на барщине за «месячину» – месячные продуктовые пайки. Эта практика была аналогична той, которая применялась на польских и остзейских барщинных фольварках (Bauernlegen)³⁶. В Центрально-Черноземном районе эта практика была распространена меньше, чем в западных областях; здесь помещики обычно ограничивались урезанием крестьянского надела. Средний надел крестьян района в конце XVIII века составлял 1,3-1,7 десятин на душу, к середине XIX века он уменьшился до 1,0-1,3 десятин на душу. Это была грандиозная экспроприация крестьянства, которая определила все будущее развитие деревни: именно эта экспроприация была причиной крестьянского малоземелья, проблемы, впоследствии ставшей роковой для России.

По расчетам Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко надел, оставленный крестьянам, был той нормой, которая обеспечивала минимальные возмож-

ности для простого воспроизводства³⁷. В Рязанской губернии крестьяне имели 1 дес. пашни на душу, что при среднем урожае 40-х годов давало им лишь 16,8 пуда чистого сбора³⁸. При этом необходимо было заплатить подушную подать, эквивалентную по местным ценам 1,4 пудам хлеба. Постоянно занятые на барщине, крестьяне практически не имели возможности зарабатывать деньги промыслами, поэтому, очевидно, их потребление было на уровне голодного минимума в 15 пудов. Оброчные крестьяне имели такой же надел, что и барщинные – но вместо барщины, должны были платить оброк, эквивалентный в конце 50-х годов 9-10 пудам³⁹. Очевидно, что оброчные крестьяне были вынуждены зарабатывать деньги для уплаты оброка ремеслом и отходничеством; оценка этих доходов затруднена недостатком данных, тем не менее, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов выполнили такой расчет для Рязанской губернии и установили, что заработки оброчных крестьян не обеспечивали минимального уровня потребления⁴⁰.

«Приобретенные крестьянами от их помещиков выгоды обеспечивали им лишь *минимум* средств существования, – подчеркивал А. Д. Повалишин, – и не давали возможности даже в отдаленном будущем думать об улучшении этого положения... Наоборот, весь ход развития помещичьего хозяйства давал основание заключить о переходе крестьян в совершенное рабство...»⁴¹

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины в 1815-1825 годах у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и к голоду. Неурожай и голод на Черноземье отмечался в 1833-34, 1839-1840, 1848, 1856 годах. «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно, – писал в 1841 году А. П. Заблоцкий-Десятковский. – Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома, – все идет в пищу. При этом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина?»⁴²

В конечном счете, так же как в 1780-х годах, увеличение ренты привело к демографическому кризису. В 1847-1849 годах к голоду присоединились его обычные спутники – эпидемии, но вследствие постоянного недоедания огромных масс крепостных эпидемия холеры приняла катастрофический характер. Толпы нищих, как тени, блуждали по селам, прося милостыню; крестьяне питались мякиной и лебедой. Зимой к холере присоединились цинга и оспа. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи». «Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое, в безлесных уездах, состоит

большей частью из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избытков крыш»⁴³.

В 1848 г. по данным Министерства внутренних дел только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847-1849 годах составляло около одного миллиона⁴⁴.

Голод (вместе с влиянием европейских событий) привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1847 году голод породил массовое переселение крестьян Белоруссии, которое привело к крупным столкновениям с войсками⁴⁵. В 1848 году было зарегистрировано 160 крестьянских волнений – число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень (см. рис. 4.5). Правительство было вынуждено принимать экстренные меры. Местные власти оказывали давление на помещиков, требовали от них выдачи подписок-обязательств о прокормлении крестьян до нового урожая и об обеспечении посева весной. Помещикам выдавались ссуды для приобретения посевного зерна, а в случае растраты этих ссуд их имения передавались в опеку. Власти организовали общественные работы, бесплатно выдавали паспорта отходникам. В деревнях на случай неурожая создавались запасные хлебные магазины⁴⁶. Очевидно, влияние кризиса сказалось также и на поспешном введении инвентарей в Западном крае (см. п. 4.1.12).

Как и в 1790-х годах, кризис вынудил помещиков к временному снижению ренты. Известны конкретные случаи такого рода, например, голод в тульской вотчине заставил графа Шереметева дать крестьянам ссуду и отпустить их на оброк⁴⁷. Более существенным моментом было то, что, как и в 1790-х годах, помещики уже не могли увеличивать оброки, чтобы компенсировать инфляцию. В 1855-1859 годах в результате эмиссии кредитных билетов в период Крымской войны цена ржи возросла по сравнению с предыдущим пятилетием в полтора раза. В итоге перед освобождением оброк составлял в Рязанской и Тамбовской губерниях (и во всем Черноземье) 10 пудов с души⁴⁸ – то есть уменьшился по сравнению с 1840-ми годами примерно в полтора раза.

4.1.5. Сжатие в Центральном районе

Центральный район пребывал в состоянии Сжатия еще с 30-х годов XVIII века, и положение здесь смягчалось лишь поставкой хлеба с Черноземья. В 1815-1833 годах среднегодовой прирост крепостного населения в Центре составлял лишь 0,39%, а в 1833-1857 годах прирост сменился убылью в 0,07%. Поскольку крепостные составляли основную часть населения, то в целом население также стагнировало: по пяти центральным губерниям среднегодовой рост составлял в 1833-1857 годах лишь 0,08%. За полвека посевы хлебов увеличились на 22% – отчасти за счет увеличения нормы высева, отчасти за счет ввода в оборот бедных земель, которые раньше не использовались. В силу этих обстоятельств, а также вследствие общего истощения почв урожайность, которая в XVIII веке составляла в

среднем сам-3,1, в первой половине XIX века упала до сам-2,7. Чистый сбор хлебов на душу населения на протяжении первой половины столетия оставался практически постоянным и составлял 2,3 четверти (17,7 пуда на душу). Вследствие распашки лугов значительно сократилось поголовье скота; в 1842 году на 100 человек приходилось 29 лошадей и 38 коров, а в 1860 году – 23 лошади и 31 корова⁴⁹.

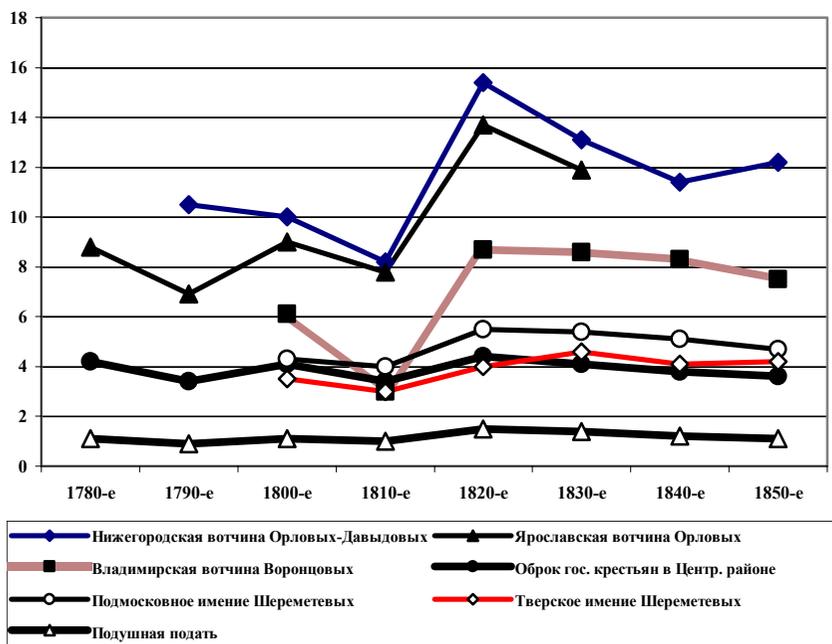

Рис. 4.3. Динамика оброков в Центральном районе в 1780-1850-х годах (в пудах на душу населения)⁵⁰.

Крестьянское малоземелье заставляло помещиков переводить еще оставшихся барщинных крестьян на оброк и отказываться от барской запашки – к середине XIX века барская запашка составляла только 15% пашни. Высвободившиеся земли делили между крестьянами, и – вместе с освоением новых земель – это до какой-то степени позволяло бороться с малоземельем. Чистый сбор на наделах помещичьих крестьян в середине столетия составлял около 2 четвертей (15,4 пуда) хлеба на душу⁵¹ – то есть был как раз на уровне потребительского минимума. Но, кроме того, крестьянину нужно было платить налоги и оброк; в Центре преобладали оброчные крестьяне, оброк был очень различным и зависел от развития промыслов в конкретном селе, от близости столиц, куда отправлялись массы отходовников, и некоторых других факторов. После резкого увеличения в 20-х годах

оброки в целом стабилизировались. В середине XIX века средний оброк в Московской губернии был равен примерно 4 руб. 68 коп. серебром или 8,7 пуда хлеба на душу⁵² – и часто получалось так, что крестьяне продавали весь свой урожай, платили оброки и налоги, а потом уходили на заработки, и, как могли, жили ремеслами и промыслами.

Оценка уровня доходов и расходов оброчных крестьян, произведенная И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым для Московской и Тверской губерний⁵³, показывает, что, несмотря на масштабы промысловой деятельности крестьян, их заработки были недостаточны, и у них не хватало денег на пропитание и на уплату оброков. Данные по отдельным крупным имениям указывают на постоянный рост недоимок, которые помещики вынуждены были снимать – но они снова росли. К 1858 году средняя недоимка по Калужской губернии составляла около 4/5 годового оброка⁵⁴.

Положение государственных крестьян было лучше, чем положение крепостных, но недостаток земли ощущался и в казенной деревне. По вычислениям комиссий, работавших в 1850-х годах, в Костромской губернии доля избыточной рабочей силы составляла 37%, во Владимирской губернии – 41%⁵⁵.

В соответствии с демографически-структурной теорией нехватка земли вынуждала крестьян заниматься ремеслом. 27% мужчин из деревень центральных губерний вообще не пахали землю: они ежегодно уходили на промыслы; 700 тысяч работали бурлаками и грузчиками на судах, 600 тысяч – батраками на южных латифундиях, 400 тысяч – строительными рабочими, 400 тысяч – извозчиками, 250 тысяч – слугами, 200 тысяч становились ремесленниками в городах, 100 тысяч – фабричными рабочими⁵⁶. Перенаселение понизило цены на рабочие руки, и на многих вотчинных мануфактурах вместо принадлежавших хозяину крепостных стали использовать отходников. В суконной промышленности в 1825 году насчитывалось 324 мануфактуры, на которых работали в основном крепостные (82%), в 1850 году на 492 мануфактурах было лишь 4% крепостных, принадлежавших хозяевам⁵⁷.

Начинающаяся промышленная революция вызвала упадок многих старых промыслов и появление новых. Бурлаки на Волге в 1810-х годах зарабатывали около 300 рублей за сезон, но в 30-х годах появились суда с конными машинами, а затем пароходы и заработок упал до 60-90 рублей. Это означало разорение и нищету для многих прежде богатых волжских сел⁵⁸. Появление пароходов привело к упадку полотняного и парусинного промысла, но с другой стороны, промышленная революция вызвала стремительное развитие хлопчатобумажного производства. Поначалу ткачи работали на английской пряже, но в 1842 году был разрешен ввоз прядильных машин из Англии. В 1843 году в России насчитывалось уже 40 бумагопрядильных мануфактур с 350 тысячами веретен, в 1869 году число веретен достигло 1,6 млн. Дешевые хлопчатые ткани быстро вытесняли льняные. В одной Владимирской губернии, имевшей в 1850 году 1100 тыс. жителей, было 150 тысяч ткачей-надомников. Село Иваново выросло в промышлен-

ный город, в нем было 135 фабрик с 10 тысячами рабочих, причем хлопок для фабрик доставляли из Америки! Промышленные города и ремесленные поселки жили привозным хлебом; в губернию ежегодно ввозилось 4 млн. пудов хлеба, т. е. около 4 пудов на каждого жителя – таким образом, привозной хлеб обеспечивал 20-25% потребления⁵⁹.

Согласно теории, перенаселение и нехватка земли побуждают крестьян не только заниматься ремеслами, но и переселяться в города – ближе к большим рынкам. В России крепостное право препятствовало этому процессу, и ремесла развивались по большей части в селах. Однако тенденция к миграции в города все же пробивала себе дорогу: темп роста городского населения Европейской России заметно ускорился, в 1811-1831 годах он составлял 0,47% в год, а в 1832-1859 годах – 0,91%; при этом $\frac{3}{4}$ прироста давали мигранты. В отличие от XVIII века, городское население росло значительно быстрее, чем население в целом (в 1833-1857 гг. темп роста населения в границах I ревизии составлял 0,65%). В населении городов по-прежнему большую долю (около одной трети) составляли крестьяне, осевшие в посадах, но числившиеся деревенскими жителями⁶⁰.

4.1.6. Положение государственных крестьян

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория акцентирует роль дифференциации крестьянства. Дж. Голдстоун особо отмечал, что ухудшение положения беднейших слоев населения может привести к социальному взрыву задолго до того как продовольственные возможности страны будут исчерпаны⁶¹. Ухудшение положения крепостных крестьян делало такой вариант развития событий вполне реальным. Но в то же время нельзя забывать о том, что рядом с крепостнической Россией существовала другая Россия – страна свободных государственных крестьян-общинников. В то время как рост численности помещичьих крестьян остановился, численность государственных крестьян быстро росла, и в середине XIX века они составляли половину населения. Император Александр I, придя к власти, заявил, что не желает «насаждать рабство» и прекратил пожалование государственных и дворцовых крестьян помещикам⁶².

В то время как оброки крепостных в 1820-х возросли в 2-3 раза и достигли 8-10 рублей серебром с ревизской души, государственные оброки остались на уровне 2,5 рублей серебром. На Черноземье крепостные крестьяне платили в 1830-40-х годах в пересчете на хлеб 15-18 пудов с души всего населения, а государственные крестьяне – 5-7 пудов, примерно столько же, сколько во времена Екатерины II (см. рис. 4.2). Подушная подать также почти не изменилась с тех времен, в пересчете на хлеб она составляла около 2 пудов на душу (в Центральном районе вдвое меньше – рис. 4.3). Таким образом, «эксплуататорский бум» 1820-х годов не коснулся государственной деревни, оброки и налоги оставались умеренными.

Уровень жизни крестьян зависел также от размеров наделов. В конце 50-х годов помещичьи крестьяне Тамбовской губернии имели в среднем 1 десятину пашни на душу, а государственные крестьяне – 1,7 дес. (таким же

был и средний надел по всему Черноземью). Уровень оброка помещичьих крестьян в пересчете на хлеб в результате инфляции к этому времени понизился до 11 пудов на душу, а оброк государственных крестьян составлял 6,7 пуда⁶³.

В целом, государственные крестьяне Черноземья жили намного лучше, чем помещичьи. К примеру, государственные крестьяне потребляли вдвое больше вина – в 40-х годах в среднем на 4 рубля ассигнациями (2,4 пуда хлеба) на душу. В Пензенской губернии в урожайный год средний двор имел излишки до 25 пудов на душу. На средний двор в этой губернии (насчитывавший 8 душ) приходилось 2 лошади, 2 коровы и 8 голов мелкого скота⁶⁴.

Однако, как отмечалось выше (п. 3.5.2), господство дворянства в структуре «государство-элита-народ» привело к подчинению государства элите и массовому распространению коррупции. В то время как помещичьи крестьяне находились во власти помещиков, государственные крестьяне находились в зависимости от чиновников. Павел I утвердил выборное волостное самоуправление, однако в правление Александра I крестьянское самоуправление было подмято под себя коррумпированным чиновничеством. По свидетельству современников, государственную деревню грабили все без исключения, на ней наживались и земские исправники, и коронные чиновники через посредство выборных крестьянских начальников. Сметные книги волостных правлений содержали приходные записи, во много раз превышающие официальные сборы; под самыми разными поводами среди крестьян устраивались «добровольные» складки для «задабривания» чиновников⁶⁵.

Дополнительный «оброк», наложенный коррумпированным чиновничеством на государственную деревню, привел к резкому росту недоимок по государственным податям. Недоимки, составлявшие в 1828 году 45 млн. руб., к 1835 году возросли до 68 млн.; это побудило правительство приступить к наведению порядка. Первой была проведена реформа дворцового ведомства, управлявшего личными владениями императорского дома, в которых проживало свыше 1 млн. крестьян. В ходе этой реформы новый руководитель ведомства Л. А. Перовский сменил за воровство и вымогательства свыше 70% чиновников⁶⁶.

Реформа управления государственными имениями была поручена графу П. Д. Киселеву, одному из доверенных друзей императора Николая I. Помимо пресечения коррупции, предусматривалось проведение кадастра и замена подушного оброка податью, взимаемой с земли и промысловых доходов. Было создано Министерство государственных имуществ, взявшее на себя управление государственными крестьянами и провозгласившее своей целью «упрочение хозяйственного быта поселян»⁶⁷.

Сравнительно более высокий уровень жизни определял и высокий уровень естественного прироста государственных крестьян. По 6 губерниям в 1795-1833 гг. этот прирост составлял 1,6%, в 1834-1850 гг. он упал до 0,98% а в 1851-1857 гг. увеличился до 1,15%. Разницу между приростом в

двух последних периодах, по-видимому, можно в основном отнести на счет эпидемии холеры 1848 года, поэтому наибольший интерес представляет уменьшение естественного прироста в 1834-1850 годах. При этом, хотя коэффициент естественного прироста снизился более чем в полтора раза, рост оставался все же достаточно быстрым. За 1795-1833 годы численность государственных крестьян увеличилась в 1,97 раза, за 1834-1857 годы еще в 1,28 раза. Поскольку численность государственных крестьян за 1795-1857 гг. увеличилась в 2,5 раза, то земельные ресурсы, приходившиеся на душу населения, существенно уменьшились, и это не могло не отразиться на уровне жизни государственных крестьян. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858-1878 гг. По подсчетам Семенова в Центрально-земледельческом районе эта связь выглядела следующим образом:

Надел на ревизскую душу (дес.)	Менее 1	1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	Более 6
Прирост в 1858-1878 гг. (%)	16,6	17,3	19,0	21,2	25,4	27,6	30,3
Годовой естественный прирост (%)	0,77	0,80	0,87	0,96	1,14	1,23	1,33

Табл. 4.4. Зависимость между размерами надела и приростом крестьянского населения в 1858-1878 гг.⁶⁸.

Если мы заменим интервалы значений средними величинами («менее 1» на 0,5, интервал (1,2) на 1,5 и т.д., интервал «более 6» на 6,5), и найдем корреляцию между средними значениями и среднегодовым естественным приростом, то мы получим необычайно высокий коэффициент – 0,98, то есть величина надела в этот период определяла динамику прироста на 96%. При этом существенно, что увеличение прироста с увеличением надела отмечалось и при сравнительно больших наделах, подобных тем, которые были у государственных крестьян черноземных губерний в 1850-е годы (наделах в 3-5 дес. на ревизскую душу). Естественно ожидать, что связь между величинами надела и естественного прироста должна отмечаться и в 1850-е годы. Действительно, для этого периода коэффициент корреляции между земельными наделами государственных крестьян и их естественным приростом составляет 0,79⁶⁹. Связь оказывается слабее, чем в последующий период, но все же величина надела определяла динамику роста на 62%. Это позволяет утверждать, что падение естественного прироста в 1834-1858 гг. было вызвано, главным образом, уменьшением величины надела, то есть это был результат действия основного «мальтузианского» механизма. Однако имели место и другие факторы, в том числе увеличение податного обложения в результате реформы П. Д. Киселева, а так же отмечаемое многими авторами падение урожайности (см. п. 4.1.1).

4.1.7. Динамика социальной борьбы. Крестьянские волнения

Увеличение повинностей в первой половине XIX столетия вызывало сопротивление крестьянства, проявлявшееся, прежде всего, в крестьянских волнениях. Динамика крестьянских волнений отражает интенсивность борьбы за перераспределение ресурсов в структуре «государство-элитанарод». На долю помещичьих крестьян приходилось 90% всех выступлений, что объясняется большим различием в материальном и социальном положении двух категорий крестьянства. Основным социальным конфликтом, угрожавшим стабильности государства, был конфликт между помещиками и крепостными.

Как видно из рис. 4.4, число крестьянских волнений резко возросло в период повышения ренты в 1820-х годах, затем несколько понизилось, а потом снова стало расти. В 1840-х годах общее число волнений было почти в четыре раза больше, чем в первое десятилетие XIX века. По данным В.А. Федорова в Центральном районе 59% всех волнений были обусловлены ухудшением положения крестьян – увеличением оброка и барщины, переводом на смешанную повинность, отобранием земли, недостатком продовольствия, жестокими наказаниями, стеснением в промыслах, самоуправством властей. Причиной 20% волнений была смена владельца, которая также часто вела к ухудшению положения крестьян, но иногда порождала и надежды на освобождение по завещанию умершего помещика. 15% волнений было вызвано слухами о «воле», дарованной царем⁷⁰.

Теоретически число волнений было невелико, ежегодно в среднем по Центральному району в них принимало участие лишь 0,3% помещичьих крестьян⁷¹. Однако присутствие такой причины волнений, как слухи о «воле», приводило к непредсказуемым и сильным всплескам крестьянских волнений, вызывавшим острое беспокойство у правительства. Эти всплески говорили о потенциальной возможности спонтанного социального взрыва, в котором могло проявиться накопленное за десятилетия социальное напряжение. Резкие всплески массовых выступлений отмечались в 1797, 1812, 1826, 1848 годах (см. рис. 4.4). Поводом для волнения 1796-1797 годов были надежды крестьян на освобождение, вызванные реформами Павла I. Волнения 1826 года были связаны с ожиданием перемен при воцарении императора Николая I; эти надежды совместились с реакцией крестьян на повышение ренты. В этом году волнениями были охвачены некоторые большие имения, насчитывавшие тысячи крепостных «душ», и помещики одно время говорили о «второй пугачевщине»⁷².

Под впечатлением волнений 1826 года Николай I издал рескрипт, предписывающий предводителям дворянства вести негласное наблюдение за помещиками и в случае обнаружения злоупотреблений информировать вышестоящие власти. За 12 лет, с 1834 по 1845 год было осуждено за злоупотребления 630 помещиков, но наказания были довольно легкие и не соответствовали тяжести преступлений⁷³. Все же сам факт заведения судебных дел, по-видимому, сыграл некоторую роль в приостановке роста ренты; в 1830-х годах число крестьянских волнений уменьшилось, но за-

тем снова стало расти. В 1848 году в обстановке голода и холерной эпидемии снова распространились слухи об освобождении; эти слухи были связаны с появлением указа 1847 года о возможности выкупа крестьян при продаже имения за долги. Одновременно под влиянием галицийского восстания 1846 года и европейской революции произошла мощная вспышка волнений на Украине; сложившись, эти движения породили пик волнений 1848 года. Волнения на Украине вызвали панику среди помещиков и их массовое бегство из деревни в города; среди крестьян западных областей ходили слухи, что французы уже идут освобождать их от помещиков. Эти волнения выявили роль диффузионного фактора и показали, что в условиях высокой социальной напряженности поводом для бунта могут стать также и внешнеполитические события⁷⁴.

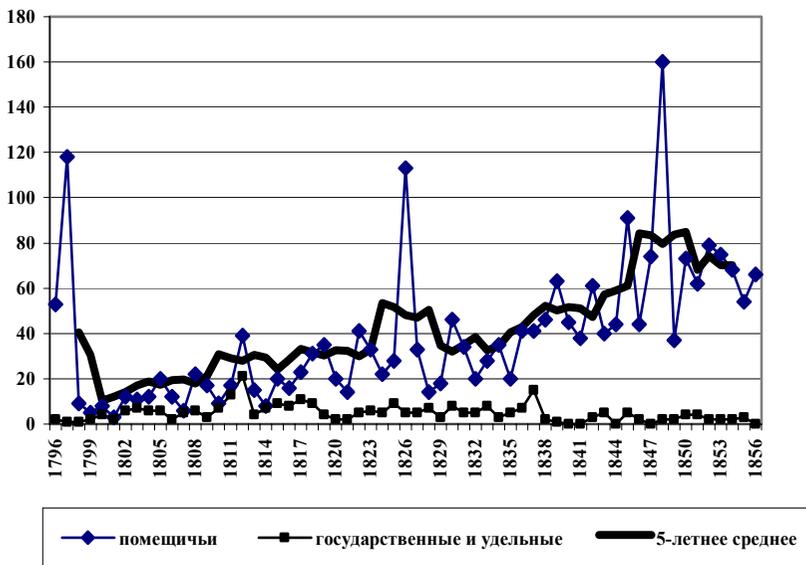

Рис. 4.4. Динамика волнений помещичьих и государственных крестьян и тренд для общего числа волнений в 1796-1856 годах⁷⁵.

Спонтанные вспышки крестьянских волнений порождали у властей боязнь перемен, боязнь того, что реформы могут спровоцировать всеобщий бунт. «Нет сомнения, что крепостное право... есть зло, для всех ощутительное и очевидное, – говорил Николай I в 1842 году, – но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более губительным»⁷⁶. Но в то же время власти хорошо понимали всю опасность нарастания социальной напряженности. «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности», – писал в своем отчете царю за 1834 год начальник III отделения. «Простой народ ныне не тот, что был за 25

лет перед сим... – писал он в отчете за 1839 год. – Вообще весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению»⁷⁷.

О нарастании социальной напряженности говорит также и рост числа крестьян, сосланных в Сибирь помещиками за «дурное поведение». В 1827-1831 годах было сослано 1249 крестьян, в 1832-1836 годах количество сосланных уменьшилось до 882 (что соответствует уменьшению числа крестьянских волнений), но затем оно возросло до 1980 в 1837-1841 годах и 2775 в 1842-1846 годах⁷⁸. В то же время другой показатель социальной напряженности, динамика преступности, не показывает определенной тенденции к росту. В то время как число волнений исчислялось десятками, статистика преступлений оперировала десятками тысяч, и социальные конфликты растворялись в массе бытовых преступлений. В целом уровень криминогенности в России был намного ниже, чем в европейских странах: в 4 раза ниже, чем во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии⁷⁹. Число покушений на жизнь помещиков было, в целом, невелико, тем не менее, имеются свидетельства о росте числа убийств и избиений «господ». В Рязанской губернии в 1801-1820 годах был лишь один такой случай, в 1821-1830 годах – 6 случаев, в 1831-1840 годах – 9 случаев, в 1841-1850 годах – 10 случаев и в 1851-1860 годах – 20 случаев⁸⁰.

Демографически-структурная теория утверждает, что процесс Сжатию сопровождается падением авторитета официальной церкви и распространением диссидентских течений. Действительно, наблюдалось определенное «охлаждение» крестьян к православной церкви, которая покорно служила их господам и постепенно утрачивала доверие народа. По закону 1722 года каждый подданный был обязан ежегодно исповедоваться у священника, но число уклонявшихся от исповеди постоянно возрастало. Например, в Волоколамском уезде Московской губернии в 1796 году уклонились от исповеди 4,2% помещичьих крестьян, а в 1858 году – 9,5%; значительно возросло число раскольников⁸¹.

4.1.8. Динамика элиты

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание динамике материального положения элиты. Ухудшение материального положения в связи с ростом численности элиты и дроблением поместий служит классическим объяснением повышения недовольства дворянства и увеличения давления элиты, как на народ, так и на государство. Как отмечалось выше, в XVIII веке доля дворянства в общей численности населения постоянно возрастала. Как следует из данных, приводимых В. М. Кабузаном и С. М. Троицким (табл. 4.5), эта доля продолжала возрастать и в начале XIX века. Число крепостных на одного дворянина за 1782-1816 годы сократилось в 1,6 раза, соответственно уменьшились и доходы дворянства, что до некоторой степени объясняет недовольство дворян и последовавшее в 1816-1820 годах увеличение ренты (хотя, конечно, это была не единственная причина).

	Численность (тыс.)	1782	1795	1816	1834	1850	1858
По Европейской России	Дворян	84	112	156	166	190	218
	в т. ч. личных			66			94
	%дворяноквсемунаселению	0,64	0,77	0,92	0,8	0,82	0,84
	крепостныхнаодногодворянина	76	64	48	52	45	39
В Центральном районе	Дворян	20,5	19,2	19,9	21,6	25,7	34
	в т. ч. личных			11,7			17,7
	крепостныхнаодногодворянина	94	106	103	102	85	65
В Черноземном районе	Дворян	13,1	21,3	25,7	33,4	35,5	32,9
	в т. ч. личных			10,0			11,0
	крепостныхнаодногодворянина	116	78	73	63	59	64

Табл. 4.5. Численность дворян (мужского пола) на территории Европейской России (в границах 1772 года)⁸².

В численном отношении преобладающую часть дворянства составляли мелкие дворяне, но все вместе они владели лишь малой частью крестьян. Правительство было обеспокоено ростом «дворянского пролетариата», и по указу Николая I была проведена «чистка» дворянства. Был организован перевод разорившихся дворян в однодворцы и в государственные крестьяне, поэтому число беспоместных и мелкопоместных дворян в 1838-1858 годах существенно уменьшилось (табл. 4.6). На территориях, находившихся ранее в составе Речи Посполитой, положению было иным: здесь имелось огромное количество малоземельной шляхты. Если в 1795 году собственно в России имелось 112 тысяч дворян мужского пола, то на присоединенных территориях их было 251 тыс.; на одного дворянина (включая детей и женщин) здесь приходилось только 14 крестьян, в то время как собственно в России – 64⁸³. Мелкая шляхта в массовых масштабах отнимала у крестьян землю и переводила их на «месячину» – голодные месячные пайки. «Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... – говорится в докладе Министерства внутренних дел от 7 февраля 1853 года. – Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном и угнетенном положении... Крестьяне нисходят до последней степени нищеты и нравственного унижения...»⁸⁴. Характеризуя положение крепостных на Украине, Ю. Ф. Самарин писал: «Требования помещиков непомерны; средства истязания развратили народ и сделали его бесчувственным. В имении, которым управляет Т., ежегодно секли от 40 до 60 баб, в том числе и беременных»⁸⁵. Сам Николай I в резолюции на рапорте виленского генерал-губернатора признавал, что западные губернии находятся в «страшном состоянии», которое невозможно исправить, действуя лишь законными мерами⁸⁶.

		Беспоместные	1-40	41-200	201-1000	1001-2000	более 2000	Всего
1838	Помещиков в тыс.	17,8	58,5	30,4	16,7	2,3	1,5	127103
	в %	14	46	24	13	1,8	1,1	100
	У них крестьян в тыс.	124	900	3001	7268	3126	7114	21533
	в %	0,6	4,1	13,9	33,9	14,5	33,0	100
	На 1 помещика крестьян	6	16	98	434	1376	4896	168
1858	Помещиков в тыс.	3,6	41,0	35,5	19,9	2,4	1,4	103880
	в %	3,5	39,5	34,5	19,2	2,3	1,3	100
	У них крестьян в тыс.	24	655	3332	7850	3140	6101	21102
	в %	0,1	3,1	15,8	37,1	14,9	29,0	100
	На 1 помещика крестьян	6	16	94	394	1296	4414	202

Табл.4.6. Численность помещиков Европейской России в зависимости от числа душ в их владении⁸⁷.

Рост численности дворянства был не единственной причиной усиления его давления на народ. Как отмечалось выше (см. пункт 3.5.4) вестернизация привела к деформации дворянского менталитета и формированию комплекса престижного потребления, который психологически давил на дворян, подталкивая их к непосильным расходам.

4.1.9. Вопрос о рентабельности барщинных хозяйств

В 1850-х годах – отчасти под влиянием крестьянских волнений – отмечается некоторое уменьшение крестьянских повинностей. Это породило среди историков споры о рентабельности крепостного хозяйства. Согласно марксистской историографии крепостное хозяйство «изжило себя» и приходило в упадок. Вопрос о том, имело ли место «изживание» крепостничества, имеет существенное значение в контексте неомальтузианской теории: дело в том, что увеличение численности населения приводит к удешевлению рабочей силы и в условиях избыточного предложения свободного труда рабство и крепостничество, действительно, может стать невыгодным. О том, что такое развитие событий вполне возможно, говорят некоторые исторические примеры, в частности, исчезновение категории крепостных крестьян в Китае в эпоху Цин⁸⁸. Связь между рентабельностью крепостничества и плотностью населения не была секретом и для государственных деятелей эпохи Николая I. «Крепостное право падет само собой, – писал адмирал Н. С. Мордвинов... – когда население будет соответствовать пространству земли...»⁸⁹. Министр внутренних дел Л. А. Перовский также отмечал, что опыт отдельных губерний показывает, что там, где нет недостатка в рабочих руках, хозяйствовать вольнонаемным трудом выгоднее, чем крепостным⁹⁰.

Действительно, рост населения в Центральном районе заставлял помещиков переводить крестьян с барщины на оброк. Однако в целом уровень прибыли крепостных хозяйств оставался еще достаточно высоким. «Барщинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее

щинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее производительной организацией земледельческого труда, и объективно, и, в особенности, с точки зрения получения прибавочной стоимости, – писал в свое время П. Б. Струве. – Владение крещеной собственностью могло тяготить русских помещиков только в перенаселенных местностях, то есть в мало-земельных имениях. Но мы не имеем указаний на то, чтобы помещики этих мест настолько тяготились своими крестьянами, чтобы стремиться от них избавиться. Иначе мы бы видели массовый отпуск крестьян на волю...»⁹¹

«Поскольку можно заключить из многочисленных в тогдашней литературе вычислений... а также из факта все еще широкого распространения барщины, – отмечал известный экономист П. И. Ляшенко, – крепостное помещичье хозяйство... было все еще выгодно, как сравнительно с оброчным, так и с вольнонаемным хозяйством»⁹². Мнения о том, что крепостное хозяйство было достаточно прибыльным, придерживаются также многие современные исследователи⁹³. Можно привести много примеров высоко рентабельных барщинных хозяйств. Известно, например, о громадном превышении доходов над расходами в тульских и рязанских вотчинах Юсуповых⁹⁴. Петровское имение Гагариных в Тамбовской губернии насчитывало 3,2 тысячи ревизских душ и приносило в 1856-1859 годах в среднем по 35 рублей с души или в хлебном эквиваленте по 28 пудов хлеба⁹⁵.

Таким образом, суждения о «кризисе» крепостного хозяйства выглядят преувеличенными и не объясняют последовавшей в 1861 году отмены крепостничества. «Крепостнические отношения были ликвидированы сверху, а не в силу своего внутреннего разложения», – подчеркивает Б. Н. Мионов⁹⁶.

С вопросом о рентабельности барщинного хозяйства тесно связан вопрос о росте задолженности помещиков. Дворянская монархия пыталась помочь правящему сословию, в том числе через организацию льготного кредитования. В 1759 году по инициативе П. И. Шувалова был создан Медный банк, выдававший кредиты такого рода. Канцлер граф М. И. Воронцов предупреждал, что получившие ссуды дворяне растрачат деньги впустую. Уже сейчас, отмечал канцлер, многие дворяне, заложив свои имения, тратят деньги в заграничных путешествиях. Действительно, получившие ссуды представители высшей знати практически ничего не вернули банку, и вскоре он прекратил свое существование⁹⁷. Тем не менее, в конце XVIII века система государственных банков была создана; эти банки давали кредиты под залог поместий на очень большие сроки (до 24 лет) и под очень низкий процент (до 1831 года – 6%, а затем – 5%)⁹⁸.

	1823	1833	1843	1859
Объем задолженности (млн. руб. сер.)	90	205	340	425
Заложено крестьян (млн.) и процент к общему числу	2,1 (20%)	4,5 (43%)	6,4 (52%)	7,1 (66%)
Объем вкладов (млн. руб. сер.)	111	268	416	746
Соотношение долги/вклады	0,81	0,76	0,82	0,57

Табл. 4.7. Объем задолженности и вклады помещиков в 1823-1859 годах⁹⁹.

Задолженность помещиков быстро росла, и к 1859 году было заложено 7,1 млн. душ – 66% их общей численности. Условия кредитов были настолько выгодны, что помещики часто брали ссуды, чтобы передать эти деньги в долг купцам под большой процент. В то же время они не торопились отдавать кредиты, постоянно добиваясь новых пролонгаций и облегчения условий возврата. Банки не решались применять к помещикам жесткие меры и продавать поместья за долги. В Петербургской сохранный казне к 1859 году было заложено 8453 поместья, из них за 1849-1859 годы было назначено к продаже 404 и меньше 100 были действительно проданы. В Тульской губернии было заложено три четверти всех крестьян, но из 3 тысяч заложённых поместий за 1854-1858 годы было продано только 20¹⁰⁰. В 1866 году министр финансов М. Х. Рейтерн докладывал, что за 1831-1865 годы помещикам было роздано в ссуду не менее 400 млн. рублей и «за малейшей частью все остальное пропало бесследно для народного хозяйства»¹⁰¹.

В то же время масштабы дворянской задолженности не следует преувеличивать. На Черноземье помещики могли получить в виде займов до 70 рублей на ревизскую душу, но фактически задолженность была в половину меньше, и с 1842 года она не увеличивалась. По некоторым оценкам, стоимость только недвижимого имущества помещиков в 1859 году составляла 2,1 млрд. руб., а все их долги исчислялись в 425 млн. руб. Такое соотношение долга и собственности отнюдь не считается чрезмерным¹⁰².

С другой стороны, те же самые государственные банки, которые выдавали кредиты помещикам, принимали от них вклады. До 1820-х годов объем вкладов был невелик, но затем он начал стремительно расти – намного быстрее, чем объем долгов. К 1850 году российские дворянские банки (мы не учитываем здесь вклады купеческого Коммерческого банка) имели на хранении огромные средства, в несколько раз большие, чем все банки Лондона¹⁰³. Откуда взялись эти деньги? Очевидно, это были аккумулированные крестьянские оброки, те самые колоссальные суммы, которые стали получать помещики после тройного увеличения оброков в 20-х годах. Банки давали 5% по вкладу, и в стране, где практически не было акций, это был самый простой и выгодный способ хранения и преумножения денег¹⁰⁴. Таким образом, огромный рост вкладов говорит о росте богатства дворянского сословия.

Что же касается роста задолженности, то отсутствие связи между задолженностью и разорением помещиков отмечалось еще современниками. Так, в 1856 году министр внутренних дел Ланской писал, что на богатых саратовских помещиках числилось почти столько же долгов, сколько на помещиках нищей Витебской губернии¹⁰⁵.

4.1.10. Динамика государства: правление Александра I

Анализ исторического процесса в рамках демографически-структурной теории требует отдельного рассмотрения динамики государ-

ства. Согласно теории, в период Сжатия в связи с ростом цен и инфляцией государство испытывает финансовые трудности, с другой стороны, обостряется борьба между государством и элитой за распределение ресурсов. Для периода Сжатия характерны также попытки реформ с целью облегчения положения народа.

В конце XVIII века Сжатие в Центральном районе – в соответствии с положениями демографически-структурной теории – побудило правительство обратить внимание на тяжелое положение народа и ввести законодательное ограничение барщины. Другим следствием Сжатия стал конфликт между государством и элитой на почве распределения ресурсов, завершившийся убийством императора Павла I. Александр I был вынужден проводить свою политику с оглядкой на дворянство, но, тем не менее, эти два следствия Сжатия – тяжелое положение крестьянства и противоречие интересов государства и элиты – как мы увидим далее, постоянно имелись им в виду и побуждали к попыткам реформ. Но имелся также еще один мотив, побуждавший императора к действию – это было западное диффузионное влияние, усиленное обстоятельствами воспитания молодого царя.

Волею случая наставником Александра оказался Фридрих-Цезарь Лагарп, французский республиканец, впоследствии ставшим одним из руководителей Гельветической республики. По собственному признанию Александра, он был обязан Лагарпу «всем, кроме рождения»¹⁰⁶. Насколько можно судить по конспектам Лагарпа, воспитатель стремился привить наследнику престола идеалы просвященной монархии, ограниченной «фундаментальными законами»¹⁰⁷. В 1797 году вокруг наследника образовался кружок молодых друзей, который Г. Р. Державин называл не иначе как «якобинской шайкой». План «молодых друзей» состоял в постепенных преобразованиях «сверху» с целью введения конституции – причем Александр хорошо сознавал опасность этого плана, поэтому конечная цель преобразований должна была долгое время оставаться тайной для всех, кроме немногих посвященных¹⁰⁸.

В планы молодого царя входила и отмена крепостного права. Государственный секретарь А. С. Шишков писал позже, что у Александра сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Предубеждение это, по словам Шихова, «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»¹⁰⁹.

Таким образом, политическая программа Александра подразумевала частичную модернизацию России по французскому образцу и включала постепенное установление конституционного правления и отмену крепостного права. В этих устремлениях молодого царя, несомненно, проявлялось влияние диффузионного фактора – мощного процесса диффузии западных идей, связанного с французской революцией.

Однако, в отличие от Петра I, Александр I не мог проводить реформы силой самодержавной власти. Переворот 1801 года означал новую победу дворянства и поражение абсолютизма. В первых указах, изданных Александром, он был вынужден уничтожить едва ли не главное орудие самодержавия, Тайную экспедицию, и амнистировать всех осужденных ей заговорщиков. Было объявлено о подтверждении постоянно нарушавшейся Павлом I Жалованной грамоты дворянству и восстановлении дворянского самоуправления. «Для рассуждения и уважения дел государственных» был образован Совет из представителей высшей аристократии (этот Совет позже стали называть Государственным). С первых дней своего существования этот Совет приобрел такое значение, что его позиция предопределяла решения Александра по важнейшим политическим вопросам. Вельможи стремились ограничить власть императора подобием аристократической конституции и превратить Сенат в выборное дворянское представительство¹¹⁰.

Однако конституция, разрабатывавшаяся по указанию Александра М.М. Сперанским, была не той конституцией, которой желала аристократия. Созданная под влиянием французских образцов конституция Сперанского предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, – свидетельствует Д. П. Рунич, – теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право. Недовольство высшего сословия было всеобщим»¹¹¹.

Таким образом, дворянство, в принципе, желало конституции, которая бы узаконила его власть, но оно было против той конституции, о которой мечтал царь. «Впрочем, – отмечает М. М. Сафонов, – у дворянства было испытанное средство “контролировать” действия правительства и без “конституции”, пресекать любые попытки отклониться от дворянской линии – дворцовый переворот. Это было проверенное и надежное средство, оно всегда действовало как потенциальная угроза. Александр постоянно имел это в виду»¹¹². В правление Александра слухи о заговорах, угрозы и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением, и жесткая оппозиция дворянства останавливала реформы уже в их начальной стадии. Поэтому, пишет М. М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям¹¹³. Были учреждены министерства и Государственный Совет, но смысл этой административной деятельности оставался неясным и вызывал недоумение у современников, не понимавших, что эти реформы были лишь началом далеко идущих, но остававшихся незавершенными замыслов¹¹⁴.

После победы в войне 1812-1814 годов положение царя укрепилось, и он снова приступил к разработке планов реформ. Снова были сделаны осторожные первые шаги: освобождение крестьян в прибалтийских губерниях и введение конституции в Польше, за которым должно было последовать создание общероссийской конституции. «Русская конституция здесь

уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцеве», – докладывал в мае 1819 года прусский консул в Варшаве¹¹⁵. Однако в начале 1820 года вспыхнула революция в Испании, быстро распространившаяся на Италию; Южная Италия погрузилась в хаос междоусобной войны. Эти события привели к резкой перемене в политических взглядах Александра. В августе 1820 года царь писал Меттерниху: «...Я неправильно судил об обществе, сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла, я постараюсь его исправить»¹¹⁶. Планы реформ были оставлены¹¹⁷.

Определенную роль в переходе Александра I на консервативные позиции сыграли и другие факторы: сознание собственного бессилия перед лицом дворянской оппозиции и известия о существовании в России революционных организаций, подобных тем, которые зажгли огонь восстания в Южной Европе. Еще в 1816 году группой офицеров был создан тайный «Союз спасения» – организация по своей структуре и целям подобная карбонарским вентам и немецкому «Тугенбунду». После начала революций в Европе заговорщики приняли программу «военной революции» по испанскому образцу; попытка такой революции была осуществлена в декабре 1825 года после смерти Александра I – и закончилась неудачей¹¹⁸.

Как дореволюционная либеральная, так и значительная часть современной западной историографии рассматривают декабристское движение исключительно как продукт западного влияния – в духе теории вестернизации¹¹⁹. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые современные российские исследователи¹²⁰. Ю.М. Лотман писал о перенимании декабристами западной идеологии: «Перед нами чрезвычайно интересный пример того, как одна идеологическая система, попадая в орбиту другой, “облучается, заражается” по существу чуждыми ей идеями»¹²¹. А. В. Предтеченский указывал на явное несоответствие «сознания передовой части дворянской общественности» «экономическому базису» – то есть на невозможность объяснить движение декабристов социально-экономическими процессами¹²². Естественно, что это движение не находит объяснения и в рамках описывающей эти процессы демографически-структурной теории – очевидно, его объяснение надо искать в контексте теории вестернизации.

Основной вывод из этого краткого обзора главных тенденций царствования Александра I состоит в том, что ни движение декабристов, ни попытки реформ сверху не привели к существенным переменам в социально-экономическом развитии России. Действие диффузионного и демографического факторов оказалось слишком слабым; элита по-прежнему занимала господствующее положение в общественной структуре. Радикализм проектов Александра I и полная неудача попыток проведения их в жизнь очевидным образом свидетельствуют о том, что, с одной стороны, цели государства противоречили целям элиты, но, с другой стороны, государство находилось в подчиненном положении и не могло следовать своим целям.

4.1.11. Борьба за ресурсы

Попытки проведения реформ и сопротивление дворянства отражают динамику отношений государства и элиты. Другим аспектом этих отношений, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, была борьба за ресурсы. Согласно теории, в период Сжатия государство испытывает финансовые трудности, но не может значительно увеличить налоги из-за сопротивления элиты и народа. В отношении налогов политика Александра I была столь же робкой, как политика Екатерины II. Хотя в 1805 году начались войны с Наполеоном, царь не решался увеличивать налоги; как и при Екатерине, военные расходы финансировались путем печатания ассигнаций. Объем находившихся в обращении ассигнаций, составлявший в 1801 году 221 млн. руб., к 1809 году увеличился до 532 млн. руб. Естественно, это привело к бурной инфляции, и курс ассигнационного рубля упал в 1,7 раза, с 72 до 43 копеек. Цена на хлеб в ассигнациях увеличилась примерно в том же соотношении, следовательно (учитывая, что доходная часть бюджета возросла незначительно) казна потеряла свыше трети своих доходов¹²³. Государственный секретарь М. М. Сперанский утверждал, что существующие налоги с «умножением ассигнаций» и «повышением цен» упали с 1800 года в ущерб казне «более, нежели вдвое»¹²⁴. Уменьшилась также и оброчная подать государственных крестьян, если рассматривать ее в хлебном эквиваленте (см. рис. 4.2).

В 1809 году все доходы государственного бюджета составляли 136 млн. руб., а эмиссия ассигнаций – 127 млн., то есть расходы наполовину финансировались за счет эмиссии. Положение стало нетерпимым, и Александр I поручил М. М. Сперанскому провести финансовую реформу. Сперанский увеличил денежные ставки подушной подати для крестьян на 30%, а размеры оброчной подати (для государственных крестьян) – на 60%. Кроме того, был увеличен питейный сбор (что задело интересы помещиков), а также впервые был введен чрезвычайный налог на поместья – по 50 коп. с ревизской души. Благодаря этим нововведениям Сперанскому удалось увеличить государственные доходы почти вдвое и восстановить тот уровень налогов на душу населения, который существовал в 1803 году (см. рис. 4.5). В начале 1812 года государственный секретарь попытался временно ввести подоходный налог с недвижимых имуществ, в том числе с помещичьих имений. Этот налог (так же как чрезвычайный налог 1810 года) вызвал бурное негодование помещиков и стал одной из причин падения Сперанского¹²⁵.

Таким образом, дворянство, с одной стороны, подталкивало правительство к войне с Наполеоном, а с другой стороны, отказывалось оплачивать военные приготовления. Лишь непосредственно в преддверии войны правительство смогло увеличить подушную подать на 50%; оброчная подать государственных крестьян возросла на 25%. Этих сумм было недостаточно для финансирования военных расходов, и правительство вновь обратилось к печатанию ассигнаций. За время войны 1812-1814 годов дефицит бюджета составил 360 млн. рублей; он был более чем наполовину покрыт

эмиссией бумажных денег, в результате чего курс рубля упал до 20 коп. серебром, и правительство было близко к банкротству – положение спасли лишь победа и то обстоятельство, что война оказалась непродолжительной¹²⁶.

Необходимо отметить, что гиперинфляция была достаточно характерным следствием войны: в условиях Сжатия государство опасается повышать налоги с населения и единственным способом финансирования войны становится эмиссия бумажных денег, которая вызывает резкий рост цен и расстройство рынка. Другим опасным для государства последствием Сжатия в условиях войны является ненадежность мобилизуемых в армию крестьян-ополченцев и опасность восстания крестьян в тылу. Восстание Пензенского ополчения в декабре 1812 года было чрезвычайно опасным симптомом; имели место также многочисленные волнения и восстания крестьян в прифронтовых районах¹²⁷.

После окончания войны 1812 года правительство столкнулось с волнениями ополченцев, которые не желали снова возвращаться в крепостное состояние. Большую часть демобилизованных ополченцев пришлось вернуть в армию, что вместе с необходимостью поддерживать престиж России в новой геополитической ситуации привело к резкому росту вооруженных сил. Власти пытались решить проблему содержания армии путем перевода отдельных частей в «военные поселенцы»; кроме того, планировалось получить недостающие средства за счет отмены откупов и введения казенной питейной монополии. В соответствии с новыми порядками все вино, выкуренное на частных предприятиях, должно было поставляться в казенные магазины. Как отмечалось выше, владельцами этих предприятий были исключительно дворяне, причем винокурением занималась и высшая знать. Вскоре начались повсеместные нарушения монополии и подпольная торговля – в итоге, монополия была отменена и неудача этой реформы еще раз продемонстрировала слабость центральной власти¹²⁸.

Таким образом, в области распределения ресурсов, так же как и в политической сфере, соотношение сил государства и элиты практически не изменилось: элита сохранила свое господствующее положение.

4.1.12. Динамика государства: правление Николая I

Конкуренция за ресурсы и влияние между государством и элитой продолжалась и в правление Николая I. «Важный момент в политической жизни России первой половины XIX в. состоял в **ослаблении зависимости государя от дворянства***», – подчеркивает Б. Н. Миронов¹²⁹. Николай I проводил политику укрепления государства; он пытался восстановить четко функционирующий централизованный бюрократический аппарат и считал своей опорой дисциплинированное чиновничество. За полвека (1796-1847 гг.) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тысяч – государственный аппарат рос в три раза быстрее, чем численность населе-

---

* Выделено цитируемым автором

ния¹³⁰. В рамках демографически-структурной теории чиновничество (несмотря на то, что некоторые чиновники принадлежат также и к элите) считается частью государства и его естественной опорой. В этой связи приобретает большое значение социальное различие между дворянами и чиновниками, ставшее в первой половине XIX века более рельефным. Дворянство, элита российского общества, стало резко отличать себя от чиновничества. «В понятиях того времени гражданская служба вообще не пользовалась особенным сочувствием, – говорится в издании, посвященном 100-летию государственной канцелярии. – Клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя»... наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворян вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц»¹³¹.

С одной стороны, потомственные дворяне часто презирали чиновников, но с другой стороны, от присутствия дворян в среде чиновников зависела степень контроля элиты над государством. По некоторым оценкам в середине XIX века потомственное дворянство составляло примерно шестую часть чиновников XIV-VIII классов и пятую часть чиновников VIII-V класса¹³². Однако потомственные дворяне не обязательно были поместными дворянами, среди них было много беспоместных, обедневших помещиков или детей чиновников, выслуживших дворянство, но никогда не владевших поместьями. В 1858 году среди высших чиновников I-IV класса (которые все были потомственными дворянами), землевладельцев было 54%, а владельцев родовых поместий, то есть настоящих помещиков – 34%. В среде высшей бюрократии ситуация была иной; в 1853 году практически все члены Государственного Совета были землевладельцами, а 69% из них – крупными латифундистами, владельцами более чем 1 тыс. душ или 5 тыс. десятин каждый¹³³. Эта ситуация отражала господствующее положение элиты по отношению к государству: через своих представителей, занимающих высшие государственные посты, элита контролировала принятие наиболее важных правительственных решений. Преобладание латифундистов определяло позицию Совета, в частности, по вопросу об отмене крепостного права. «...Есть при том и такие предметы или вопросы, по которым... Совет вдруг становится чрезвычайно упорным, – писал член Госсовета М. А. Корф, – и, ничего не слушая, не склоняясь ни к каким рассуждениям, как упрямый осел, только лягается... Таковы особенно все дела о крепостном состоянии...»¹³⁴

Со времен Петра I чиновник, занявший первую «классную» должность (XIV ранга) становился личным дворянином, а должности, начиная с VIII класса, давали потомственное дворянство – таким образом, высшее чиновничество вливалось в ряды дворянства. В николаевское время социальное различие между дворянством и чиновничеством стало более резким, и дворянство постаралось ограничить приток в свои ряды выходцев из «неблагородных». С 1845 года чиновники получали личное дворянство, лишь

начиная с IX класса, чиновники более низких рангов считались «почетными гражданами». Потомственное дворянство теперь давалось лишь чиновникам V класса, а с 1858 года – IV класса, что соответствовало высокой должности действительного статского советника. Чиновники-дворяне четырех высших классов в 1858 году составляли лишь 1% от общей численности бюрократии; таким образом, между чиновничеством и дворянством пролегла резкая грань, и шансы чиновника стать потомственным дворянином стали призрачными¹³⁵.

Вследствие резкого сокращения социальной мобильности стала складываться каста потомственных чиновников – детей личных дворян, которые шли по стопам своих отцов. В середине XIX века численность потомственных чиновников достигала 40% от общего числа чиновников VIII-V классов¹³⁶. Не имея возможности влиться в среду потомственных дворян, чиновники без сочувствия относились к привилегиям дворянства и связывали свои надежды с упрочением самодержавия.

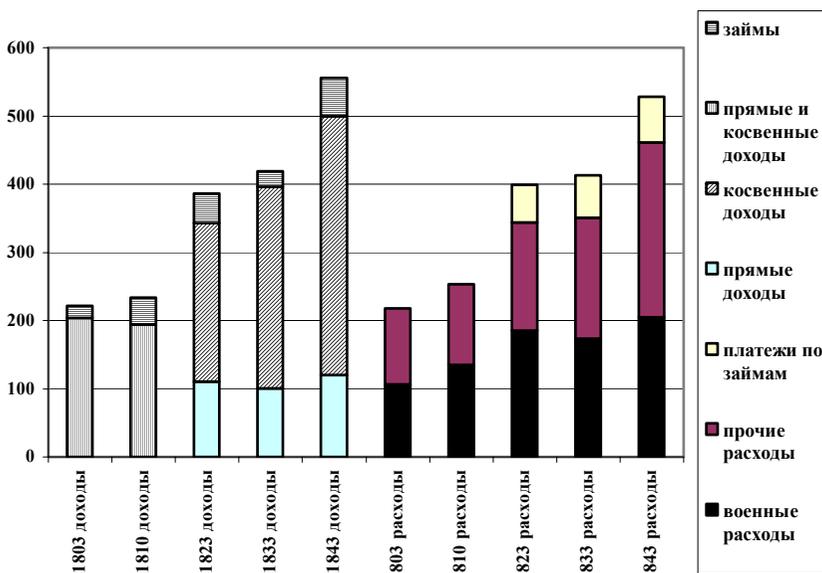

Рис. 4.5. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века (в пересчете на хлеб, млн. пуд.)¹³⁷.

Отражением возрастающей силы государства был рост доходов казны (рис. 4.5). В пересчете на хлеб доходы на душу населения возросли с 5,2 до 7,6 пудов, но увеличения прямых доходов (подушной подати и казенных оброков) при этом не отмечалось: государство по-прежнему не осмеливалось увеличивать прямое обложение помещичьих крестьян. Рост доходов

происходил за счет косвенных налогов, питейной подати и таможенных пошлин.

Рост доходов позволил сохранить тот уровень военных расходов, который был достигнут во время наполеоновских войн. В 1833 году Россия была самым могущественным государством Европы; она имела армию в 860 тыс. человек, что составляло 1,46% населения (против 0,83% при Екатерине II). Как и его отец, Николай I был поклонником прусского «регулярного государства» и фридриховской военной системы. Император был женат на сестре прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, поддерживал с ним дружеские отношения и вместе с ним проводил военные маневры, на котором русские и пруссаки соревновались в искусстве выполнения маршей и перестроений. Император покровительствовал немецким офицерам и чиновникам, состоявшим на русской службе, и в его правление немцы составляли значительную часть российского чиновничества и генералитета. В те времена формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но характерно, что среди членов Государственного Совета в 1853 году было 17% лютеран (и, кроме того, было много лиц с немецкими фамилиями, исповедовавших православие)¹³⁸.

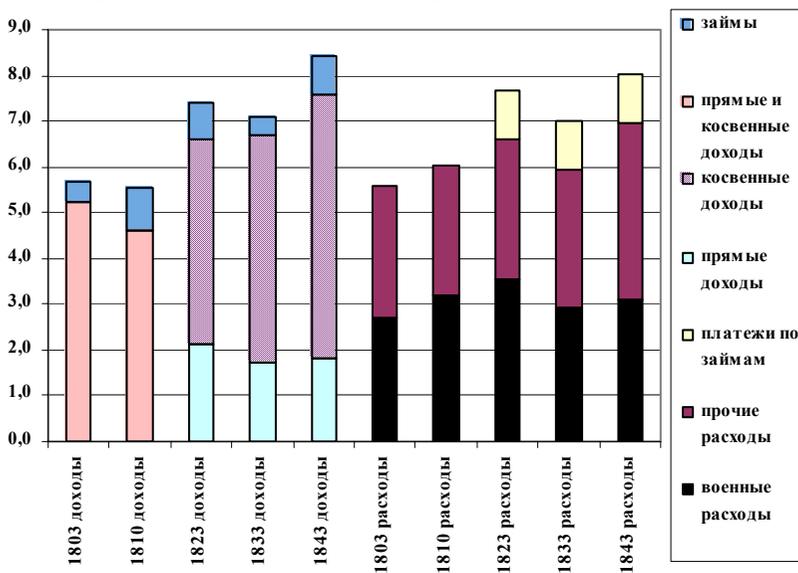

Рис. 4.6. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века в расчете на душу населения (в пудах хлеба)¹³⁹.

Существенно, что новое элитарное чиновничество в социальном отношении противостояло старой аристократии. Как отмечалось выше, даже среди высших чиновников две трети не имели родовых поместий. Эти не-

богатые служаки с раздражением взирали на дворцы «плантаторов» и, естественно, выступали против ущемляющих их интересы привилегий знати. Многие из них считали своим долгом служить народу и негативно относились к крепостному праву. Марк Раев характеризует отношения между бюрократией и дворянством как «подспудный и жестокий конфликт»¹⁴⁰.

Политика монархии в отношении крепостничества в значительной мере определялась влиянием диффузионного фактора. Россия оставалась единственной крепостнической страной в Европе, и это обстоятельство подрывало престиж империи. Разговаривая с П. Д. Киселевым, Николай I называл вещи своими именами: он говорил, что готовится вести «процесс... против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи»¹⁴¹. «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государство и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же..., – писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. – Начинать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»¹⁴². Однако, Николай I, как и его брат, Александр I, не обладал должной решимостью и, разумеется, помнил о судьбе своего отца. В 1841 году император поручил П. Д. Киселеву разработать закон об обязательной инвентаризации, по которому планировалось ввести для каждого поместья инвентари с описанием крестьянских повинностей по образцу урбарильной реформы Марии Терезии и Иосифа II. Однако император был вынужден отступить перед сплоченным сопротивлением высшей знати и согласился на исключительно добровольное введение инвентарей – естественно, что помещиков, добровольно желающих ограничить свои права, нашлось немного¹⁴³. Большое влияние на дальнейшую политическую борьбу оказали события в австрийской Галиции; в 1846 году здесь началось националистическое движение польской шляхты, и, чтобы подавить его, австрийские власти спровоцировали восстание украинских крестьян. Восстание охватило всю провинцию и сопровождалось страшной резней, многие тысячи дворян были убиты своими крепостными. Воспользовавшись этими событиями, министр внутренних дел Л. А. Перовский предложил новый проект введения инвентарей, и хотя он не был принят, правительство силой провело инвентаризацию в западных губерниях. После этого звать называла советников императора не иначе как «коммунистами»; в 1848 году по Москве ходила карикатура с подписью: «Идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другой – на плечо Киселева»¹⁴⁴.

Последним в ряду николаевских указов об ограничении крепостного права был секретный указ 1853 года о неукоснительном исполнении забытого павловского закона о трехдневной барщине. Этот указ был издан после подавления крестьянского восстания в Ставропольском крае и в преддверии Крымской войны, которая – уже после смерти царя – поставила вопрос об окончательной отмене крепостничества¹⁴⁵.

В целом, несмотря на некоторые сдвиги, социально-экономическая система России в первой половине XIX века находилась в состоянии отно-

сительной стабильности. Дворянство по-прежнему занимало господствующее положение в структуре «государство-элита-народ» и блокировало попытки государства изменить существующий порядок. Хотя монархия укрепила свое положение, она не решалась пойти на конфликт с дворянством.

4.2. «Великие реформы» как трансформация структуры

4.2.1. Крымская война

Как отмечалось выше, на протяжении первой половины XIX столетия российская структура «государство-элита-народ» находилась в состоянии относительной стабильности. Ни демографический фактор, проявлявшийся в нарастающем Сжати и в крестьянских волнениях, ни технический фактор, олицетворяемый промышленной революцией, ни диффузионный фактор, связанный с влиянием западного либерализма и революций 1848 года, пока не могли поколебать сложившихся в структуре отношений.

Однако влияние происходившей в Европе модернизации постепенно усиливалась. К 1840-м годам Англия превратилась в «мастерскую мира», ее фабрики и огромные города поражали воображение русских путешественников. Вестернизация, подражание Англии, в условиях России означала прежде всего освобождение крепостных крестьян. Фактор внешнего влияния становился все более мощным – и, в конце концов, со всей силой проявился во время сражений Крымской войны.

Техническое превосходство Запада долгое время не находило должного отражения в военной сфере, и в Европе сохранялся миф о могуществе России. Однако в середине XIX века – незадолго до начала войны – положение резко изменилось: промышленная цивилизация достигла решающего превосходства в военной технике. На морях появились линейные корабли-пароходы, намного превосходившие своими боевыми качествами парусные суда. Усовершенствование металлургического процесса позволило получать ствольную сталь и в массовых масштабах наладить производство нарезных ружей («штуцеров»). В 1853 году на вооружение английской армии был принят капсульный штуцер «Энфилд» с прицельной дальностью 1300 шагов; большое количество штуцеров имелось и во французской армии. Между тем, вооружение русских войск оставалось практически тем же, что и во времена Наполеона; гладкоствольные кремниевые ружья русских солдат стреляли лишь на 350 шагов и при этом давали до 20% осечек¹⁴⁶. Страны, запаздывавшие с модернизацией, оказались перед лицом превосходящей военной мощи; новая промышленная цивилизация готовилась перейти к широкомасштабной военной экспансии.

В сентябре 1854 года англо-французские войска высадились в Крыму и вскоре встретились с русской армией в сражении на реке Альме. Пехота союзников издала расстреливала русских солдат, и, несмотря на отчаянные штыковые атаки, сражение закончилось поражением русских войск. Русский парусный флот не мог сражаться с противником и был затоплен в

севастопольской бухте. Эти два события как громом поразили русское общество: факт технической отсталости предстал во всей наготе¹⁴⁷.

Война является достаточно обычным проявлением исторического процесса; она является проверкой крепости связей в структуре «государство-элита-народ», и согласно демографически-структурной теории, может вызвать «брэйкдаун». Представляется важным рассмотреть, каков мог быть механизм этого брэйкдауна в российских условиях.

Во время Крымской войны Россия была спасена от полного разгрома тем обстоятельством, что война имела локальный характер – она велась ограниченными силами на ограниченном театре боевых действий. Тем не менее, к началу 1856 года страна находилась в преддверии социально-экономического кризиса¹⁴⁸. Как утверждалось в записке, составленной генералом Д. А. Милютиным для Государственного Совета, промышленность была не в состоянии снабдить армию необходимым количеством военного снаряжения и боеприпасов. Из 1 млн. ружей, имевшихся в арсеналах к началу войны, в 1856 году осталось только 90 тыс.; еще хуже обстояло дело с порохом и снарядами. Таким образом, первая из порожденных войной проблем имела военно-промышленный характер: страна была не в состоянии обеспечить армию оружием. Это означало, что в случае продолжения войны полное поражение было неизбежным, а военное поражение было чревато утратой авторитета монархии и политическими потрясениями.

Вторая проблема была финансовая. В 1854-1855 годах на войну было истрачено 500 млн. руб. что было равно сумме трехлетнего дохода; в 1856 году дефицит бюджета достиг 300 млн. руб. Правительство финансировало войну, заимствуя средства из хранящихся в государственных банках частных капиталов; в результате внутренний долг вырос с 400 до 525 млн. рублей серебром, а внешний долг – с 300 до 430 млн. рублей. Как отмечалось выше, средства, хранившиеся в государственных банках, – это были, в основном, средства принадлежавшие дворянству, – то есть государство обращалось к финансовой поддержке элиты. Это была ненадежная поддержка; средства банков в любой момент могли быть востребованы вкладчиками, и государственным банкам грозил крах (что и произошло после войны). Однако средств все равно не хватало, и главным способом финансирования военных расходов была эмиссия бумажных денег. Сумма кредитных билетов, находившихся в обращении, возросла за 1853-1856 гг. с 311 до 735 млн. руб. В результате этой эмиссии стал невозможен свободный обмен билетов на серебро и курс рубля упал до 75% номинала; цена ржи на Черноземье увеличилась почти в два раза, в стране началась мощная инфляция, которая при продолжении военных действий грозила развалом экономики¹⁴⁹.

Третья проблема – это была проблема надежности армии. За время войны было призвано 800-900 тысяч рекрутов, примерно десятая часть взрослого мужского населения. Взятие крепостного в рекруты означало его освобождение, и рекрутские наборы вызывали недовольство помещи-

ков. Правительство пыталось решить проблему путем призыва крестьян в ополчение; ополченцы должны были после войны вернуться к своим помещикам. Но призыв в ополчение спровоцировал массовые крестьянские волнения: весной и летом 1854 года десятки тысяч крестьян самовольно двинулись на призывные пункты, требуя, чтобы их записали в ополчение или в казаки и дали свободу. В 10 губерниях произошли массовые беспорядки, для усмирения которых пришлось использовать войска. Весной и летом 1855 года такие же волнения имели место в 6 губерниях. В южных уездах крестьянское движение приняло иной характер: крестьяне, собираясь огромными толпами, двигались в Крым, где, по слухам, «англо-французы дали волю»¹⁵⁰.

Таким образом, большая война ставила перед Россией тяжелые, почти неразрешимые проблемы. Первая проблема, недостаток вооружений, объяснялась техническим фактором. Но две другие проблемы – инфляция и опасность восстания крестьян-ополченцев – были обусловлены Сжатием и предсказаны теорией: инфляция была следствием финансового кризиса, о котором мы говорили выше, а волнения или восстания крестьян-ополченцев было ожидаемым последствием крестьянского бесправия и малоземелья. Эти две проблемы уже вставали во время войны 1812 года (см. п. 4.1.11), и они снова встали во весь рост во время Первой мировой войны – и как мы увидим, привели государство к катастрофе.

4.2.2. Первые шаги новой модернизации

Поражение в войне послужило толчком к Великим реформам и освобождению крестьян. Великие реформы представляли собой трансформацию структуры «государство-элита-народ», то есть трансформацию того объекта, который изучает демографически-структурная теория. Это был сложный социально-политический процесс, проходивший под воздействием нескольких факторов, в том числе демографического, технологического и диффузионного, и анализ этого процесса представляется чрезвычайно важным для определения роли демографического фактора в комплексе действующих сил.

Крымская война представляла собой удар волны завоеваний, столь же сильный как тот, который был нанесен под Нарвой. В соответствии с теорией вестернизации, государство, находящееся перед фронтом европейского наступления и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствуется оружие противника, затем – военная организация и военная промышленность. Это – необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации – глубина заимствований в этих областях может быть различной, она определяется силой того влияния, которое оказывает на государство победоносный противник, а также соотношением консервативных и модернизационных сил.

Первым и самым поспешным шагом на пути новой волны модернизации было освоение производства западной военной техники – того самого «штуцера», который обеспечил победу союзников в Крымской войне¹⁵¹. Это было лишь начало гонки вооружений, в которой Россия пыталась догнать Запад – вся вторая половина XIX века прошла под знаком военного соревнования. Другим аспектом проблемы модернизации было создание сети стратегических железных дорог. Николай I находился под влиянием традиционалистов и не понимал всей важности «железнодорожной революции». «Крымская война доказала, – писал позже министр финансов М.Х. Рейтерн, – что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных границах»¹⁵².

В вопросе о железных дорогах военные реформы соприкасались с экономическими и социальными. Обеспечив мобильность армии, железные дороги должны были вместе с тем открыть внутренние районы России для мировой торговли; они создавали возможность вывоза хлеба, леса и других российских продуктов и их обмена на необходимые стране товары, в первую очередь, на машины, станки, оружие. После Крымской войны средств для строительства дорог у государства не было, и приходилось обращаться к частной инициативе. Это был важный момент модернизации и важная уступка либеральным идеям: правительство сняло существовавшие ограничения и разрешило всем частным лицам создавать акционерные компании – а затем и банки. В 1841-1855 годах было учреждено лишь 36 акционерных обществ с капиталом 30 млн. руб.; после снятия ограничений началась «грюндерская лихорадка», и за 1856-1860 годы было учреждено 107 акционерных обществ с капиталом в 267 млн. руб., из них 178 млн. руб. было вложено в железнодорожные компании. В 1857 году было создано «Главное общество российских железных дорог», которое должно было за 10 лет построить 3900 верст железных путей. Однако обществу не удалось разместить свои акции за границей, и было построено только 755 верст. В октябре 1862 года главноуправляющий путями сообщения П. П. Мельников докладывал Александру II, что банкиры-учредители выехали из России с большими премиями, бросив дело неоконченным¹⁵³.

Тем не менее, первый опыт массового строительства железных дорог показывал, что Александр II твердо намерен идти по пути модернизации России.

4.2.3. Освобождение крестьян

Первые шаги модернизации были сделаны в военной, технической и экономической сфере; они не вызывали в обществе сомнений и споров. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, о ликвидации крепостного права, о политических свободах и о конституции. В 1856 году были отменены ограничения на поездки за границу и поступление в университеты, была ослаблена цензура. Требовало ли промышленное

и техническое развитие освобождения крестьян? На этот счет высказывались различные мнения. П. Струве утверждал, что крепостничество несовместимо с железными дорогами, но А. Гершенкрон возражал, что эта несовместимость была далеко не абсолютной¹⁵⁴. При определенных условиях рабские плантации экономически достаточно эффективны; как показали А. Конрад и Дж. Мейер, американские плантации были частью капиталистической рыночной экономики, они обеспечивали относительно высокую производительность труда и давали хозяевам высокую прибыль¹⁵⁵. Как отмечалось выше, прибыльными были и барщинные хозяйства русского Черноземья, а проведение железных дорог должно было открыть для их продукции европейский рынок и еще более увеличить рентабельность.

Однако помимо технического фактора действовал *фактор диффузии*: удар завоевательной волны привел не просто к технической модернизации, но к модернизации российского общества по европейскому образцу, к *вестернизации*. Вестернизация однозначно означала освобождение крестьян, потому что в Европе уже не было крепостного права и потому что в глазах Запада (и русских «западников») крепостное право было позором России. Эти настроения хорошо передал декабрист М. А. Фонвизин, племянник знаменитого драматурга, выражавший надежду, что подражание Европе приведет к отмене крепостного права. «Тогда мы много выиграем во мнении европейцев, – писал Фонвизин, – потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам»¹⁵⁶. Таким образом, главную роль в отмене крепостного права играл фактор диффузии, действовавший в форме морального, идеологического давления.

Главной движущей силой реформы была партия либералов-западников. Вождем «западников» в окружении нового императора Александра II был великий князь Константин Николаевич, глава военноморского ведомства и (как многие моряки) закоренелый англоман. По свидетельству П. Долгорукова, именно Константин Николаевич убедил брата приступить к освобождению крестьян¹⁵⁷. Великий князь создал свою «партию реформ» и выдвигал своих приверженцев («константиновцев») на высокие посты, в частности, М. Х. Рейтерн занял пост министра финансов¹⁵⁸.

Свобода личности была для либералов самодовлеющей ценностью, но чтобы убедить крепостников в необходимости реформ, требовались другие аргументы. Таким аргументом была угроза крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции – она неизбежно произойдет без нас и против нас», – говорил великий князь Константин, держа в руках книгу Токвиля о французской революции¹⁵⁹. Об этом же говорил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». На позицию царя оказало большое влияние мнение барона Гакстгаузена, известного эксперта и деятеля прусских реформ, написавшего книгу о России и представившему

царю в июне 1857 года особый доклад. Гакстгаузен указывал, что в эпоху пара и электричества нет страны, которая могла бы предохранить себя от новых веяний, что правительство должно опережать события, «дабы события, опередив его... не вырвали от него уступок, которые повлекли бы к его падению». Прусский эксперт предупреждал царя, что европейские радикалы возлагают большие надежды на социальную революцию в России, и что, как показывает опыт, предводители этой партии – не пустые мечтатели. «Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу», – писал царь¹⁶⁰.

В этих высказываниях суммирована аргументация сторонников реформ. Во-первых, это ссылка на неизбежность модернизации по западному образцу. Надо брать пример с Запада, потому что Запад продемонстрировал свое военное и культурное превосходство – таким образом формулировалось влияние могущественного фактора диффузии. Второй аргумент – это призрак крестьянского восстания: если правительство промедлит, то освобождение «неизбежно произойдет без нас и против нас» – так формулировалась роль демографического фактора. Совокупное воздействие этих факторов должно было привести к неизбежным переменам.

Можно было ожидать сильного сопротивления, поэтому правительство сформировало для подготовки реформы две редакционные комиссии; не без участия Константина Николаевича в обход высших сановников в эти комиссии были подобраны молодые (средний возраст 39 лет) министерские чиновники – убежденные «западники» и либералы. Наиболее активными из них были племянник П. Д. Киселева Н. А. Милютин и ближайший сподвижник знаменитого министра А. П. Заблоцкий-Десятковский. Возглавлял комиссии адъютант и близкий друг Александра Я. И. Ростовцев; он умер незадолго до начала реформы, и его последние слова были: «Государь, не бойтесь!»¹⁶¹ О том, что государь действительно боялся, говорит то обстоятельство, что, начиная с декабря 1857 года, министр внутренних дел по требованию царя делал ему еженедельные доклады о настроениях дворянства и крестьянства, о «слухах» и «толках» на местах¹⁶².

Решение освободить крестьян подкреплялось также и тем, что по мере обсуждения реформы правительство ощущало все более нарастающее давление снизу. В отчете III отделения за 1857 год указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения и «спокойствие России» будет зависеть главным образом от «расположения войск». В 1855 году было зафиксировано 63 крестьянских выступления, в 1856 – 71, в 1857 – 121, в 1858 – 423, в 1859 – 182, в 1860- 212¹⁶³.

Группе молодых чиновников-реформаторов удалось провести процедуру разработки и принятия законов так, чтобы обеспечить видимость «согласия» со стороны дворянства. Дворяне называли Н. А. Милютину «красным», и направляли в правительство протесты и официальные записки против выработанного комиссиями проекта¹⁶⁴. Раздавались и замаскированные призывы к неповиновению властям; едва не начавшиеся оппозици-

онные выступления были предотвращены полицией. О том, насколько реальной казалась тогда опасность, говорит то, что 19 февраля 1861 года, в день подписания указов о реформе, в Зимнем дворце были приняты особые меры безопасности, а для государя на всякий случай были приготовлены оседланные лошади¹⁶⁵.

Дворянство понимало, что оно не может отменить реформу, и ему остается лишь требовать компенсации – такой компенсацией могла быть аристократическая конституция, которая отняла бы часть власти у монархии и передала бы ее дворянству. Этим стремлением получить возмещение за потери, по мнению В. П. Мещерского и Б. Н. Чичерина, и объясняется выставление оппозицией либеральных требований, массовый переход еще недавно консервативных дворян в лагерь либералов-конституционалистов¹⁶⁶. В среде дворян становится популярной аристократическая Англия с ее традициями лендлордизма и палатой пэров, обеспечивающей права знати. «Высшее дворянство мечтает о положении английских лордов и успехах Мирабо», – писал прусский посол граф Отто Бисмарк¹⁶⁷.

В феврале 1862 года тверское дворянское собрание приняло адрес с требованием созыва «выборных от всей земли русской», а также с рядом других либеральных предложений, в том числе, передачи земли крестьянам в частную собственность и создания независимого гласного суда. В поддержку требования о создании выборного представительства высказались ряд других дворянских собраний – рязанское, московское, воронежское, смоленское, екатеринославское и др.¹⁶⁸ Подчеркивая остроту конфликта, министр внутренних дел П. А. Валуев в докладной записке, поданной Александру II в июне 1862 года, писал, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»¹⁶⁹.

В конечном счете, правительству пришлось пойти на частичные уступки и создать земское самоуправление в губерниях и уездах. П. А. Валуев свидетельствует, что императорское окружение видело в земских учреждениях «средство откупиться от “конституции”»¹⁷⁰. Земства были выборными органами, члены которых выбирались раздельно от трех сословий: от землевладельцев, горожан и крестьян, но в которых преобладали дворяне. В 1865-1867 годах дворяне и купцы составляли 85% членов губернских земских собраний. Земства назначали и собирали местные налоги, однако земское самоуправление было ограниченным и касалось в основном хозяйственных вопросов; вопросы охраны порядка оставались в ведении губернаторов¹⁷¹.

Таким образом, государство – впервые со времен неудачной попытки Павла I – вышло из подчинения элите и решилось на отстаивание своих интересов (и интересов народа) вопреки интересам дворянства. Это вызвало острый конфликт между монархией и элитой, но, несмотря на определенные уступки, победа осталась за монархией. В конечном счете, государство вновь приобрело относительную независимость от элиты, и мо-

нархия вновь стала *этактистской монархией* – то есть монархией, способной регулировать отношения между элементами структуры. Это качественное изменение отношений в рамках структуры «государство-элитанарод» было одним из проявлений произошедшей *трансформации структуры* – другим его проявлением было кардинальное изменение в положении крестьянства.

4.2.4. Изменение положения крестьян в результате освобождения

Первый параграф «Общего положения» о реформе гласил, что «крепостное право отменяется навсегда». Согласно «Местным положениям» (их было несколько для различных районов), повинности и наделы крестьян должны были фиксироваться в «уставных грамотах», которые составлялись с помощью мировых посредников. Для каждого района были установлены максимальная и минимальная величина крестьянского надела; если крестьянин имел надел меньше минимального, то ему прирезалась земля, если больше максимального, то земля отрезалась. При согласии крестьян помещик мог ограничиться выделением им маленького «дарственного» надела (который составлял одну четверть от максимального), но при этом крестьяне освобождались от повинностей. При любых обстоятельствах помещику отходило не менее трети всей удобной земли, а в южных степных районах – не менее половины. В итоге произведенного раздела угодий в Центральном районе крестьяне потеряли 20% земли, а на Черноземье – 16 %¹⁷². Таким образом, наделы крестьян были урезаны и не давали им достаточных средств для существования. Чтобы уплачивать выкупные платежи и налоги, часть крестьян была вынуждена идти батраками к помещикам или арендовать у них землю.

В Черноземном районе после проведения отрезки средний надел крестьян уменьшился с 1,54 до 1,28 дес. удобной земли на душу. В это количество входила не только пашня, но и угодья (луга, сенокосы и проч.); пашня занимала в среднем 78% надела¹⁷³, то есть составляла около 1,0 дес. на душу. За этот надел крестьянин должен был платить оброк или нести барщину, в соответствии с нормами, установленными «Положением». Для оброчных крестьян размеры оброка в связи с уменьшением надела немного уменьшились, в среднем с 4 руб. до 3 руб. 55 коп. с души (всего населения), в хлебном исчислении примерно с 10 до 8 пудов. Размеры барщины сократились более существенно (в 3-5 раз), ее максимальный размер составлял теперь 40 мужских и 30 женских дней, преимущественно летом. Барщина стала невыгодной помещикам, и они стали переводить крестьян на оброк; оброк бывших барщинных крестьян был немного больше, чем у старых оброчных; он составлял в среднем 4 руб. 05 коп с души¹⁷⁴.

Таким образом, крестьяне были освобождены, а их повинности зафиксированы, как это предполагалось сделать еще П. Д. Киселевым в 1841 году. Крестьяне, несшие эти повинности, назывались «временнообязанными», однако время их нахождения в этом состоянии не оговаривалось и зависело от помещика. Помещикам была предоставлена возможность пе-

ревести своих крестьян на выкуп земли и повинностей; помещик мог сделать это как по согласию с крестьянами, так и без их согласия (но в последнем случае он терял пятую часть выкупной суммы). Если же он не желал отпускать «временнообязанных» крестьян, то мог вести хозяйство по-старому; крестьяне могли лишь требовать перевода их с барщины на оброк (что было для них невыгодно)¹⁷⁵.

В селах сохранилось старое общинное самоуправление – но теперь уже без вмешательства помещика. Государство стремилось сохранить связанную круговой порукой общину, которая гарантировала уплату налогов и распределяла их по силам плательщиков. Сельский сход выбирал старосту, который теперь получил и полицейские полномочия; он должен был обеспечивать отбывание повинностей и исполнение требований вышестоящей администрации. Было создано и волостное самоуправление по образцу существовавшего у государственных крестьян¹⁷⁶.

С юридической стороны, важнейшей чертой манифеста 1861 года было то, что он подтверждал право частной собственности помещиков на «все земли, принадлежащие им». Как известно, это право было сформулировано в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года, однако оно никогда не признавалось крестьянами в их обыденном сознании. Крестьяне исстари считали себя «вековыми царевыми» работниками, по царской воле обязанными нести тягло в пользу помещиков. По их понятиям, земля также являлась «вековой царевой» или божьей и находилась во владении тех, кто ее обрабатывает¹⁷⁷. Поэтому требование выкупа земли, которую они считали своей, вызвало массовые протесты крестьян. Большинство крестьян отказалось подписывать «уставные грамоты», но, тем не менее, они вводились в действие. Крестьянство волновалось, в 1861 году имело место 784 выступления, это была самая большая волна бунтов со времен восстания Пугачева; при подавлении 499 выступлений были использованы войска. Крестьяне подчинились силе, но они так и не признали земли помещиков «неприкосновенной частной собственностью». Требование о возвращении захваченных помещиками земель стало частью крестьянского менталитета; оно воплотилось в мифе о будущем «Черном переделе»; по стране постоянно ходили слухи о том, что готовится царский указ, «что земля будет общая для чего ее отберут у помещиков и разделят между крестьянами». Этими слухами и надеждами на царя крестьяне жили вплоть до революции 1905 года¹⁷⁸.

Одной из форм крестьянского сопротивления было неисполнение барщины – и этот метод оказался достаточно эффективным. Оказавшись не в состоянии наладить обработку своих полей, помещики стали переводить крестьян на выкуп. Для начала выкупа необходимо было перевести крестьян с барщины на оброк (или хотя бы определить сумму оброка, эквивалентную барщине). Размер выкупа определялся исходя из величины оброка так, чтобы, получив этот капитал и положив его в банк из 6% годовых, помещик мог получить ту же сумму. Цена надела, дававшего средний для бывших оброчных крестьян Черноземья душевой оброк в 3

руб. 55 коп, таким образом, определялась в $3,55/0,06 = 59,16$ рублей; это было примерно на 20% больше рыночной цены. Если выкуп осуществлялся по согласию обеих сторон, то крестьяне должны были сразу же выплатить помещику 20% суммы из своих средств, а оставшиеся 80% выплачивало государство, предоставлявшее крестьянам ссуду. Эту ссуду нужно было выплачивать 49 лет, причем каждый год крестьяне платили по 6%. При выкупе надела и повинностей стоимостью 59 рублей крестьяне получали ссуду в $59*0,8 = 47,2$ рубля, за которую нужно было каждый год платить $47,2*0,06 = 2,83$ рубля, то есть меньше, чем прежний оброк в 3,55 рубля¹⁷⁹.

К 1870 году на выкуп перешло 67% крестьян, к 1880 году – 85%¹⁸⁰. Выкупные платежи превратились в новый налог, уплачиваемый государству и заменивший прежние оброки и барщину. На Черноземье при пересчете на хлеб по средним ценам 1862-1870 годов этот налог составлял 6,5 пуда на душу против 10 пудов оброка в 1855-1859 годах¹⁸¹. Если же учесть, что, судя по динамике оброка в отдельных имениях, в 40-х годах он достигал 14-18 пудов, то *рента с того времени уменьшилась более, чем вдвое* (нужно, правда, отметить, что и крестьянские наделы уменьшились на 16%). О том, что крестьяне сразу же почувствовали это уменьшение ренты, говорит быстрый спад волнений в деревне: за 1864-69 года было зафиксировано лишь 389 выступлений – меньше, чем в одном 1863 году¹⁸². Важным обстоятельством было также и то, что новый налог собирался не «с душ», а с земли, поэтому в расчете на душу с ростом населения выкупные платежи уменьшались. На Черноземье крестьяне платили в среднем 2 руб. 29 коп. с десятины¹⁸³, что в 60-х годах было эквивалентно 5 пудам хлеба; десятина же тогда давала в среднем 14 пудов чистого сбора¹⁸⁴. Конечно, у крестьян, имевших немногим более одной десятины на душу, не было хлеба на уплату выкупных платежей, и они были вынуждены арендовать землю у помещика или идти на заработки. В следующей главе мы рассмотрим более подробно положение бывших помещичьих крестьян после реформы. Изменения произошли и в жизни государственных крестьян. В соответствии с указом 24 ноября 1866 года было произведено размежевание государственных и крестьянских земель, и сельские общества получили на используемые ими земли «владенные записи». Наделы и платимый за них оброк при этом почти не изменились; крестьянам было предоставлено право выкупа земли; ее стоимость определялась так же, как для помещичьих крестьян, но ссуда не предоставлялась, и выкупить надел, заплатив сразу всю его стоимость, могли очень немногие. Наделы государственных крестьян были большими; в Черноземье в среднем на душу приходилось 2,4 десятины, почти в два раза больше, чем у помещичьих крестьян¹⁸⁵.

4.2.5. Итоги реформы

Реформы 1860-х годов создали две категории крестьян-мелких держателей. Одна из этих категорий, государственные крестьяне, имела относительно большие наделы, другая, бывшие крепостные крестьяне, изначально

но была поставлена в условия катастрофического малоземелья. Без посторонних заработков бывшие крепостные не только не могли платить подати, но зачастую не могли прокормиться собственным хлебом. Проблема нехватки земли обычно возникает вследствие роста населения, но в России она была создана искусственно, путем обезземеливания крепостных помещиками и последующего закрепления создавшегося положения реформой 1861 года. Дальнейший рост населения должен был усугубить это положение и привести к социальному взрыву.

С другой стороны, сохранение общины и придание ей самостоятельного статуса создало новый сектор экономики, построенный на уравнилельных и коллективистских началах. Как известно, партия социал-революционеров («эсеров») считала общину готовой «ячейкой социализма» и полагала, что смысл будущей революции будет заключаться лишь в ликвидации частновладельческих земель и передаче их общинам¹⁸⁶.

Реформа была проведена монархией вопреки сопротивлению дворянства, что ярко продемонстрировало силу самодержавия и его относительную независимость от сословий и классов. Монархия вновь стала этатистской монархией, то есть заняла ведущее положение в структуре «государство-элита-народ» и обрела силы, чтобы регулировать отношения между другими элементами структуры. Прежние находившиеся в жесткой оппозиции демократы были готовы аплодировать самодержавию. А. И. Герцен и Н. И. Тургенев теоретически обосновывали преимущества абсолютизма: «Я сочувствовал неограниченной власти, защищая необходимость ее для освобождения страны от эксплуатации человека человеком», – писал Тургенев¹⁸⁷. Дворянство, бывшее ранее опорой монархии, перешло в оппозицию и, взяв на вооружение западный либерализм, потребовало ограничения самодержавия. Одно время казалось, что опорой самодержавной власти может быть только «социалистическое» общинное крестьянство. «Если мы разрушим общину, – говорил Н. А. Милютин в 1865 году, – Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир – единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал...»¹⁸⁸

Подводя итоги, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что реформы 1860-х годов были вызваны совокупным действием трех факторов, демографического, технического и диффузионного. Действие демографического фактора проявлялось в угрозе крестьянского восстания, которая была следствием сокращения наделов и отягчения повинностей крепостных в первой половине XIX века. Начиная с 1820-х годов, крепостные крестьяне существовали в условиях регулярно повторяющегося голода, что вместе с учащением эпидемий было главной причиной приостановки роста крепостного населения. Крайне тяжелые условия жизни крепостных крестьян отражались в увеличении числа крестьянских выступлений и в угрозе всеобщего бунта.

Как утверждает неомальтузианская теория, Сжатие должно было вызвать тенденцию к этатизму и попытки проведения социальных реформ,

направленных на облегчение положения народа. Великая реформа была именно такой этатистской социальной реформой, проведенной монархией, исходившей из общегосударственных интересов. Однако демографический фактор смог вызвать трансформацию структуры лишь действуя совместно с техническим и диффузионным факторами. Действие этих факторов проявлялось по нескольким направлениям. Технический фактор обеспечил победу союзников в Крымской войне, что доказало превосходство Запада и необходимость модернизации по западному образцу. Сама по себе новая техника, возможно, еще не требовала отмены крепостничества, но технический фактор резко усилил действие диффузионного фактора, который предписывал брать пример с Европы во всем – то есть, в том числе, освободить крестьян. Мощное диффузионное влияние проявилось в появлении партии «западников» и пропаганде либеральных идей, в том числе, и в окружении императора.

Действие диффузионного фактора проявлялось не только в отмене крепостного права, но и в судебной и военной реформах, в начавшейся компании по строительству железных дорог и в «грюндерской лихорадке». В целом все эти (и некоторые другие) нововведения означали начало широкомасштабной модернизации по западному образцу. Однако один из аспектов этой модернизации – дворянское требование создания выборного представительства – вызвал неприятие со стороны этатистского правительства, и модернизация в этом направлении была ограничена созданием земств. Еще один аспект модернизации – требование автономии со стороны поляков – показал, что модернизация таит в себе опасность для целостности империи, и породил традиционалистскую реакцию. После 1866 года все реформы, кроме экономических, были приостановлены и начался «период реакции».

4.3. Демографически-структурные процессы в пореформенный период

4.3.1. Процесс модернизации в 1860-1870-х годах

Главной особенностью социально-экономической истории пореформенной России была ее сопряженность с процессами модернизации. Как отмечалось выше, теория модернизации изучает, в первую очередь, процессы, определяемые факторами диффузии и технических инноваций. Важнейшим проявлением роли технического фактора была совершившаяся на Западе промышленная революция; техническое, экономическое, военное превосходство промышленных стран вызвало мощный процесс диффузии и вестернизации – процесс перенимания западной техники и западных порядков. Наиболее важным обстоятельством было то, что промышленная революция обеспечила Англии, Франции и Германии военное превосходство над другими странами. Если прежде Россия не чувствовала угрозы со стороны превосходящего в военном отношении противника, то теперь эта ситуация стала реальностью. «После 1861 года Россия находи-

лась под прессингом состязания, который ощущали на себе все запоздавшие с модернизацией государства, – писал автор «теории модернизации» С. Блэк, – и тот факт, что она имела долгую традицию великодержавия, лишь делал этот прессинг более настойчивым... Россия чувствовала позади горячее дыхание истории»¹⁸⁹.

Военное ведомство постоянно требовало увеличения расходов, и это создавало крайне напряжение в государственных финансах. В 1884 году морской министр представил Александру III доклад, в котором писал, что «Россия без самоубийства не может выйти из ареопага великих держав и заставить забыть о себе». В ответ министр финансов Н. Х. Бунге указал на бедственное положение и истощение платежных сил крестьянства: «Идти далее по пути увеличения расходов, покрываемых займами или непосильными для плательщиков налогами, значило бы... идти на самоубийство»¹⁹⁰. Другой министр финансов, С. Ю. Витте, объясняя тяжелое положение экономики, говорил Николаю II, что, если сократить армию на четверть или на треть, то найдутся деньги и для сельского хозяйства¹⁹¹. Таким образом, социальная система находилась под постоянным давлением извне и изнутри: с одной стороны, военная угроза извне требовала увеличения налогов, с другой стороны, повышающееся демографическое давление требовало уменьшить налоги¹⁹². Как и предсказывает демографически-структурная теория, в условиях Сжатия финансовый кризис стал перманентным.

Правительство Александра II искало выход из создавшегося положения на пути включения России в мировой рынок, рассчитывая на то, что полученные от экспорта средства, по крайней мере, частично, будут вкладываться владельцами капиталов в промышленную и военную модернизацию страны. Первым пунктом этой программы было форсированное строительство железных дорог.

«Сооружение железных дорог можно назвать не только настоятельной потребностью, но и положительно важнейшей для будущности России задачей правительства... – докладывал царю министр финансов М. Х. Рейтерн в 1866 году. – Экономическое положение России может быть существенно улучшено лишь посредством железных дорог, которые дадут ценность ее произведениям, и, следовательно, достаточное вознаграждение труду и безбедный доход с земли; в финансовом отношении можно ожидать существенного увеличения доходов лишь от улучшения экономического быта, который находится в зависимости от улучшения путей сообщения; наконец, даже в политическом отношении возможность скорого передвижения от центра к окраинам должна умножить силу России»¹⁹³.

У государства не было денег на строительство железных дорог, и М. Х. Рейтерн предпринял новую попытку привлечения иностранного капитала. В 1866-1870 годах было основано несколько привилегированных компаний по образцу «Главного общества»; ситуация на западных финансовых рынках на этот раз была более благоприятной, и компании смогли разместить на них часть своих акций и облигаций; другая часть была куплена

правительством. Началось интенсивное строительство; в 1866 году в стране было лишь 3543 версты железных дорог, в 1866-1870 годах было построено 6659 верст, в 1871-1875 годах – еще 7424 версты. Основная масса оборудования для этих дорог доставлялась из-за границы, стоимость ввозимых машин увеличилась с 7,5 млн. руб. в среднем в 1856-1860 годах до 51,1 млн. руб. в 1876-1880 гг.; ввоз черных металлов (в основном рельсов) в 1872-1876 годах составлял в среднем 24,5 млн. руб. В торговом балансе России предметы роскоши для дворянства были впервые отнесены на второй план индустриальными товарами. Одновременно строились заводы по производству паровозов, вагонов, рельсов. К концу 1870-х годов были построены первенцы русской индустрии: Коломенский, Невский, Сормовский, Обуховский, Балтийский, Путиловский, Брянский заводы. В 1880 году на машиностроительных заводах было занято 48 тыс. рабочих, и они давали продукции на 56 млн. руб.; к этому времени Россия производила в год 250 паровозов и могла полностью обеспечить локомотивами свои железные дороги. В 1881-1885 гг. ввоз машин уменьшился в среднем до 18,8 млн. руб. в год¹⁹⁴.

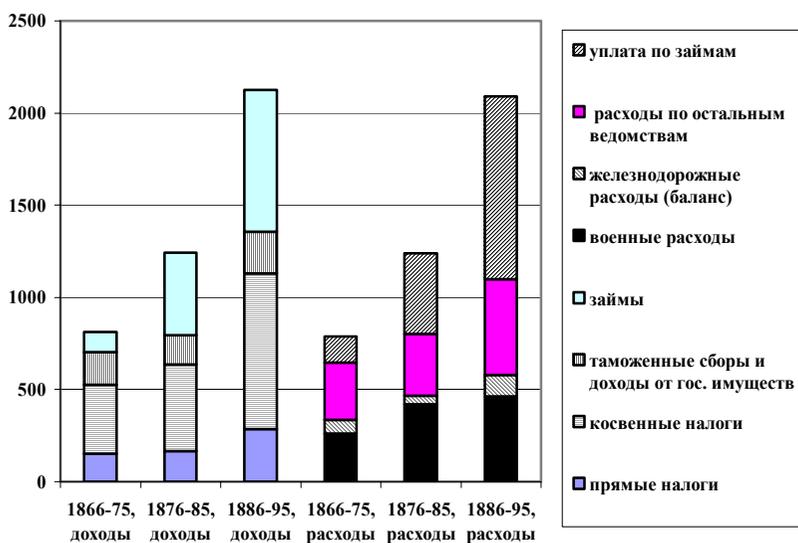

Рис. 4.7. Доходы и расходы бюджета второй половины XIX века в пересчете на хлеб (млн. пудов)¹⁹⁵.

Таким образом, в России начался процесс индустриализации, происходивший значительной мере благодаря приливу западных капиталов. Однако условия привлечения этих капиталов были настолько невыгодны для казны, что, как оказалось впоследствии, частные железные дороги строились в основном на средства, полученные от государственных и гаранти-

рованных государством внешних займов. Общий объем этих займов в 1861-1880 годах составили более 1,6 млрд. руб., и за 1866-1880 годы казна была вынуждена выплатить 350 млн. рублей процентов по этим займам. В итоге, Россия попала в долговую кабалу, выплата огромных процентов по займам стала главной статьёй государственных расходов, намного превосходящей военные расходы (рис. 4.7)¹⁹⁶.

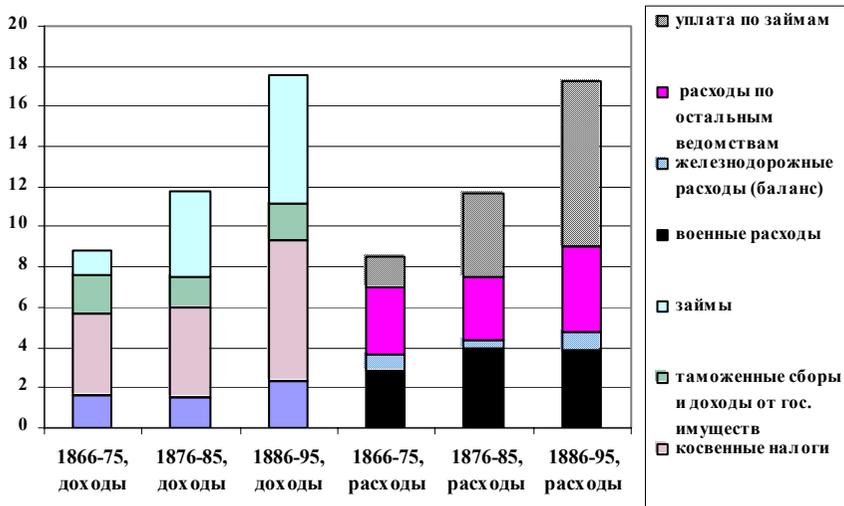

Рис. 4.8. Доходы и расходы бюджета на душу населения в пересчете на хлеб (пудов)¹⁹⁷.

Новые потребности индустриализации вызвали значительное увеличение расходов казны. Для покрытия этих расходов были увеличены косвенные налоги, в 1863 году правительство отменило винные откупа и старинную монополию дворянства на курение вина, разрешив его свободное производство при уплате акцизного сбора. Питейный доход в 1857-1864 годах увеличился с 73 до 121 млн. руб., но этого оказалось недостаточно, и министр финансов М. Х. Рейтерн настоял на увеличении подушной подати (которая не увеличивалась уже сорок лет). В 1861-1867 годах подушная подать возросла в среднем с 95 коп. до 1 руб. 75 коп. с ревизской души (с некоторыми колебаниями по губерниям). В 1863 году был введен налог с недвижимых имуществ в городах. В 1872 году было указано взимать с помещичьих земель земский сбор, который вскоре стал называться государственным поземельным налогом. Хотя этот налог был поначалу невелик, его введение имело принципиальное значение: дворянство лишилось своего старинного податного иммунитета¹⁹⁸.

В контексте демографически-структурной теории произошедшее в этот период повышение налогов следует рассматривать как перераспределение ресурсов в пользу государства, соответствующее его новой ведущей роли в

структуре «государство-элита-народ». Рост хлебных цен, однако, привел к тому, что в пересчете на хлеб повышение налогов не было столь значительным. Налоги на душу населения в 1865-1870 годах составляли около 7,5-8 пудов, в то время как в николаевские времена – 7-7,5 пудов.

Что касается общей картины капиталовложений, то, по подсчетам И. Ф. Гиндина, в 1861-1880 гг. все вложения в ценные бумаги составили 4,5 млрд. руб., в том числе 2,5 млрд. руб. – внутренние вложения и 2 млрд. – привлеченные иностранные капиталы. Однако из 2,5 млрд. внутренних вложений на строительство железных дорог было потрачено лишь 108 млн. руб. Таким образом, вопреки ожиданиям, государству лишь в малой степени удалось привлечь владельцев капиталов (в частности, помещиков) к модернизации страны. Из 2 млрд. руб. иностранных капиталовложений 1,6 млрд. составляли железнодорожные займы. Доля иностранных капиталовложений в производственных вложениях составляла 72%, а в железнодорожном строительстве она была подавляющей¹⁹⁹.

4.3.2. Динамика элиты

В контексте демографически-структурной теории большое значение имеет внутренняя динамика элиты; изменение ее материального положения и появление новых фракций. Хотя торговая буржуазия существовала в России и ранее, возникновение фабричной промышленности и огромный рост торговых оборотов привели к качественному изменению положения купеческого сословия и к формированию новой значительной элитной группы, торгово-промышленной буржуазии. Мощный толчок этому процессу дала бурная кампания учреждения новых акционерных обществ в сфере железнодорожного строительства. «Грюндерская лихорадка» распространилась из этой сферы и на другие отрасли. Если в 1861 г. в России насчитывалось лишь 78 акционерных обществ с капиталом в 72 млн. руб., то за 1861-1873 гг. было учреждено 357 акционерных обществ с капиталом в 1116 млн. руб. (причем на 53 железнодорожных общества приходилось 699 млн. руб. капитала). Число акционерных банков увеличилось за 1868-1873 гг. с 3 до 42, их пассивы достигли 510 млн. руб.²⁰⁰

Помимо железнодорожного строительства, другой важной новой отраслью была текстильная промышленность. Владельцами текстильных фабрик Центра были в основном представители московского купечества. В 1870 г. в Москве было взято 583 купеческих свидетельств первой гильдии, в 1898 г. – 947, причем свидетельства иногда брались не на определенное лицо, а на банк или фабрику. Преуспевание «московской» буржуазии было связано с промышленным переворотом, происходившим в хлопчатобумажной промышленности. В 1860-1880 гг. производство хлопчатобумажных тканей по стоимости увеличилось почти в пять раз, с 43 до 200 млн. руб.; дивиденды некоторых предприятий достигали 40, 50 и даже 70 процентов. В дальнейшем прибыли уменьшились, и в начале XX века обычным дивидендом считалось 10% – тем не менее, текстильное производство было выгоднее других отраслей, и московские промышленники не стреми-

лись к вложению капиталов в тяжелую промышленность. Что же касается иностранных капиталистов и работавших на их деньги «петербуржцев», то для них такое вложение было достаточно привлекательным, так как средний уровень прибыли в Европе был значительно меньше, чем в России²⁰¹.

В пореформенное время московское купечество в целом придерживалось верноподданнических и монархических убеждений. «Купеческое большинство, – писал Б. Н. Чичерин, – было вообще невысокого уровня. Образование было очень мало, а участие к общественному делу, пожалуй, еще меньше»²⁰². После убийства Александра II двести видных московских купцов продемонстрировали свою верность престолу, вызвавшись охранять наследника во время коронации. Силы буржуазии постепенно росли, но вплоть до 1905 г. торгово-промышленные круги не проявляли своих амбиций и не претендовали на долю власти. В значительной мере это можно объяснить их заинтересованностью в казенных заказах и той поддержкой, которую оказывало правительство промышленникам во время экономических кризисов²⁰³. При Александре III политика «народного самодержавия» предусматривала защиту национальной промышленности; в соответствии с пожеланиями буржуазии были увеличены таможенные пошлины. Тариф 1891 года создал прочную таможенную стену, ограждавшую промышленность от иностранной конкуренции и обеспечившую промышленникам высокие нормы прибыли. В то же время правительство пыталось бороться со спекулятивными тенденциями и строго контролировало биржевые и банковские операции²⁰⁴.

Одновременно с появлением новых слоев элиты, изменилось и положение ее основной массы – дворянства. Освобождение крестьян породило тяжелый кризис дворянской элиты. Лишенные дарового труда крепостных барщинные экономии были вынуждены перестраивать свое хозяйство и многие мелкие помещики разорились. В 1862-1877 годах число помещичьих имений в Европейской России сократилось на 11 тыс. (8,4%), 12% дворянской земли перешло в руки других сословий. В Центральном районе дворяне продали 21% своих земель, на Черноземье – 12%²⁰⁵. В некоторых районах сокращение дворянского землевладения было значительно большим, так, в Тверской губернии было ликвидировано 40% помещичьих имений, в Тульской губернии дворянское землевладение сократилось наполовину. Земли разорвавшихся дворян покупали по большей части купцы и мещане, которые становились новыми помещиками²⁰⁶. Посевы на частных землях Черноземного района по сравнению с предреформенным десятилетием уменьшились на 17%²⁰⁷.

Комиссия для исследования сельского хозяйства, созданная в 1872 году, усиленно подчеркивала, что крестьянская реформа поставила в наиболее затруднительное положение помещичьи хозяйства, которые испытывали «чрезвычайно трудный и тяжелый кризис». В докладе Комиссии отмечалось, что помещики, пытавшиеся сразу после отмены крепостного права перейти к применению вольнонаемного труда, должны были от этого отказаться «вследствие его убыточности». Помещики стали тогда прибегать к

«издельной системе», основанной на обработке барской запашки крестьянами своим инвентарем, за что крестьяне получали в свое пользование часть помещичьей земли²⁰⁸. Этот новый вариант барщины назывался «отработками», и он устраивал многих крестьян тем, что не требовалось платить за аренду деньги – у большинства крестьян не было денег. Но, с другой стороны, о внедрении новых орудий и новой агротехники при такой системе не могло быть речи – хозяйство велось, как в домашинную эпоху.

Экономические трудности, переживаемые дворянством, отразились и в политической сфере. Как отмечалось в предыдущей главе, после реформы 1861 года значительная часть дворянства перешла в оппозицию, и аристократическая оппозиция взяла на вооружение лозунги политических свобод и парламентского представительства. Это была по преимуществу мирная либеральная оппозиция, пытавшаяся достичь своей цели путем агитации за реформы. Однако отчаянное положение разорявшегося мелкого дворянства толкало его к более радикальным средствам борьбы, что проявилось в участии дворян в движении «народников». Мы более подробно коснемся этой темы в пп. 4.3.10 и 4.3.11.

4.3.3. Открытие страны для мирового рынка и бумхлебного экспорта

Строительство железных дорог привело к значительному перераспределению ресурсов внутри структуры «государство-элита-народ», связанному с развитием хлебного экспорта. В прежние времена элита отторгала у народа часть ресурсов (в данном случае, хлеб), но эти ресурсы не уходили из страны, часть из них обменивалась дворянами на ремесленные изделия и, таким образом, возвращалась обратно к народу. Становление системы массового хлебного экспорта привело к тому, что ресурсы вывозились из страны, что существенно сокращало экологическую нишу народа и усиливало Сжатие.

До 1850-х годов экспорт хлеба был сравнительно невелик и не оказывал существенного влияния на потребление внутри страны. В то же время в открытых для мирового рынка прибалтийских странах еще в XVI-XVII веках сложилась экономическая система, основанная на экспортной хлебной торговле. Основной чертой этой системы были барщинные фольварки и обмен хлеба на импортные предметы потребления для элиты.

В середине XIX века в российской системе товарооборота произошли существенные изменения. Рост населения в Англии вынудил английское правительство в 1842 году отменить ввозные пошлины и открыть английский рынок для ввоза русского хлеба. В 1850-х годах вывоз хлеба из России увеличился вдвое, до 57 млн. пудов в год, и хлеб стал давать треть доходов от экспорта²⁰⁹. Хлебная торговля «восточноевропейского» образца постепенно принимала все большие масштабы, и П. И. Лященко отмечал, что помещики еще до освобождения крестьян нашли в экспорте хлебов способ реализации создававшегося в их хозяйствах прибавочного продукта²¹⁰.

Но в то время хлеб, вывозимый из России, производился в основном в Причерноморье, а глубинные районы, в том числе Черноземье, оставались отрезанными от мировой торговли. Между тем, к примеру, в Курской губернии у помещиков имелись трехлетние запасы зерна, которое не находило сбыта²¹¹. Гагстаузен отмечал, что благодаря близости к порту поместья в районе Одессы были вчетверо более прибыльны, чем в районе Киева. «Главнейшая потребность России заключается в улучшенных путях сообщения», – таков был вывод немецкого ученого²¹².

Рекомендации Гагстаузена в полной мере были реализованы в 1860-1870-х, когда появились «вывозные» железные дороги. И хотя крепостничество уже пало, экспортная хлебная торговля сохранила прежний характер: она была основана на крупном дворянском землевладении, корни которого вели в крепостническую эпоху.

В 1868 году в район Орла пришла первая железная дорога, связавшая Черноземье с Ригой. Эффект появления железных дорог был огромным: если стоимость гужевых перевозок составляла 0,1 коп. за пудо-версту, то по единому тарифу 1889 года стоимость перевозки на средние расстояния (360-1600 верст) составляла 0,0125 за пудо-версту, то есть в восемь раз меньше. Большое значение имело также и увеличение скорости перевозок: если в 1860-х годах средний срок оборота денег в хлебной торговле составлял около одного года, и для обеспечения прибыли наценка на один пуд равнялась 5-10 коп., то после проведения железных дорог срок оборота сократился до 25-30 дней, а наценка на пуд уменьшилась до 0,25 коп.²¹³

Поскольку цены на европейском рынке были много выше, чем в Черноземье, то наводнившие регион торговцы начали массовую скупку хлеба для отправки в Европу. Это вызвало повышение цен на рожь с 38 коп. за пуд в 1861-1865 гг. до 57 коп. в 1869-1873 гг. Повышение цен, в свою очередь, повлекло за собой повышение арендной платы и цены на землю. В 1871-1880 годах посевы на частных землях увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием на 20%, а сборы – на 38%. В 1880-х годах посевы увеличились еще на 5% и достигли максимума – к этому времени все удобные земли региона были уже распаханы²¹⁴. Помещики стали переходить от отработок к денежной аренде; на полученные от арендаторов деньги они нанимали поденщиков для обработки своих полей. По материалам обследования 1888-1889 годов в Рязанской губернии помещики сдавали в аренду 40% своих земель, а другие 40% обрабатывали с помощью батраков; отработки почти не использовались. Улучшилось и положение с внедрением сельскохозяйственной техники: за 1876-1879 годы ее потребление в Европейской России увеличилось в 2,5 раза²¹⁵. Развитие железных дорог открыло внутренние районы России для мировой торговли и повлекло за собой бум хлебного экспорта. Если в 1850-х годах среднегодовой экспорт составлял 57 млн. пуд., то в 1875-1880 годах – 257 млн. пуд.; вывоз хлеба давал 56% всей стоимо-

сти экспорта. Россия стала крупнейшим в мире экспортером хлеба, в 1880-х годах вывозилось 23% от чистого сбора зерновых²¹⁶.

В контексте демографически-структурной теории вывоз четверти чистого сбора означал соответствующее *сокращение экологической ниши народа*, уменьшение его средств существования. Ограничений на вывоз хлеба не существовало, и землевладельцы могли вывозить хлеб из страны, доводя отдельные районы до голода – например, появление железной дороги в Смоленской губернии сразу же вызвало нехватку продовольствия²¹⁷. Вывоз продолжался и в условиях голода, как это было в 1873 году в Поволжье. Либеральная газета «Неделя» писала: «Среди известий о голоде и невозможности достать хлеб для нуждающихся неприятно действуют известия о том, что в тех или иных местах хлеб лежит массами или вывозится за границу... В настоящее время идет сильный отпуск хлеба от нас в Австрию... Но более всего странным представляется то, что хлеб вывозится даже из Самарской губернии – той самой, где люди грызут землю»²¹⁸.

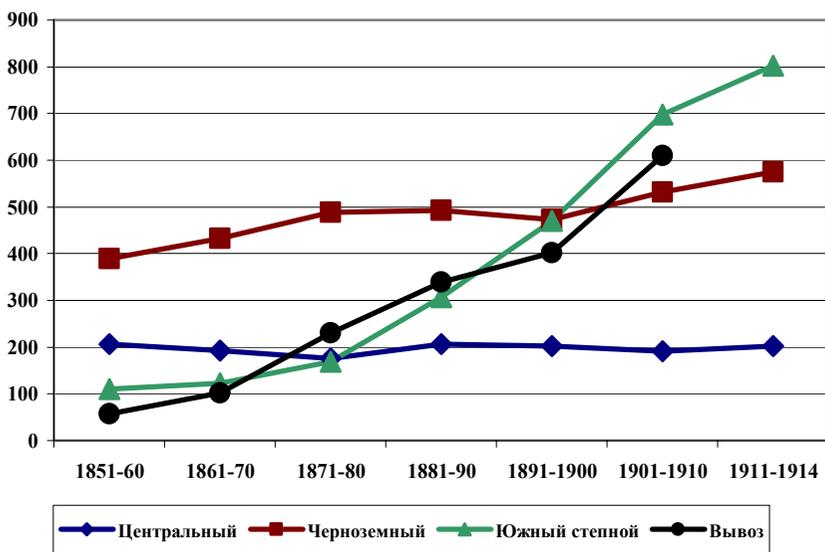

Рис. 4.9. Рост производства хлеба по регионам (млн. пуд.)²¹⁹

Вывозился не только хлеб, но и другие продукты. «По головам голодавшего русского центра, – писал известный публицист И. И. Колышко, – неслись к Риге, Либаве, Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, мясом... Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались ими до отвала, а великоросс ел мясо лишь по двенадцатым праздникам»²²⁰.

Крупный неурожай, естественно, повышал уровень цен, и вывозить хлеб становилось менее выгодно, чем продавать его на месте. Однако

средний уровень цен в Европе почти вдвое превышал средний уровень цен в России. Этот диспаритет цен был вызван не тем, что европейское население больше, чем русское, нуждалось в хлебе, а тем, что со времен открытия американских рудников в Европе было больше валюты, золота и серебра. В конце XIX века на каждого жителя Франции приходилось 32 доллара в драгоценных металлах, а на каждого жителя России – 7 долларов²²¹. Богатые нации могли платить за хлеб больше, чем русское население, и хлеб, производимый в помещичьих и отчасти в зажиточных крестьянских хозяйствах, уходил за границу, несмотря на то, что бедняки голодали. В 1860-х годах пуд ржи стоил в Германии 93 коп., а на Черноземье – 45 коп, в 1880-х годах соответственно 112 и 65 коп.²²² По железнодорожному тарифу 1889 года стоимость перевозки до порта Либавы составляла 23 коп., до германской границы – около 25 копеек. Вследствие разницы цен, намного превосходившей цену транспортировки, хлеб было выгодно вывозить даже в относительно неурожайные годы, до тех пор, пока создававшаяся в результате вывоза нехватка продовольствия не компенсирует разницу в ценах. Рыночный механизм работал таким образом, что в России создавалась нехватка продовольствия. Мировой рынок работал как насос, выкачивающий из России ее богатства: хлеб, масло, лес, лен, пеньку и другое сырье²²³.

Таким образом, в России сформировался новый, типичный для восточноевропейской «фольварочной» экономики, круг товарообмена, в котором зерно, производимое на помещичьих полях, обменивалось на импортные предметы потребления. Так, например, в 1907 г. было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180 млн. руб. и 150-200 млн. руб. составили расходы «русских путешественников» за границей (многие представители русской знати постоянно жили во Франции). Для сравнения, в том же году, было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн. руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн. руб.²²⁴ Таким образом, на нужды индустриализации шла лишь небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

4.3.4. Динамика производства и потребления

Как отмечалось выше (п. 4.1.1), в первой половине XIX века в соответствии с мальтузианской теорией рост и уплотнение населения сопровождалось падением потребления, и в 1850-х годах потребление приблизилось к минимально возможной норме. В стране (в особенности в центральных областях) ощущалась нехватка хлеба, и резкий рост вывоза в таких условиях мог привести к голоду. Однако Россия избежала продовольственного кризиса, и, по-видимому, главной причиной улучшения экономической ситуации стало освобождение крестьян: использование свободного труда стимулировало расширение посевных площадей и совершенствование земледельческой технологии, что приводило к росту урожаев. С 1861-1870

по 1901-1910 гг. средняя урожайность в Европейской России возросла с сам-3,4 до сам-5,5, а сборы с 1,7 до 3,2 млн. пуд (табл. 4.8).

Рост производства хлеба был неравномерным по регионам. Наиболее впечатляющий прогресс был достигнут в южном степном Причерноморье. Это был район новой колонизации, и освоение этих земель было одним из важнейших факторов экономического развития пореформенной России. За полвека хлебное производство этого региона увеличилось в 7 раз и достигло 0,7 млрд. пудов (22% общероссийского производства). Чистые сборы на душу населения достигли 44 пудов (рис. 4.9). В 1895 году 73% производившегося в этом регионе товарного хлеба вывозилась за границу через черноморские порты²²⁵.

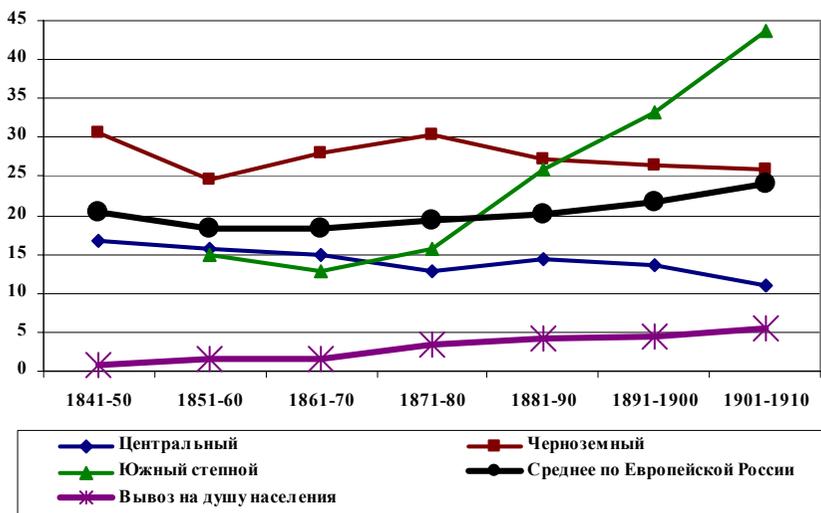

Рис. 4.9. Душевые чистые сборы хлебов в Европейской России и в некоторых регионах²²⁶.

Совершенно иной характер имело развитие Центрального региона. Здесь уже давно были освоены все удобные земли, наблюдалось истощение почв, урожайность оставалась низкой, и сбор хлебов сохранялся на уровне 0,2 млрд. пудов. В расчете на душу населения чистые сборы к началу XX века уменьшились до 11 пудов; район не обеспечивал себя продовольствием и жил в значительной части за счет ввоза из других областей.

В Черноземном районе в 1860-1880 гг. наблюдался небольшой рост, который затем сменился стагнацией. Практически все пригодные земли были распаханы, и урожай не рос вплоть до начала XX века, когда намечилось некоторое оживление сельскохозяйственного производства. Одна-

ко, несмотря на это оживление, рост населения привел к уменьшению душевых чистых сборов до 26 пудов.

	1851 -60	1861 -70	1871 -80	1881 -90	1891 -00	1901- 10
Население (млн.)	58,4	62,1	69,6	79,8	91,8	108,1
Зерновые						
Посев (млн. пудов.)	470	468	491	508	523	597
Сбор (млн. пуд.)	1577	1659	1890	2197	2606	3209
Урожайность в самах	3,4	3,5	3,9	4,3	5,0	5,4
Чистый сбор (млн. пуд)	1107	1190	1399	1690	2084	2612
Чистый сбор на душу (пуд)	19,0	19,2	20,1	21,2	22,7	24,2
Вывоз (млн. пуд)	57	102	234	385	441	610
Вывоз на душу (пуд.)	1,0	1,6	3,4	4,8	4,8	5,6
Посев для ввоза (млн. пуд.)	17	29	60	90	88	113
Посев для внутреннего потребления (млн. пуд)	453	439	431	418	435	484
Винокурение (млн. пудов)	62,0	70,0	58,0	49,0	40,0	44
Заготовки для армии (млн. пудов)	35	39	39	39	43	54
Потребление (млн. пуд.)	954	980	1068	1217	1559	1905
Потребление на душу (пуд)	16,3	15,8	15,3	15,3	17,0	17,6
Картофель						
Посев (млн. пудов)	49	64	80	99	177	248
Сбор (млн. пудов)	113	223	375	447	896	1168
Чистый сбор (млн. пуд)	64	160	295	348	719	920
Чистый сбор в пересчете на зрн (млн. пуд)	13	32	59	70	144	184
Чистый сбор на душу населения (пуд.)	0,2	0,5	0,8	0,9	1,6	1,7
Переработка картофеля на винокурение (млн. пуд.)	0	7	66	80	110	147
Потребление картофеля на душу в переводе на хлеб (пуд.)	0,2	0,5	0,7	0,7	1,3	1,4
Потребление всех хлебов на душу с учетом картофеля (пуд)	16,6	16,3	16,0	15,9	18,3	19,0

Табл. 4.8. Продовольственный баланс по 50 губерниям Европейской России²²⁷.

В целом чистые сборы хлебов в расчете на душу населения возросли с 18,3 пуда в 1861-70 гг. до 24,2 пуда в 1901-1910 гг. Однако рост хлебного производства сопровождался бурным ростом экспорта и вплоть до 1890-х годов не приводил к увеличению потребления. Огромный вывоз приводил к тому, что, несмотря на рост зернового производства, потребление оставалось на крайне низком уровне.

Продовольственный баланс страны, кроме чистого сбора и экспорта, должен учитывать также некоторые другие величины, такие, как производство картофеля, потребление хлеба на винокурение, закупки армии и т. д. (табл. 4.8). При построении продовольственных балансов, подобных приведенному в табл. 4.8, исследователи сталкиваются с трудностями, возникающими из-за невозможности учета некоторых факторов. В частности, отсутствуют полные данные о вывозе хлеба в Польшу и Финляндию, о привозе из Сибири, о производстве хлеба на Северном Кавказе и о доле этого хлеба в общем вывозе. Учет этих факторов (как показывают данные начала XX века), по-видимому, уменьшил бы цифру вывоза из Европейской России примерно на 40 млн. пудов²²⁸, что привело бы к увеличению душевого потребления в 1890-х годах на 0,4 пуда. Необходимо отметить также, что некоторые специалисты считают заниженными приводимые в официальных источниках данные об урожаях 1850-1870-х годов; в частности П. И. Лященко полагал, что надежные статистические сведения об урожаях появляются лишь после 1877 года²²⁹.

Тем не менее, большинство исследователей (в том числе А. С. Нифонтов, И. Д. Ковальченко, Б.Н. Миронов) полагают, что официальные данные, в целом, адекватно отражают динамику потребления. Таким образом, с учетом упомянутой выше поправки можно с достаточной уверенностью предполагать, что среднее потребление в 1860-1880 годах не превосходило 17 пудов на душу населения. Эти величины соответствовали крайне низкому, полуголодному уровню потребления, который сформировался в России в период перед падением крепостного права. Как отмечалось выше (п. 4.1.1) минимальная норма потребления с учетом расхода на фураж во второй половине XIX века (ближе к концу столетия) оценивается в 18,7 пуда.

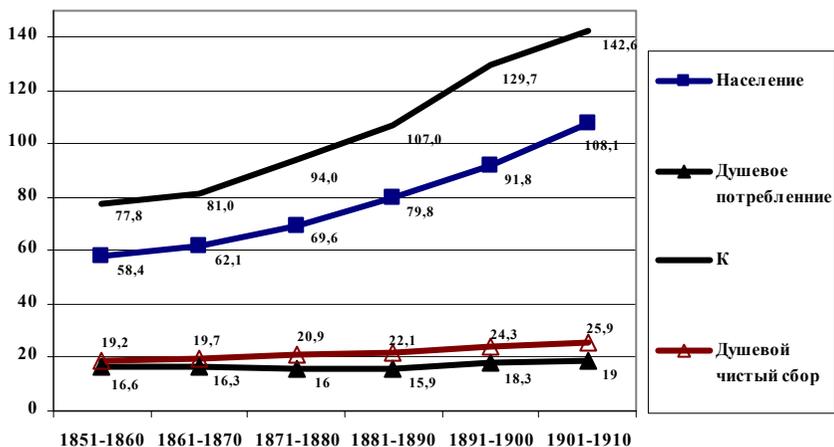

Рис. 4.10. Население, емкость экологической ниши К (млн. чел.), душевое потребление и чистый сбор (пуд.) в 1850-1910 гг. (50 губерний).

Как следует из данных, приводимых в табл. 4.8, в 1880-1910 гг. душевое потребление возросло с 15,9 до 19,0 пуда. Однако минимальная норма потребления также возросла – это был результат распашки пастбищ и роста потребления зерна в корм скоту. Известный экономист П. Попов полагал, что в середине XIX века этот расход был невелик, но он быстро возрастал и к 1912-1913 гг. достиг 678 млн. пудов или 5,7 пуда на душу населения²³⁰. Добавляя этот расход к 15 пудовой норме потребления в пищу, мы получим норму потребления в 20,7 пуда. С другой стороны, Госплан СССР в начале 1920-х годов определял норму зерновых кормов в 4,6 пуда на душу сельского населения (или 3,9 пуда на душу населения)²³¹. При норме питания Госплана в 15,3 пуда на душу это соответствует минимальной норме потребления в 19,2 пуда, поэтому можно считать, что минимальная норма потребления увеличилась к 1913 году, по крайней мере, до 19,2 пуда. Таким образом, хотя потребление и увеличилось, оно не превысило уровня минимальной нормы. *В целом, можно считать, что на протяжении 1850-1910 гг. потребление оставалось примерно на уровне минимальной нормы – как в классическом случае экологического равновесия.*

Известный медик профессор Л. А. Тарасевич на X Пироговском съезде в 1907 году высказал мнение, что русский народ находится в состоянии постоянной болезни – недоедания («хроническое неполное голодание»), причем достаточно небольшого ухудшения, чтобы начались все ужасы голода²³².

Однако в классическом случае стационарной экологической ниши на минимальном уровне потребления рост населения прекращается. В России мы наблюдаем другую картину. Как следует из табл. 4.8, во второй половине XIX века урожайность начинает возрастать, что приводит к расширению экологической ниши. Мы можем приблизительно подсчитать объем экологической ниши K , то есть максимальную численность населения, которое может проживать на территории 50 губерний. Примем за максимально возможную посевную площадь 1913 года, когда практически все удобные земли были уже распаханы; с учетом урожайности текущего десятилетия определим максимально возможный чистый сбор, а затем поделим эту величину на минимальную норму потребления (18,7 пуда). Мы получим верхнюю кривую K , изображенную на рис. 4.10.

Таким образом, экологическая ниша русского этноса расширялась с ростом урожайности. Одновременно с расширением экологической ниши росло и население, причем коэффициент корреляции между ростом населения и урожайности (и, соответственно, с расширением экологической ниши) равен 0,99 – то есть *население возрастало ровно настолько, насколько позволяло увеличение урожайности* (см. рис. 4.10). Это подтверждается тем, что посев для внутреннего потребления²³³ в 1860-1900 гг. оставался практически постоянным (см. табл. 4.8), то есть увеличение внутреннего потребления могло происходить только за счет роста урожайности. Ситуация была такова, что население страны потребляло сбор с

определенной практически постоянной площади посевов, в то время как с другой, расширяющейся части посевов, хлеб вывозился.

Поскольку потребление оставалось постоянным примерно на уровне минимальной нормы, то расширение экологической ниши полностью компенсировалось ростом населения. Население под действием хронического голода как бы давило на стенки экологической ниши, раздвигая ее. Как отмечает П. Гатрелл²³⁴, давление населения приводит к тому, что крестьяне обрабатывают землю более интенсивно и увеличивают применение удобрений. Корреляция между ростом населения и урожайности впервые была отмечена А. Фортунатовым на материалах Казанской губернии; теоретическое обоснование этой зависимости дано на африканских материалах в известной работе Э. Босеруп²³⁵.

В плане компаративного анализа можно отметить, что в Африке второй половины XX века имела место подобная ситуация: потребление стагнировало на уровне минимальной нормы, но население все же росло за счет расширения экологической ниши (рис. 4.11). Однако притом, что положение с потреблением как будто не ухудшалось, а, как и в России, даже немного улучшалось, оно оставалось стабильно тяжелым, причем в обширном регионе Центральной Африки (так же, как в Центральной России) наблюдалась типично мальтузианская картина падения душевого потребления (см. рис. 1.6 и 4.9).

При 686 млн. пудов среднего ежегодного вывоза в 1909-1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн. пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн. руб. арендной платы²³⁶. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн. пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн. пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы²³⁷. Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать часть своего зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары, но это количество (около 700 млн. пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения²³⁸. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса. Помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта. Таким образом, внутри российской экономики существовала автономная экономическая система, которая

использовала значительную часть российских земель, но очень мало давала русскому народу, сужая его экологическую нишу.

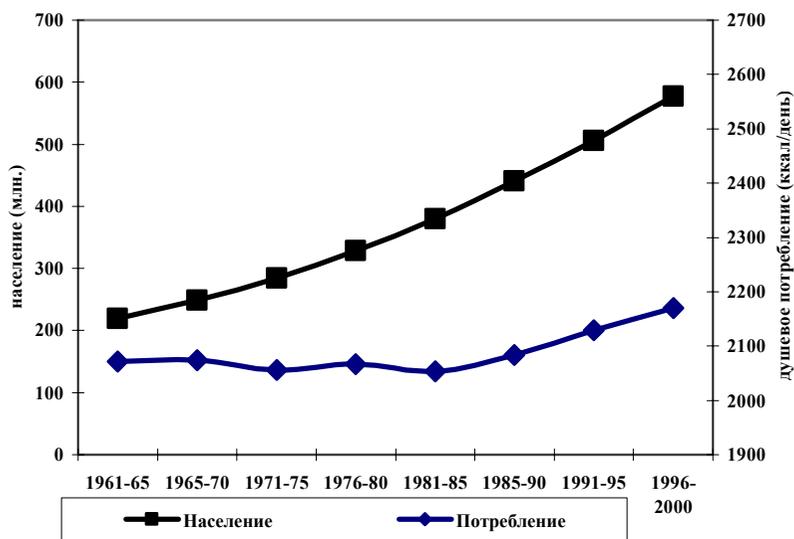

Рис. 4.11. Динамика населения и потребления в странах Африки южнее Сахары²³⁹.

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – это так называемое «второе издание крепостничества», когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. «Зерно, повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на “феодализацию”»...- писал Фернан Бродель²⁴⁰. В этом смысле русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении, и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство. Напомним, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах²⁴¹.

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами.

Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)	Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)
Франция	30,2	33,6	+3,4	Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Австро-Венгрия	27,4	23,8	-3,6	Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Германия	24,2	27,8	+3,6	Россия	24,3	19,5	-4,8

Табл. 4.9. Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала («производство») и остаток с учетом экспорта и импорта («потребление») на душу населения в конце XIX века²⁴². (Расход на винокурение и армию здесь не учитывается).

Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень потребления в России был намного ниже, чем в других странах Европы.

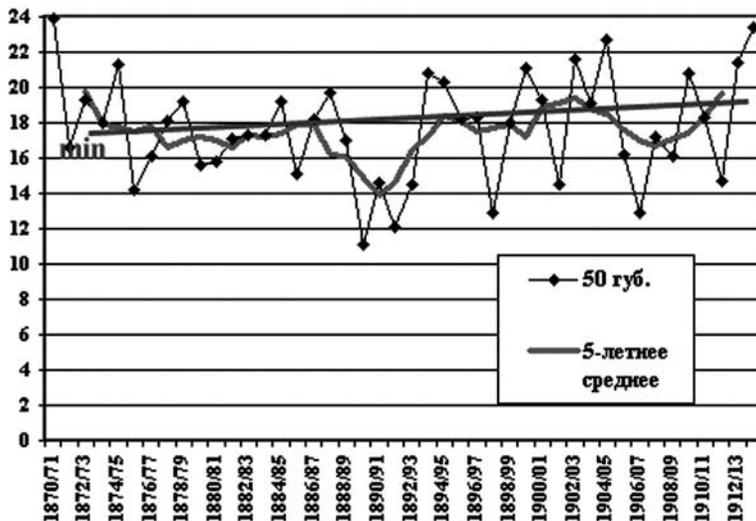

Рис. 4.12. Душевой чистый остаток хлебов за вычетом посева и вывоза по 50 губерниям Европейской России²⁴³. Прямая min – минимальная норма потребления.

Таким образом, уровень потребления в России далеко отставал от западных стран, и был близок к минимальной норме потребления. В данном случае речь идет о потреблении хлеба – основного продукта питания. Что касается потребления продуктов животноводства, то отставание от стран Европы было еще большим. «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, – говорил С. Ю. Витте на заседании Совета министров 17 марта 1899 года, – то средний размер его на душу составляет в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования»²⁴⁴.

Нужно учесть при этом, что при среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса *потребление половины населения оказывается меньше среднего и существенно меньше нормы*. И хотя по объемам производства страна была более-менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания. Р. А. Белоусов называет нехватку продовольствия острой, хронической болезнью социального строя России, а причинами создавшегося положения – быстрый рост населения, растущий экспорт и имущественную дифференциацию крестьянского населения²⁴⁵. Как уже отмечалось, демографическая структурная теория особо акцентирует роль имущественной дифференциации. Причем необходимо отметить, что с развитием рынка имущественная дифференциация нарастала. «Законы капитализма сильнейшим образом стимулировали расслоение общинного крестьянства, – отмечает Л. В. Милов. – На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя одношадных и безлошадных крестьян, составлявших от 50 до 65% всех крестьянских дворов. Социальное напряжение, порожденное такой асимметрией расслоения, дополнялось общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий. Эти два факта... лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который, в конечном счете, привел страну к трем русским революциям»²⁴⁶.

Таким образом, на протяжении полувекового Сжатиya Россия балансировала на грани голода, это было состояние неустойчивого равновесия, которое в любой момент могло быть нарушено действием случайных факторов. Факторами, поддерживавшими это равновесие, были авторитет освободившей крестьян царской власти и традиционный крестьянский менталитет, составными частями которого было долготерпение и фатализм. Еще одним, едва ли не важнейшим, благоприятным обстоятельством был внешний мир. Единственная война, которую вела Россия в 1861-1903 годах, была «маленькая победоносная война» с Турцией, популярная в народе война за освобождение «братушек-славян». Но неудачная война и потеря авторитета самодержавия могли привести к тому, что полуголодное население откажется подчиняться властям.

Наряду с войной, другим опасным случайным фактором было сочетание неурожайных лет. Специфика сельского хозяйства России заключалась в том, что урожаи сильно колебались. Подсчитано, что отношение максимального урожая ржи к минимальному в 1901-1910 годах составляло в России 1,67, во Франции – 1,28, в Германии - 1,18²⁴⁷.

Как показал С. Уикрофт, урожаи сильно колебались не только год от года, но в среднем по пятилетиям²⁴⁸.

В некоторых случаях это вводило в заблуждение исследователей, которые сравнивали отдельные, произвольно выбранные пятилетия и на основе этого сравнения делали далеко идущие выводы. Так, например, А. Гершенкрон, сравнивая пятилетия 1870-1874 и 1896-1900 гг., пришел к выводу об уменьшении душевого потребления в конце XIX века²⁴⁹. П. Грегори, сравнивая пятилетия 1885-1889 и 1897-1901 гг., напротив, сделал вывод о значительном росте потребления зерна в аграрных хозяйствах (к тому же П. Грегори не учитывал потребление овса и ряда других культур и вел исчисление не в натуральных, а стоимостных показателях, что завышало результат ввиду опережающего роста производства более дорогих - но не более калорийных – хлебов)²⁵⁰.

График С. Уикфорта не учитывает расходы на посев и поэтому не дает реальной картины изменения потребления хлеба в сравнении с минимальной нормой. Поскольку соответствующие данные в литературе отсутствуют, то нам пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием статистических источников; в результате проведенной работы был построен график, изображенный на рис. 4.12. Этот график наглядно показывает, что на протяжении полувекового периода в России было два промежутка концентрации неурожайных лет, именно 1889-1892 гг. и 1905-1908 гг. В эти годы среднее потребление падало ниже минимальной нормы и недоедала уже не половина, а большая часть населения. Падение потребления стимулировало всплески народного недовольства; в 1905-1906 гг. такой период массового недовольства совпал с временным ослаблением авторитета самодержавия; это привело к революции 1905-1907 гг.

4.3.5. Положение различных групп крестьянства

В восприятии крестьян основное содержание экономических процессов того времени заключалось в нарастающем малоземелье. В 1861 году на душу сельского населения приходилось 4,8 дес. наделной земли, в 1880 г. – 3,5 дес., в 1900 г. – 2,6 дес., в 1914 г. – 2,0 дес²⁵¹. При этом демографически-структурная теория акцентирует то обстоятельство, что ситуация осложнялась неравномерным распределением земли среди крестьян. Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственными и бывшим крепостным крестьянам. Представляет интерес оценить, каковы были чистые сборы на душу населения у этих двух категорий крестьянства. К 1877 году душевая обеспеченность землей по сравнению с 1861 годом уменьшилась и составляла в среднем по Черноземью для помещичьих крестьян 1,08 десятины, для государственных крестьян – 1,9 десятины. Известно, что малоземельные крестьяне сеяли на десятину надела немного

меньше, чем многоземельные, а продуктивность на десятину посева была практически одинаковой²⁵². Поэтому если мы будем считать средний сбор на десятину надела одинаковым, то это может лишь немного завьисить чистые сборы у бывших помещичьих крестьян и занизить их у крестьян государственных. Таким образом, можно примерно оценить душевой чистый сбор у помещичьих и государственных крестьян (см. табл. 4.10).

Категории крестьян →	Черноземный район		Центральный район	
	Бывшие помещичьи на выкупе	Бывшие государственные	Бывшие помещичьи на выкупе	Бывшие государственные
Средний душевой надел в 1877 г. (дес.)	1,08	1,91	1,72	2,11
Чистый сбор на десятину в 1870-е гг. (пуд.)	15,1	15,1	6,9	6,9
Чистый сбор на душу в 1870-е гг. (пуд.)	16,3	28,9	11,8	14,5
Повинности с души в 1870-е гг.	8,2	7,0	7,1	4,9

Табл. 4.10. Оценка душевых чистых сборов бывших помещичьих и государственных крестьян²⁵³.

Таким образом, на Черноземье государственные крестьяне могли получать со своих наделов 29 пудов на душу, а бывшие помещичьи крестьяне – 16 пудов хлеба на душу.

В целом душевые сборы на наделах бывших помещичьих крестьян не очень отличались от дореформенных – уже тогда помещики оставляли крестьянам лишь такое количество земли, которого только-только хватало на пропитание. Однако с тех пор в результате роста населения площадь пастбищ сократилась, и к тому же при разделе земли подавляющая часть непашенных угодий осталась у помещиков – поэтому крестьянам приходилось тратить дополнительные средства на аренду пастбищ или использовать часть овса на корм скоту. Э. Вольф придает утрате крестьянами пастбищ и лесных угодий настолько большое значение, что говорит об «экологическом кризисе», поразившем крестьянское хозяйство в результате нарушения необходимого баланса между земледелием и животноводством²⁵⁴.

В этих условиях, имея минимальные наделы, крестьяне должны были платить оброки, налоги и выкупные платежи. Одним из первых экономистов, попытавшихся оценить, могут ли крестьяне нести эти повинности, был Ю. Янсон. Опираясь на данные Янсона, можно подсчитать, что государственные крестьяне Черноземья должны были платить в 70-х годах в среднем сумму, эквивалентную 7,0 пудам хлеба с души; помещичьи крестьяне на выкупе должны были платить 8,2 пудов, крестьяне, оставшиеся на оброке – 9,8. Собственно государственные налоги (подушная подать, земские и мирские) в этих суммах были эквивалентны в среднем 3,3 пудам хлеба²⁵⁵.

Государственные крестьяне, имея в среднем 29 пудов хлеба на душу, могли продать 7 пудов, чтобы заплатить налоги, и им оставалось достаточно хлеба на потребление. Эти крестьяне составляли основу достаточно многочисленной прослойки зажиточных «сельских обывателей». В Курском уезде, например, в 1881-1882 годах четвертая часть всех крестьянских дворов имела по меньшей мере 3 лошади²⁵⁶.

Таким образом, среди русских крестьян выделялись две основные и примерно равные по численности группы, одна из которых – государственные крестьяне – жила довольно зажиточно, а другая – бывшие крепостные – была обречена на бедность. Это положение было унаследовано от эпохи крепостного права, и оно было одним из главных обстоятельств, определявших дальнейшее развитие страны. В различных районах достаток и бедность были смешаны в разных пропорциях. В Центральном районе преобладали бывшие крепостные, на Черноземье две группы крестьян были примерно равны, далее на юге и востоке, в Степном крае, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Предуралье, на Вятке преобладали государственные крестьяне. Достаток крестьян увеличивался от центра к окраинам; это было обусловлено тем, что на окраинах было больше земли и тем, что там, сравнительно с Центром, позже стало развиваться крепостное право. В тогдашней России наряду с нищим Центром существовали настоящие края изобилия, например, в Самарской губернии государственные крестьяне имели наделы в среднем 4,1 дес. на душу (1878 год). В 1889 году в Новоузенском уезде, на юго-востоке этой губернии, половина крестьян жила в хозяйствах, имевших не менее 4 лошадей²⁵⁷. Другая богатая область, Степное Причерноморье, была знаменита не только своим благодатным климатом, но и тем, что после освобождения государственные крестьяне имели там огромные наделы – в среднем 5,8 десятины на душу всего населения²⁵⁸. По данным социологических обследований в Херсонской губернии потреблялось в пищу в среднем 29 пудов хлеба на душу (1898 год). Высокий уровень жизни проявлялся в более низкой смертности, что вместе с притоком мигрантов обеспечивало быстрый рост населения. За 1861-1914 годы население Степного района возросло в 3,1 раза, а население Центра и Черноземья – только в 1,7 раза²⁵⁹.

При таких обстоятельствах массовое переселение на окраины было бы естественным решением проблемы, но условия освобождения были таковы, что разорившийся крестьянин не мог продать свой надел и переселиться в другие края. Первые 9 лет после 1861 года крестьяне не могли отказаться от надела; позднее они могли продать надел, но при продаже невыкупленной до конца земли деньги получало государство – таким образом, крестьянин терял все, что заплатил раньше, и на такие условия соглашались немногие. С разрешения «мира» можно было сдать надел в аренду одному из сельчан, а самому идти на заработки в город, но в этом варианте временный фабричный рабочий, по сути, оставался крестьянином: ведь он сохранял в деревне семью, хозяйство и по всем документам числился жителем такой-то деревни²⁶⁰.

Одним из основных способов получения дополнительного заработка была аренда помещичьей земли или работа на помещика. В 1877 году у бывших помещичьих крестьян Черноземья было 5,6 млн. дес. наделной земли (21% ко всей частной и наделной земле), у государственных крестьян – 10,5 млн. дес. (39%), у дворян было 8,6 млн. дес. частной земли (32%), у купцов и горожан – 1,1 млн. дес. (4%), кроме того, было еще 0,8 млн. дес. (3%) частной земли, купленной крестьянами у помещиков²⁶¹. Частная земля дворян и купцов сдавалась крестьянам в аренду или обрабатывалась с помощью батраков. По расчетам А. М. Анфимова арендная плата на Черноземье в 1887/88 году составляла 52% валового урожая, в 1901 году – 42%²⁶².

Прежде всего, необходимо оценить относительную величину арендной платы, понять, много это или мало – 40-50% урожая? Массовая аренда земли у частных землевладельцев была новым явлением российской истории, в крепостной период ее не существовало, поэтому сравнение возможно только с временами до введения крепостного права или с другими странами. В конце XVI века обычная арендная плата составляла 1/6-1/5 урожая, то есть была много меньше – но в те времена было изобилие свободных земель. Норма арендной платы в половину урожая была характерна для перенаселенных стран, где рабочая сила была дешева, например, для Китая в середине XIX века. Как правило, в начале «векового цикла», при наличии свободных земель, арендная плата была низкой, а затем по мере роста населения и обострения аграрного кризиса она возрастала, например, с начала XVI по середину XVII арендная плата увеличилась во Франции с 20% до 50% урожая. Таким образом, величина арендной платы в 40-50% , наблюдавшаяся в России во второй половине XIX века, характерна для периодов перенаселения и аграрного кризиса; это было свидетельство острой нехватки пашен²⁶³.

Как ни тяжелы были условия аренды и найма, часть урожая с частных земель доставалась крестьянам. В 80-х годах крестьянин получал от аренды примерно 1/3 чистого сбора; при временном найме батраков крестьяне получали меньше, примерно 1/4 часть сбора²⁶⁴. С другой стороны, часть частных земель принадлежала крестьянам, и эта часть постепенно увеличивалась, но за эти земли приходилось платить в рассрочку, и в первые годы покупка давала крестьянину не больше, чем аренда. Все эти многообразные обстоятельства практически невозможно учесть, и остается предположить, что при грубой оценке крестьяне получали с частных земель от 1/4 до 1/3 чистого сбора. В этом случае их среднее потребление увеличилось на соответствующую величину (см. табл. 4.11).

В этом расчете не учтены доходы от животноводства, от несельскохозяйственных промыслов, от отходничества. С другой стороны, не учтены и многие расходы: затраты на одежду и обувь, на топливо и т.д. Таким образом, приведенные цифры указывают лишь на тенденцию в зерновом производстве, но, тем не менее, они позволяют утверждать, что ее общее направление было понижающимся.

	1861-70	1871-80	1881-90	1891-1900	1901-1910	1911-1914
Сельское население (млн.)	10,1	11,6	13,0	13,0	15,2	18,0
Посев зерновых (млн. пуд.)	112	112	107	95	100	100
Урожайность	3,9	4,3	4,6	5,0	5,3	5,8
Чистый сбор зерна (млн. пуд.)	321	376	385	378	432	475
Чистый сбор зерна и картофеля (млн. пуд.)	330	391	402	410	475	530
Доля частных земель (%)	28	34	38	37	37	37
Чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских землях на душу сельского населения (пуд.)	23,5	22,2	19,1	19,8	19,8	18,5
Чистый сбор на частных землях на душу сельского населения (пуд.)	9,2	11,7	11,8	11,8	11,6	10,9
Душевой сбор с учетом аренды, купчих земель и заработков умельных помещиков (пуд.)	25,8-26,5	25,1-26,0	22,1-23,1	22,7-23,7	22,7-23,6	21,3-22,2
Казенные платежи на душу (безмирских) (пуд.)		5,4	4,5	4,2		
Остаток на потребление после вычета платежей		19,7-20,6	17,6-18,6	18,5-19,5		

Табл. 4.11. Чистый сбор зерновых и картофеля (в переводе на зерно 1:5) на крестьянских и частных землях в Черноземном районе²⁶⁵.

Известный экономист Л. Н. Маресс провел более детальный анализ доходов крестьян Черноземья от аренды и купчих земель в 1883-1892 годах. В частности, Л. Н. Маресс подсчитал средний душевой чистый сбор с наделных, арендных и купчих земель, а также процент крестьянского населения, имеющего душевой сбор ниже минимального уровня, определенного им в 19 пудов (табл. 4.12).

Данные табл. 4.12 показывают большое различие в положении крестьян в различных губерниях, причем выделяются две группы губерний: бедная северная (Тульская, Рязанская и Орловская) и зажиточная южная (Воронежская, Курская, Тамбовская, Пензенская). В северной группе до освобождения преобладали помещичьи крестьяне, и наделы здесь были меньше, чем в южной группе; в южной группе, наоборот, преобладали государственные крестьяне. В итоге мы видим, что сбор с крестьянских земель в северной группе, даже без учета арендной платы и налогов, не достигал необходимого минимума. Положение, вдобавок, осложнялось сильной неравномерностью распределения доходов внутри губерний. В результате этой неравномерности даже в зажиточной Тамбовской губернии 54% населения имело доходы от местного земледелия ниже минимального уровня.

Таким образом, местное сельское хозяйство не обеспечивало большинство населения Черноземья даже минимальным доходом. Местное ремесло было не развито, и беднякам оставалось лишь идти в отход за пределы Черноземья.

Губерния	Душевой чистый сбор	Процент крестьян с оборотными наделами	Средний душевой надел в 1877 г.	Урожайность на крестьянских наделах в 1881-1890 гг.	% государственных крестьян в 1859 г.
Тульская	18,1	87	1,26	3,6	19
Рязанская	18,7	80	1,33	4,4	35
Орловская	18,8	92	1,36	3,9	36
Пензенская	22,7	61	1,54	4,2	47
Воронежская	23,2	53	1,78	4,6	67
Курская	23,3	66	1,36	4,2	54
Тамбовская	26,1	54	1,5	5,1	53
В среднем	21,9	72		4,2	

Табл. 4.12. Средний душевой чистый сбор с наделных, арендных и купчих земель по губерниям Черноземного района в 1883-1892 годах²⁶⁶.

Анализируя общую динамику посевов и урожаев на Черноземье, можно отметить, что в 1860-1914 годах процесс расширения пашни привел к тому, что были распаханы практически все удобные земли. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, пишут, что «в течение XIX в. в губернии обнаружили естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...»²⁶⁷ В четырех губерниях Черноземья – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – в 1864 году пашня составляла в среднем 60% площади крестьянских наделов, в 1881 году – 80%, в 1900 году – 85%. Известный агроном С. Советов в своем отчете 1876 года писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля со всевозможными красными и серыми хлебами»²⁶⁸. Об этом же свидетельствовал в 1902 году уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А. И. Шахназаров: «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период»²⁶⁹.

Парадоксально, что хотя крестьяне старались до максимума расширить пашни, размеры посевов практически не росли. Это объясняется тем, что ввиду истощения земли крестьяне были вынуждены все большую ее часть отводить под пар²⁷⁰. Однако более тщательная обработка почвы привела к постепенному и довольно значительному росту урожайности (табл. 4.8). С 1860-х по 1880-е годы чистые сборы возросли на 20%, но сельское население

ние за тот же период возросло на 30%, и в результате средний душевой чистый сбор на крестьянских наделах упал с 23,5 до 19,1 пуда.

	1861-70	1871-80	1881-90	1891-1900
Чистый сбор на крестьянских наделах (млн. пуд.)	105,3	105,3	126,1	138,1
Чистый сбор на владельческих землях (млн. пуд.)	16,3	16,2	27,0	26,0
Общий чистый сбор	121,6	121,6	153,1	164,2
Доля сбора на частных землях в общем сборе (%)	13	13	18	16
Сельское население (млн.)	6,9	8,0	8,4	9,0
(А) Чистый сбор на крестьянских наделах на душу (пуд.)	15,2	13,2	15,0	15,4
Чистый сбор на владельческих землях на душу (пуд.)	1,1	1,2	1,8	1,7
(В) Чистый сбор на владельческих землях на душу (пуд.)	0,5	0,6	0,9	0,8
(А+В) Доход крестьян от земледелия в расчете на душу (пуд.)	15,8	13,8	15,9	16,2
Городское население (млн.)	1,0	1,1	1,6	1,8
Чистый сбор на душу всего населения (пуд.)	15,4	13,5	15,3	15,2

Табл. 4.13. Чистый сбор зерновых и картофеля (в переводе на зерно 1:5) на различных категориях земель и продовольственная обеспеченность Центрального района²⁷¹.

Значительно более тяжелым было положение крестьян в Центральном районе. Низкая урожайность и давно начавшееся перенаселение привели к тому, что наделы не могли прокормить крестьян: в 1870-х годах государственные крестьяне имели лишь 14 пудов хлеба на душу, а бывшие помещичьи крестьяне (которые составляли здесь большинство) – 12 пудов на душу. Перенаселение еще до реформы вынудило помещиков отдать почти всю землю крестьянам и перевести их на оброк, поэтому пашня помещиков составляла лишь небольшую часть всей пашни района, на помещичьих землях получали порядка 15% чистого сбора. Эти земли сдавались в аренду или обрабатывались батраками; урожайность была низкая и арендная плата сравнительно невысокая: в 1887/88 году она составляла 25% от валового урожая, а в 1900 году – лишь 9%²⁷². С учетом затрат на посев крестьянин получал около половины чистого сбора, но это было лишь небольшой добавкой к урожаю на крестьянских наделах, и в среднем доход крестьян от зернового земледелия оставался ниже минимальной потребительской нормы.

Крестьяне Центра и раньше жили больше промыслами, нежели землей, и начисляемые в зависимости от оброка выкупные платежи никак не соотносились с реальными доходами от земледелия. По Московской губернии платежи бывших помещичьих крестьян в пересчете на хлеб по средним ценам 70-х годов составляли 7,1 пуда, а платежи государственных крестьян – 4,9 пуда²⁷³.

4.3.6. Рост населения

Надел привязывал крестьянина к деревне и затруднял переселение в город или на многоземельные окраины. Между тем, численность населения после освобождения стала быстро расти. В 1858-1878 годах крестьянское население Черноземья увеличилось на 23,8%, среднегодовой прирост составил 1,1% в год против 0,43% в 1851-1857 годах. Среднегодовой прирост численности государственного крестьянства и прежде был большим (0,95%), теперь он увеличился до 1,11%. Огромные перемены произошли в демографическом поведении бывшего крепостного крестьянства: если раньше крепостное население убывало (со скоростью 0,1% в год), то после освобождения эта часть крестьянского населения возрастала со скоростью 1,09%²⁷⁴. Этот демографический взрыв был вызван улучшением положения крестьян в первое десятилетие после освобождения, а также и теми оптимистическими настроениями, которые охватили большую часть крестьянства.

Важным фактором, обрешавшим высокий уровень естественного прироста, была роль общины. На Западе существование крестьянской частной собственности способствовало ограничению рождаемости²⁷⁵, в России же, как отмечал П. Маслов, наделяя землей молодые семьи, община выплачивала «премию за рождаемость», и это стимулировало ранние браки²⁷⁶. В последнее время получены убедительные доказательства справедливости такого вывода. С. О. Морозов, исследовав связь между рождаемостью и долей хозяйств, состоящих в общинах в 23 губерниях Центральной России, показал, что в 1897-1905 годах коэффициент корреляции между этими величинами составлял 0,97 – то есть высокая рождаемость объясняется ролью общины²⁷⁷.

При этом прирост крестьянского населения явственно зависел от размера надела, в общинах с большим наделом прирост был больше, чем в общинах с меньшим наделом (см. табл. 4.14). В силу худшего обеспечения земель, меньшей урожайности и большего числа отходников рост крестьянского населения в Центре был гораздо более слабым, чем на Черноземье, он составлял в среднем 0,55% в год²⁷⁸.

Размер душевого надела (дес.)	Прирост населения (%)	
	Черноземье	Центр
до 1	16,6	7,6
1 – 2	17,3	8,2
2 – 3	19,0	9,1
3 – 4	21,2	10,1
4 – 5	25,4	11,1
5-6	27,6	14,3
свыше 6	30,3	15,4

Табл. 4.14. Зависимость прироста населения в 1858-1878 годах от величины душевого надела²⁷⁹.

Данные об общем приросте населения (табл. 4.15) свидетельствуют о той же тенденции: в 1863-1884 годах население сравнительно медленно растет в Центральном районе, значительно быстрее – на Черноземье, и очень быстро – в колонизируемом Степном Причерноморье.

Район	1863-84	1885-97	1898-1914
Центральный	0,81	0,51	1,77
Черноземный	1,12	0,14	1,92
Степной	2,05	2,53	2,26

Табл. 4.15. Среднегодовые темпы роста населения по районам (в процентах)²⁸⁰.

В 1885-1897 годах темпы роста населения на Черноземье резко падают – это свидетельство нарастающего кризиса перенаселения, но в 1898-1914 годах население вновь начинает расти. В этот период ускоряется рост населения Центрального района, и продолжается быстрый рост на Юге. С.Хок в достаточно осторожной форме обращает внимание на то обстоятельство, что в соответствии с традиционными представлениями быстрый рост населения должен рассматриваться как свидетельство роста потребления²⁸¹. Однако это положение верно лишь для традиционного общества и для достаточно больших промежутков времени. На относительно коротких промежутках могут иметь место отклонения, связанные, например, с влиянием войн. В обществах, вступивших в начальную фазу модернизации проявляется также влияние такого фактора, как уменьшение эпидемической заболеваемости вследствие улучшения гигиены и применения простейших противомикробных средств – как известно, именно этот фактор сыграл основную роль в «демографическом взрыве», охватившем развивающиеся страны в XX веке²⁸². При этом в некоторых странах наблюдалось увеличение естественного прироста даже несмотря на падение потребления; это явление отмечалось, например в регионе Центральной Африки в 1985-1995 годах (см. рис. 1.5).

В России фактор снижения заболеваемости и смертности вследствие улучшения гигиены стал оказывать существенное влияние на динамику населения уже в конце XIX века²⁸³. Успехи медицины привели к снижению смертности с 3,6% в 1889-1890 гг. до 3,0% в 1906-1910 гг.; более чем наполовину это снижение объяснялось уменьшением детской смертности²⁸⁴.

Однако процесс снижения смертности происходил неравномерно по регионам, и в целом региональные различия в уровне смертности отражали различия в уровне жизни. В 1860-1890 годах смертность на Юге была значительно ниже, чем на Черноземье, а на Черноземье – ниже, чем в Центральном районе. В 1890-х годах кризис на Черноземье привел к росту смертности, но затем положение улучшилось, и в первом десятилетии XX века положение на Черноземье и в Центре было примерно одинаковым²⁸⁵. На Юге в 1860-1890 гг. отмечалось увеличение смертности, что было связано, по-видимому, с уменьшением крестьянских наделов из-за быстрого

роста населения, но затем возобладали общая тенденция уменьшения смертности в связи с успехами медицины.

Хотя смертность в России постепенно уменьшалась, по сравнению с другими странами она оставалась очень большой, что в значительной степени было связано с разницей в уровне потребления (табл. 4.16)

Страна	Потребление	Уровень смертности (%)	Страна	Потребление	Уровень смертности (%)
Франция	33,6	2,2	Голландия	24,4	2,0
Германия	27,8	2,3	Австро-Венгрия	23,8	2,8
Великобритания	26,4	2,0	Россия	19,5	3,4

Табл. 4.16. Уровень смертности и уровень душевого потребления (в пудах хлеба) в России и некоторых других странах Европы в конце XIX века²⁸⁶.

В Западной Европе смертность городского населения превышала смертность сельского населения – это было естественное явление, объясняющееся более здоровыми условиями жизни в деревне. В Великобритании уровень смертности городского населения составлял 2,6%, а сельского – 1,9%. В России же наблюдалась обратная картина: смертность в деревне (3,5%) превосходила смертность в городах (3,0%). «Недоедание и нищета наших крестьян делали свое дело и обрекали множество людей на преждевременную смерть», – писал известный экономист А. А. Кауфман²⁸⁷.

В соответствии с неомальтузианской теорией рост городского населения происходил быстрее, чем рост сельского населения, причем он постепенно ускорялся. В табл. 4.17 представлены темпы роста городского сельского населения по двум группам губерний. Группа промышленных губерний включает Московскую, Петербургскую, Владимирскую, Калужскую, Костромскую, Нижегородскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Группа земледельческих губерний включает Воронежскую, Тамбовскую, Тульскую, Курскую, Орловскую, Пензенскую, Рязанскую, Полтавскую, Казанскую, Саратовскую, Симбирскую, Харьковскую и Черниговскую губернии.

Губернии:	1863-1897			1898- 1914			Процент городского населения		
	всего	сельское	городское	всего	сельское	городское	1863	1897	1914
Промышленные	0,88	0,61	2,14	1,81	1,54	2,71	14,1	21,5	25
Земледельческие	0,92	0,87	1,48	1,86	1,84	2,07	8,3	10	10,3
Всего по Европейской России	1,24	1,14	2,02	1,86	1,75	2,53	9,9	12,9	14,4

Табл. 4.17. Темпы роста городского и сельского населения России (в %) ²⁸⁸.

Из таблицы 4.17 видно, что темпы роста городского населения в Северо-Западных и Центральных губерниях были значительно выше, чем в земледельческих губерниях, притом, что темпы роста сельского населения (и всего населения) в них были ниже. Очевидно, что в этих губерниях, страдавших от малоземелья и перенаселения, деревенское население активнее переселялось в города и искало работу в ремесле, торговле и промышленности. В целом по Европейской России процент городского населения вырос с 9,9% в 1863 году до 14,4 % в 1914 году.

4.3.7. Развитие отходничества как следствие Сжатия

В соответствии с теорией, демографический рост усугублял проблему нехватки земли и побуждал крестьян все в больших размерах искать заработки в городах или в других районах. В других странах у крестьян обычно не было проблемы с переселением: они могли продать свою землю и идти на поиски лучшей жизни. В России крестьяне были привязаны к своим наделам, должны были платить за них выкупные платежи и могли уйти на заработки только по разрешению общинного «мира». В этих условиях в России в огромных масштабах развивается такое специфическое явление, как отходничество.

Отходничество появилось еще в крепостнические времена, когда помещики перенаселенного Центрального района, не будучи в состоянии обеспечить своих крестьян землей, отпускали их на заработки. По мере нарастания нехватки земли возрастали и масштабы отхода – в пореформенное время они намного превосходили те, что были прежде. По четырем губерниям Черноземья доля отходников во всем сельском населении составляла в 1860-х годах лишь 1,7% (в том числе 0,7% ушли в дальний отход). В 1870-х годах эта доля увеличилась до 5,4% (1,0% дальнего отхода), в 1880-х годах – 6,6% (1,2%), в 1890-х годах – 9,5% (4,6%)²⁸⁹. В целом по России в 1896 году разрешения на отход получили 7 млн. человек (8,5% ко всему сельскому населению). Перепись 1897 года зафиксировала 12 млн. человек из числа родившихся в Европейской России, живущих не на местах своего рождения (12% от всего населения)²⁹⁰.

Как и раньше, отход был наиболее распространен в Центральном районе. В 1896 году во Владимирской губернии ушло в отход 20,4% сельского населения, в Калужской – 20,5%, в Ярославской – 17%, в Московской – 16,6%. Многие отходники годами жили в городах, фактически превращаясь в ремесленников или рабочих. В 1882 году 49% населения Москвы составляли крестьяне, переселившиеся сюда, но числившиеся проживающими в своих деревнях, к 1902 году эта цифра увеличилась до 67%. Такая картина наблюдалась во всей России, если в 1858 г. крестьяне составляли 20% населения городов, то в 1897г. – 43%²⁹¹.

Обычно отходники проживали в городах без семей. В 1897 году 53% всех рабочих Москвы были женаты, но в городе с семьями жили только 4%. Заработка рабочего хватало лишь на то, чтобы снять комнату в подва-

ле или угол в общей комнате, но он не мог содержать в городе семью. По материалам обследования двух уездов Костромской губернии, пятая часть мужчин проживала вне дома по году и более, их жены оставались в деревне, сами вели хозяйство и часто выполняли самые тяжелые работы, что отрицательно сказывалось на их здоровье. Смертность среди отходников и их жен была значительно выше, чем в среднем по уездам²⁹².

Что касается «трудоустройства» отходников центрального района, то данные по Тверской губернии говорят о том, что 35% из них были ремесленниками (плотниками, сапожниками и др.), 24% – строительными рабочими, 8% нанимались на сельскохозяйственные работы. 15% отходников составляли женщины, большинство из них нанималось в прислуги. Фабричных рабочих среди отходников было немного, по Тверской губернии – 8%, по Владимирской – 12%, но, тем не менее, они составляли 79% всех рабочих на фабриках Московской губернии (куда шли в отход из соседних губерний). Это объясняется тем, что число рабочих мест на фабриках было невелико (около 40 тыс.), и крупная промышленность не могла обеспечить работой даже десятую часть излишнего сельского населения²⁹³.

Молодая фабричная промышленность, однако, была особенно заманчивой областью трудоустройства для отходников, потому что в ней были относительно высокие заработки. В 1900 году фабричный рабочий в Московской губернии получал зарплату, составлявшую в пересчете на рожь 250 пудов, в то время как в соседней земледельческой Калужской губернии чистый доход среднего крестьянского хозяйства в 8 душ составлял (без учета промыслов) около 300 пудов. Относительно высокие заработки объяснялись высокими прибылями, получаемыми в текстильной промышленности; в других, нефабричных отраслях, оплата была в 2,5 раза меньше²⁹⁴. К тому же, как отмечалось выше, число мест на фабриках было невелико. «Малоземелье, – говорится в результатах обследования Московской губернии, – вызывает отлив от земледелия более значительный, чем требуемый интересами промышленности...»²⁹⁵ Безработица в городах временами порождала обратный отток населения в деревню, в частности, возвращение отходников к сельским занятиям отмечалось в Московской губернии в конце XIX века²⁹⁶.

Если крестьяне центральных губерний шли на заработки в города, то отходники с Черноземья по преимуществу шли на юг, в Степное Причерноморье, где в это время налаживалось крупное экспортное производство хлеба. Отмеченный выше огромный рост отхода на Черноземье был свидетельством нарастающей перенаселенности региона, особенно его северных губерний. Если судить по числу выданных паспортов, в 1896 году в отход ушло 17,9% населения в Рязанской губернии и 14,4% в Тульской губернии; в южных губерниях количество отходников составляло 5-7%²⁹⁷. Эти цифры, однако, несколько преувеличивают истинные масштабы отхода, так как некоторые крестьяне брали паспорта два раза в год.

Насколько существенна была роль отхода в доходах крестьянского хозяйства? В материалах «Комиссии 1901 года» утверждается, что душевой

доход от отхода и промыслов в 1890-х годах составлял в среднем около 8 рублей, однако выводы Комиссии вызывают резонные сомнения специалистов, поскольку не ясны ни источники получения информации, ни методика расчета²⁹⁸. Как показывают бюджетные обследования, проведенные в 1885-1896 в Калужской и Воронежской областях, отход и местные промыслы в среднем обеспечивали около 20% дохода²⁹⁹.

Распространение отходничества было тесно связано с процессом расслоения крестьянства и формирования сельского пролетариата. В больших семьях в отход обычно шли взрослые сыновья или младшие братья хозяина. При делении семьи младшие члены получали землю, но часто продолжали заниматься отходничеством; они не обрабатывали свою землю и не имели лошадей; свои наделы они сдавали в аренду другим общинникам или нанимали для их обработки соседей (это называлось «управкой»). С другой стороны, бывало, что и хозяева средних лет, не будучи в силах прокормиться земледелием, переходили к отходничеству и продавали своих лошадей. Наконец, было много разорившихся крестьян, которые не уходили в отход, а работали в имениях местных землевладельцев. Таким образом, в деревне формировался слой безлошадных крестьян, сельских рабочих, которые одновременно были и мелкими землевладельцами³⁰⁰.

Во времена крепостничества каждая крестьянская семья должна была иметь, по крайней мере, одну лошадь – потому что в противном случае она не смогла бы отработывать барщину. Если крестьянин по каким-то причинам лишался лошади, то помещик предоставлял ему ссуду для покупки новой, поэтому число безлошадных крестьян было незначительно. После отмены крепостного права положение резко меняется. В Елецком уезде Орловской губернии в 1868-1876 годах было лишь 6% безлошадных крестьян, а в 1888 г. – 23%³⁰¹. На этот же процесс указывают приводимые И.Д. Ковальченко данные по 13 имениям Черноземного и Центрального районов³⁰².

Губерния	Годы	Безлошадные	1 лошадь	2 лошади	3 и более
Орловская	1888	21	25	23	31
	1900	29	28	22	21
	1912	32	27	22	19
Тамбовская	1888	22	24	20	34
	1900	29	28	20	23
	1912	34	31	18	17

Табл. 4.18. Процентное распределение дворов в зависимости от количества лошадей по данным военно-конских переписей³⁰³.

Как показывают данные земских переписей, уже к началу 1880-х годов на Черноземье образовался значительный слой безлошадных крестьян, составлявший более пятой части всех дворов³⁰⁴. Между тем, отходничест-

вом в 1870-х годах занималось лишь 5% населения, поэтому очевидно, что рост числа безлошадных крестьян был связан с разорением крестьянства более чем с отходничеством (которое было попыткой уйти от разорения). Группа безлошадных была более многочисленной в северных губерниях Черноземья; в Ранненбургском и Данковском уездах Рязанской губернии в 1882 году она достигала 36% всех дворов. В этих уездах 25% дворов не только не имели лошадей, но не держали вообще никакого скота, 15% дворов полностью сдавали свой надел в аренду (или не имели земли), 9% не имели домов (то есть на самом деле проживали в других местах). При этом нужно отметить, что это были сельскохозяйственные уезды, и возможности для занятия промыслами там были невелики³⁰⁵.

Слой безлошадных крестьян постепенно возрастал, и к 1912 году составлял примерно треть всех дворов (табл. 4.18). Одновременно увеличивалось количество крестьян, имевших только одну лошадь. Это были бедняки, которые не оставили земледельческое хозяйство, но с трудом перебивались из года в год. «Однолошадные никогда не успевают вспахать свои полосы», – свидетельствуют «Итоги статистического исследования» Курской губернии³⁰⁶. Количество средних крестьян, имевших две лошади, оставалось примерно постоянным и составляло около пятой части дворов, в то время как количество зажиточных крестьян уменьшилось с одной трети до одной пятой.

4.3.8. Рост недоимок

Демографический рост в Центральном и Черноземном районах привел к уменьшению душевого надела и к снижению чистых сборов на душу населения. Показателем бедственного положения крестьян был рост недоимок по выкупным платежам. Недоимки могли накапливаться из года в год, но с другой стороны, старые недоимки выплачивались позже и текущую задолженность можно оценить как процентное отношение недоимок к платежам текущего года. В 1866 году это отношение составляло на Черноземье 30%, в 1871 году – 19%, в 1876 – 31%, в 1881 году – 23%³⁰⁷. В Центральном районе отношение суммы недоимок к сумме выкупных платежей в 1866 году составляло 27%, в 1871 году – 23%, в 1876 году – 23%, в 1881 – 48%³⁰⁸. Недоимки по подушной подати были еще больше, и Н. И. Ананьич отмечала, что ни в одной стране мира недоимки не достигали таких размеров³⁰⁹. Невозможность собрать недоимки заставляла власти идти на их списание; в 1870-х годах крупные суммы задолженности были списаны, в частности, с Рязанской и Пензенской губерний. Понижение недоимок по выкупным платежам в 1881 году в значительной мере было достигнуто за счет их частичного списания, и в целом можно констатировать, что после некоторого улучшения к 1871 году положение с платежами резко ухудшилось. Однако в различных губерниях положение могло сильно различаться. В то время как в Орловской губернии недоимки достигали 50-60% от суммы ежегодных платежей, Тульская губерния почти не имела задолженности³¹⁰.

Пытаясь не допустить недоимок, местные власти часто шли на распродажу имущества крестьян, в том числе лошадей и инвентаря. В 1869 году министр финансов М. Х. Рейтерн писал министру внутренних дел о массовой распродаже крестьянского имущества в ряде губерний, указывая, что тем самым подрывается сама возможность крестьян в дальнейшем платить налоги³¹¹. В конечном счете, непосильные повинности приводили к тому, что у крестьян не было запасов хлеба, и в случае неурожая начинался голод. В 1867 году голод охватил ряд северо-западных и центральных губерний, в 1871-1873 годах он свирепствовал в Смоленской и Самарской губерниях, в 1880 году – в Поволжье. В годы голода уже не было речи о сборе недоимок – властям самим приходилось помогать голодающим. Именно голод побудил правительство в 1872 году создать особую «Комиссию для исследования сельского хозяйства».

«Вопрос о недостаточности крестьянских наделов... поднят был уже в докладе Комиссии для исследования сельского хозяйства в 1872 году, – говорится в одном из правительственных документов. – Сведения, собранные различными земствами, и исследования частных лиц, между которыми заслуживают особого внимания работы статистика Московского земства Орлова и профессора Янсона, показали несомненную связь общего упадка крестьянского хозяйства и вообще обеднения большинства крестьян с недостаточными размерами их наделов и величиною падающих на них платежей»³¹². Упомянутая Комиссия отмечала, в частности, что «причины обеднения многих крестьян... заключаются в малом плодородии почвы, требующем сильного удобрения, в недостатке лугов и вследствие этого невозможности содержать достаточное количество скота, в общинном владении и круговой поруке, в значительном и почти повсеместном разделе семей, дробящем рабочие инвентари и препятствующем отхожим заработкам, в значительном обложении земли...»³¹³.

4.3.9. Изменение крестьянского менталитета как следствие Скупия

Уменьшение доли зажиточных дворов было связано не только с нехваткой земли и общим обеднением деревни, но и с распадом больших семей. До реформы помещики старались сохранять большие трудоспособные семейные коллективы и часто запрещали семейные разделы. В этих запретах, так же как в запретах продажи лошадей и предоставлении ссуд проявлялась стремление помещиков не допустить разорения крепостных. В 1861 году крестьяне получили волю, но вместе с тем были предоставлены самим себе. После освобождения разделы семей должны были производиться только с разрешения «мира», но фактически производились самовольно. В 1861-1882 годах в 46 губерниях Европейской России разделались 2371 тысяча крестьянских семей, причем лишь 13% из них имели соответствующее разрешение. Согласно обследованию, проведенному в Ярославской губернии в 1873-1882 годах, 35% отделившихся семей не получали при разделе никакого имущества или получали очень мало³¹⁴.

Процесс распада сложных семей был связан с развитием отходничества: семья, один из членов которой почти постоянно находился в отходе, утрачивала свое единство. Отходник, нередко приносящий в семью значительные суммы денег, приобретал психологическую и экономическую независимость и часто стремился выделиться из семьи. С другой стороны, отходники приносили в деревню вольные нравы города и с трудом переносили необходимость подчиняться старшим в семье³¹⁵.

В Ренненбургском и Данковском уездах Рязанской губернии в 1858 году средняя семья насчитывала 9,7 человека, и среди них было 2,2 взрослых работника-мужчины. К 1882 году средняя численность семьи уменьшилась до 6,4 человек, а число работников-мужчин – до 1,5 человек. В Коротоякском уезде Воронежской губернии соответствующие цифры для 1858 года составляли 10,3 и 2,1, для 1882 года – 7,3 и 1,7³¹⁶. В результате прогрессирующего распада больших семей за вторую половину XIX века средняя численность семьи на Черноземье уменьшилась с 10,2 до 6,1 человека³¹⁷.

На рубеже XIX-XX вв. совместное проживание родителей с несколькими женатыми сыновьями стало, как правило, кратковременным и длилось не более трех-пяти, реже – 8 лет. Семьи распались, как только появлялась минимальная возможность для организации отдельных хозяйств. Совместное проживание женатых братьев стало редким явлением³¹⁸.

Распад больших семей резко ограничивал возможность взаимопомощи и кооперации внутри семейных коллективов и негативно отражался на благосостоянии крестьян. Труднее всего приходилось малым семьям, так как работать в хозяйстве мог один отец, а мать, обремененная малолетними детьми, могла лишь изредка оказывать ему помощь. Материалы бюджетного обследования крестьян Воронежской губернии, проведенного в 1887-1896 гг., показывают, что душевой доход в малых семьях был в полтора раза меньше, чем в больших (табл. 4.19). Поэтому распад сложных семей рассматривался властями как одна из главных причин ухудшающегося положения деревни. В 1886 году был принят закон, по которому семейные разделы могли происходить только с согласия главы семьи и по постановлению сельского схода, принятого двумя третями голосов. Но закон постоянно нарушался, и разделы продолжались с неослабевающей интенсивностью³¹⁹.

Анализ данных, проведенный И. Гурвичем для Коротоякского уезда Воронежской губернии, показывает, что малые семьи – это были по преимуществу молодые семьи, основанные безлошадными крестьянами-рабочими, батраками и отходниками. Большие семьи – это были земледельческие семьи, возглавляемые стариками, придерживавшимися старых традиций. Главами средних семей были крестьяне среднего возраста, не чуждые «новых веяний»; они могли заниматься наряду с земледелием промысловой деятельностью и посылать своих подросших сыновей в отход³²⁰.

Характерно, что раздел семей рассматривался Комиссией 1872 года как следствие общего падения нравов, связанного с негативным влиянием на

деревню буржуазного города. Это влияние, по мнению Комиссии, приводило к росту индивидуализма, неуважению к родителям, к религии, проявлялось в семейных раздорах, в «щегольстве», в росте пьянства и т. д.³²¹. С точки зрения правительства наиболее существенной переменной в крестьянском сознании было то, что вслед за неуважением к родителям шло неуважение к властям. В одном из политических обзоров по Таганрогскому уезду говорится, что среди крестьян «прежнее подчинение старым и древним обычаям заменяется произволом, неуважением к власти и закону»³²².

Поскольку отходничество было следствием Сжатия, то изменения в менталитете крестьян, в конечном счете, были вызваны переменами в экономической и демографической ситуации. Однако имело место и «влияние буржуазного города» – то есть опосредованное влияние вестернизации. Важно отметить, что оба фактора в данном случае работали в одном направлении – в сторону ослабления коллективизма и усиления индивидуализма, что в итоге означало ослабление устоев традиционного общества.

В сознании крестьян шла постоянная борьба старых и новых идеалов, но, по мнению Б. Н. Миронова, до конца XIX века старые традиции все же оставались преобладающими³²³. Во всяком случае, вплоть до конца столетия крестьянство оставалось в целом законопослушным; индекс уровня преступности не показывал тенденции к росту и, по сравнению с другими странами оставался низким. Однако уровень преступности среди рабочих был в 19 раз выше, чем у крестьян!³²⁴ Рабочие были намного более «эмансипированными» чем, крестьяне, намного более смелыми и активными в отстаивании своих интересов (пусть и незаконными средствами). Между тем, рабочие в своей массе были те же крестьяне-отходники, которые бежали от нужды в город. Советник Лорис-Меликова генерал Е. М. Богданович отмечал, что «число недовольных в России весьма велико, причем они принадлежат преимущественно к населению наемному фабричному, заводскому, отхожему...»³²⁵ По некоторым данным, работавшие на фабриках отходники проявляли даже большую активность, чем собственно пролетарии³²⁶. Естественно, отходники возвращались в свою деревню и привносили в нее дух непокорности властям; таким образом, пробуждение социальной активности крестьянства было лишь вопросом времени.

В конечном счете, психологическая эмансипация крестьянства была одной из сторон процесса Сжатия и разрушения традиционного общества. Малоземелье вынуждало часть крестьян к поискам пропитания вне привычной среды, и наиболее активные из них шли в города; им стоило немало труда устроиться там; они часто бедствовали и вели полукриминальную жизнь бродяг и нищих. В конце концов, они становились рабочими, и иногда неплохо зарабатывали, но они сохраняли ненависть к властям, которые преследовали их как бродяг, и к помещику, который когда-то захватил землю их отцов и обрек их на скитания. Возвращаясь в деревню к родственникам, они неизбежно передавали им заряд активности и ненависти.

Наконец, существовал еще один фактор, способствовавший психологической эмансипации крестьянства. Покорность крестьян была основана на

их забитости и неграмотности, и с распространением грамотности крестьяне становились более активными. В 60-х годах число грамотных среди крестьян составляло 5-6%, к 1897 году оно увеличилось до 17,4%, а к 1913 году процент грамотных среди крестьян двенадцати центральных губерний достиг 25%. Показателем роста грамотности среди молодых мужчин является процент грамотных призывников (подавляющую часть которых составляли крестьяне). В 1874 году доля грамотных призывников составляла 21%, в 1898 году – 45%, в 1913 году – 68%³²⁷.

Многие современники, например, С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев, отмечали, что рост грамотности способствовал росту среди крестьян настроений недовольства своим приниженным положением. На роль образования, как фактора, дестабилизирующего традиционное российское общество, указывают также и некоторые современные исследователи, и в частности, Р. Уэйд³²⁸. Б. Д. Греков и К. Ф. Шацкило отмечают существование довольно тесной корреляции между временными рядами, характеризующими, с одной стороны, рост грамотности (такими, как посещение библиотек крестьянами) и, с другой стороны, процессы дестабилизации (такими, как число поджогов)³²⁹.

Нужно отметить также, что с переходом к всеобщей воинской обязанности большая часть крестьян получала навыки военной службы. Служба в армии, в особенности во время войн, способствовала повышению активности и агрессивности. Отслужив срок, призывники возвращались в деревню – и становились самой активной частью сельского населения. По свидетельству местных властей, именно вернувшиеся с военной службы призывники часто выражали непочтение старшим и становились инициаторами семейных разделов³³⁰.

Таким образом, психологическая эмансипация крестьян была еще одним фактором, грозящим в перспективе нарушить социально-экологическое равновесие. Балансирование на полуголодном уровне потребления не могло продолжаться вечно, рано или поздно должен был наступить кризис.

4.3.10. Взаимодействие демографического и диффузионного факторов

Демографически-структурная теория утверждает, что Сжатие вызывает обеднение элиты, обострение конкуренции за доходные должности, фрагментацию элиты и выступления отдельных элитных групп против правительства. Как мы попытаемся показать далее, эти обстоятельства играли важную роль в кризисе конца 1870-х-начала 1880-х годов. Однако, как не раз бывало и раньше, вместе с демографическим фактором действовали и другие факторы – в том числе фактор диффузии.

Как отмечалось выше, современная историческая наука рассматривает социально-экономическое развитие России в общем контексте процесса мировой модернизации. Одним из основных компонентов модернизации является вестернизация, то есть перенимание европейской техники и промышленности, экономических, социальных и политических порядков пе-

редовых стран Запада. Процесс вестернизации приводит к столкновению с традиционными социально-политическими институтами и носит революционный характер, поэтому Теодор фон Лауэ называл его «революцией извне». В политической сфере «революция извне» осуществляется через бурные политические революции и радикальные реформы, и в этом смысле почти все революции XIX и начала XX века можно назвать политическими «революциями извне».

Одним из проявлений модернизации были изменения в социальной структуре общества, проявившиеся в появлении новых социальных групп и классов. Модернизация породила промышленный пролетариат, буржуазию и интеллигенцию, и хотя можно спорить о том, что эти группы существовали в какой-то форме и раньше, но несомненно, что в процессе модернизации они многократно увеличились количественно и приобрели новое качество. *Ключевым моментом в этом процессе социальных изменений было появление интеллигенции*, той социальной группы, которая была носителем новых знаний – знаний, которые разрушали старое общество.

Понятие «интеллигенция» было предметом длительной дискуссии в российской историографии; изложение основных моментов этой дискуссии можно найти, например, в известной книге М. Е. Гловацкого³³¹. В контексте «теории вестернизации», отмечает Т. фон Лауэ, интеллигенция была «типичным побочным продуктом излияния западноевропейской цивилизации в Россию, это была группа, не имеющая аналогов на Западе, но достаточно обычная среди слаборазвитых стран. Эта группа вынесла главный удар столкновения между Россией и “Европой”. Ее миссия состояла в том, чтобы передать культурные стимулы с Запада, и привязать их, по возможности, к местным условиям. В ее составе можно было найти всех образованных русских независимо от их социального происхождения, потому что образование само по себе подразумевало вестернизацию»³³². Такое понимание очень близко реальному самоощущению интеллигентов начала XX века. Интеллигенция «есть прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух», – писал С. Н. Булгаков в сборнике «Вехи»³³³.

Как отмечает Дж. Фишер, слабость буржуазных средних классов привела к тому, что в России роль главной «прогрессивной силы» играла не буржуазия (как было на Западе), а интеллигенция (как в развивающихся странах). При этом русская интеллигенция была политически независимой и более активной, чем на Западе; она встала во главе народных масс, привлекая их лозунгами политического и социального равенства³³⁴.

Интеллигенция росла вместе с распространением образования, и ее рост находил свое выражение в росте числа учащихся и студентов. За 1860-1880 гг. число учащихся средних школ увеличилось более чем в 4 раза, с 17,8 до 69,2 тыс.; число студентов высших учебных заведений возросло с 4,1 до 14,1 тыс. Появились технические школы и вузы – непосредственное проявление технической революции. В реальных училищах в 1880 г. было 13,2 тыс. учащихся, в технических вузах – 6,1 тыс.³³⁵ В клас-

сических вузах также давалось образование западного образца, и формирующаяся русская интеллигенция изначально воспитывалась в сознании интеллектуального, технического, экономического и социального превосходства Запада. По самому своему происхождению интеллигенция была «западнической», она была пропитана западной культурой, и ее политической программой была либеральная программа переустройства общества по западному образцу – сюда входили, в частности, политические свободы, парламент, свобода предпринимательства и вероисповедания. При этом естественно, что российская интеллигенция в значительной степени формировалась из тех народов империи, которые были более близки западной культуре, чем православные великороссы. В 1886 году среди студентов российских университетов было 15% евреев, квота поляков составляла 20%, и, кроме того, было много немцев и финнов³³⁶.

«Россия находится на уверенном, устойчивом пути прогресса и реформы, – писала в марте 1865 г. газета «Нью-Йорк таймс». – С новыми провинциальными учреждениями и распространением средних школ и газет..., она скоро обучит массу интеллектуальных и организованных граждан, которые будут полностью способны к управлению»³³⁷. Считалось само собой разумеющимся, что «интеллектуальные граждане», получившие западное образование, должны стоять у руля управления обществом, и переделывать его в соответствии с европейскими стандартами. Такое «общественное мнение» выражало не только стремление к модернизации, но и претензии интеллигенции на обладание властью. *Для интеллигенции борьба за модернизацию была вместе с тем борьбой за свои групповые интересы*³³⁸. Однако реальность была такова, что власти не прислушивались к интеллигенции. Овладев западными знаниями, интеллигенты чувствовали свое превосходство над окружающими, что вступало в противоречие с их реальным, не слишком высоким положением, и с отсутствием возможности влиять на власть. «Навсегда подвешенная между “идеалом”, взятым из западноевропейской философии... – писал фон Лауэ, – и “реальностью”, которая обозначила убогую Россию, российская интеллигенция (подобно ее коллегам в других странах) была глубоко трагической группой»³³⁹. Почти в тех же словах описывает положение интеллигенции С. Блэк: «Как обычно бывает с интеллектуалами в обществах, запоздавших с модернизацией, они разрывались между европейскими стандартами, принятыми ими за образец, и реальностью, которую они видели вокруг себя»³⁴⁰.

Это противоречие побуждало интеллигенцию к активным попыткам переделать действительность, искать союзников, пропагандировать свои взгляды через прессу и возбуждать другие недовольные социальные группы, чтобы, воспользовавшись их помощью, добиться своей цели. Интеллигенция выступала в роли проводника идей модернизации и инициатора борьбы за модернизацию – и хотя она была еще малочисленна, за ней стояло мощное диффузионное воздействие западной культуры, ей придавали силы технические и военные достижения Запада. Роль интеллигенции

– это была роль одного из каналов, через который проявлял свое действие могущественный фактор диффузии.

В соответствии с теорией «революции извне» или «революции вестернизации» модернизация (или вестернизация) была основным содержанием происходивших в России и во всем мире революционных процессов. В контексте этой теории интеллигенция была носителем революционных идей и «революционным классом». «Русское революционное движение, а потом и сама революция развивалась по своему пути главным образом благодаря энергии и стремлениям интеллигенции... – писал М. Малиа. – Русское революционное движение в своих различных фазах не было ни буржуазным, ни пролетарским, а было по сути дела, интеллигентской революцией»³⁴¹.

Основным способом распространения «западнических» идей были публикации в прессе. Журналисты и литераторы симпатизировали этим идеям уже в силу своего образования, которое подразумевало знакомство с европейской культурой. Большинство российских газет пореформенного периода придерживалось либеральной ориентации – постольку, поскольку это позволяли цензурные условия³⁴². «Пресса стала неоспоримой силой, – писал в 1862 году министр внутренних дел П. А. Валуев. – Это факт не исключительный, а общий, который вытекает из универсальных форм цивилизации. Наша пресса вся целиком в оппозиции правительству»³⁴³.

Пропаганда содействовала привлечению союзников, и первым союзником интеллигенции стала та часть дворянской аристократии, которая после реформы 1861 года перешла в оппозицию и взяла на вооружение лозунги английского аристократического либерализма (см. выше, п. 4.2.3). Другим, более радикально настроенным союзником, стало разоряющееся мелкое дворянство.

Формирование интеллигенции протекало в условиях кризиса, который охватил русское дворянство после реформы 1861 года. Падение доходов дворянства означало для этого сословия сокращение экологической ниши и, в соответствии с демографически-структурной теорией, было равносильно Сжатию внутри дворянского сословия.

Реакцией дворянства на это Сжатие (помимо растущего недовольства) был поиск новых источников доходов. Многие оставшиеся без средств существования мелкие дворяне пытались поправить свои дела, устроившись на государственную службу. Если прежде потомственные дворяне пренебрегали должностями низших чиновников, то теперь (в соответствии с предсказанием демографически-структурной теории) началась конкуренция за эти должности. Среднее образование давало значительные преимущества при поступлении на службу; лица, закончившие университет, могли сразу же претендовать на места до X класса. Дворянская молодежь – не только русская, но в значительной степени польская мелкая шляхта – устремилась в гимназии, училища и университеты³⁴⁴. Около половины учащихся, как в средних школах, так и в вузах, составляли дети дворян и чиновников. В основном это были выходцы из низших слоев дворянства: для

детей аристократии существовали особые привилегированные училища (Пажецкий корпус, Александровский лицей и др.). Профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов в 70-х годах отмечал «всеобщую бедность студентов»³⁴⁵. Терпя нужду, студенты в процессе обучения знакомились с западными общественными идеями, что не могло не вызвать критическое отношение к существующим порядкам³⁴⁶.

Таким образом, разорившееся мелкое дворянство становилось одним из главных источников формирования интеллигенции. Но наплыв разоренных дворян привел к «переизбытку кадров». В то время как численность учащихся возросла в 4 раза, число чиновничьих мест (включая неклассные) увеличилось в 1857-1880 годах лишь на 8%, с 119 до 129 тыс. Если даже добавить к этому 52 тыс. мест в земствах³⁴⁷, то очевидно, что канцелярии были неспособны вместить резко возросший поток претендентов. Студентам 70-х годов, указывал Ю. Бергман, нередко приходилось страдать от безработицы. При слабости промышленного развития ни канцелярии, ни земства не могли обеспечить занятость многим выпускникам из мелких дворян, чьи семьи испытывали трудности в связи с отменой крепостного права, поэтому революционная деятельность становилась для них все более привлекательной³⁴⁸.

Необходимо отметить, что правительство понимало опасность складывающейся ситуации. «Лица, вышедшие из школы... должны найти место в обществе, – признавал П. А. Валуев в докладной записке 1866 года. – У нас, где почти каждый смотрит на государственную службу как последствие и цель образования, это условие неисполнимо. Таким образом, возрастает... тот интеллигентный пролетариат, который всегда готов действовать против всякого правительства»³⁴⁹.

Таким образом, как и предсказывает теория, в обстановке Сжатия и кризиса элиты, в России сложилась обстановка жесткой конкуренции за доходные должности, которая фрагментировала элиту и отбрасывала тех, кто не смог получить должность, в ряды оппозиции.

Дворянские амбиции студентов усиливались сознанием превосходства, полученного от приобщения к западной культуре; в сочетании с молодостью и бедностью это способствовало росту радикализма и появлению отрицавших традиционные порядки «нигилистов». В 60-е годы, отмечает М. Конфино, сложился определенный стереотип «нигилиста», включавший в себя индивидуализм, требование женской эмансипации, отрицание религии и многих традиционных условностей³⁵⁰. «Нигилисты» происходили преимущественно из дворянских семей, среди политических преступников 60-х годов около 70% составляли дети дворян и чиновников, 61% составляли учащиеся, студенты и недавние выпускники³⁵¹.

«Нигилисты» не просто заимствовали европейскую идеологию, то брали свои идеи из ее радикальных течений, таких как социализм, марксизм, бланкизм. Р. Пайпс отмечал, что философские основы нигилизма «были созданы из материалов, взятых прямо с Запада, особенно из французской социалистической и позитивистской литературы и немецкого материализ-

ма»³⁵². Это заимствование облегчалось сотрудничеством некоторых русских революционных кружков с марксистами в рамках I Интернационала. Программа славянской секции Интернационала была образцом радикализма, в ней говорилось, что только «уничтожение государства, права собственности и юридической семьи сделает возможным организацию народной жизни снизу вверх на основе коллективного труда»³⁵³.

Таким образом, кризис элиты привел к тому, что наряду с основным, либеральным течением «западнической» оппозиции, появились радикальные «западнические» группы. Кризис элиты был вызван несоответствием численности растущей элиты ее сократившимся после реформы доходам; как отмечалось выше, кризисы такого рода могут получить объяснение в рамках демографически-структурной теории. Однако главную роль в последовавших затем драматических событиях сыграл диффузионный фактор, выразившийся в перенимании русской интеллигенцией идеологических установок западного радикализма.

4.3.11. Политический кризис рубежа 1870-1880-х годов

Как предсказывает демографически-структурная теория, в обстановке Сжатия оппозиционные фракции элиты, как правило, обращаются за поддержкой к недовольным народным массам и провоцируют народные выступления.

Действительно, «нигилисты» были малочисленны, и, сознавая свою слабость, они искали союзников в массах. Эти поиски союзников привели к тому, что «нигилизм» принял «народнический» оттенок; среди лозунгов новой оппозиции появились требования перехода всей земли в руки крестьян и свободы крестьянского самоуправления³⁵⁴. В 1874 году около 2 тысяч членов студенческих и интеллигентских кружков «пошли в народ» с тем, чтобы путем агитации, в конечном счете, поднять крестьян на восстание. Таким образом, народники пытались инициировать действие демографического фактора, выражавшегося в росте крестьянского малоземелья и приводившего к напряженности в деревнях. Однако «народники» не нашли поддержки у народа. В культурном отношении «народники» оказались чуждыми крестьянам, которые не понимали их наполненного иностранными словами городского языка и не верили им. Приверженность интеллигенции западной культуре препятствовала соединению ее с народом. «Народ, – писал Н. Г. Чернышевский, – не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье»³⁵⁵.

Кроме того, отмена крепостного права резко повысила авторитет самодержавия в глазах народа и укрепила распространенный в среде крестьян миф о справедливом царе. Даже в тех случаях, когда крестьяне поднимали восстания, они восставали не против царя, а против местных властей, скрывших «истинную волю» царя (как это было в Бездне в 1861 году). В этих условиях «народники» иногда (как было в Чигирине в 1877 году) прибегали к обману, распространяя «царские манифесты», призывавшие к восстанию против помещиков³⁵⁶. Это был метод провоцирования конфлик-

тов внутри традиционного общества, применявшийся интеллигенцией, в частности в европейских революциях 1848 годов (см. ниже п. 5.1.2). Однако все попытки поднять крестьян на большое восстание закончились неудачей.

Когда «народники» увидели, что они не встречают поддержки среди крестьян, революционеры пошли по пути перенимания еще более удаляющих их от народа западных методов борьбы. «Народная воля» приняла на вооружение идеологию бланкизма и методы террора³⁵⁷.

Во время «хождения в народ» «нигилисты» сумели вовлечь в свои организации некоторое количество крестьян, но и в этот период *большинство революционеров составляли представители элиты*. Из числа 1665 революционеров, арестованных полицией в 1873-1879 годах, дворян было 28,2%, духовных лиц – 16,6%, военных – 13,4%; дети крестьян и мещан составляли по 13,5%. 87% «народников» 70-х годов были моложе 30 лет. Руководящее звено организации «Народная Воля» (154 человека) на 38% происходило из дворян, на 10% – из духовенства, на 7% – из купеческого сословия. Две трети этих профессиональных революционеров учились в вузах, но половина из учившихся была исключена по причине нехватки средств или противозаконной деятельности. Так же как среди всех студентов и интеллигентов, среди революционеров было много поляков и евреев (имевших, кроме того, и свои счеты с властями)³⁵⁸.

Убедившись в бесплодности своих агитационных попыток, радикалы перешли к террористическим методам. Террор произвел впечатление на власть. Уже первая волна террористических актов в феврале 1879 года побудила правительство искать поддержки общества. Прежде всего, необходимо было нейтрализовать влияние «народников» на крестьянство. В марте было обнародовано «высочайшее повеление» Александра II, в котором говорилось о будущей отмене подушной подати. Председатель Особого совещания П. А. Валуев, оценивая ситуацию, отмечал, что народные массы «готовы по первому призыву оказать содействие правительству против его врагов», в то время как «образованная часть населения» сохраняет нейтралитет³⁵⁹.

После покушения 2 апреля 1879 года Александр II, принимая депутатов дворянства, выразил надежду, что теперь дворянство будет помогать ему, а не критиковать, как прежде³⁶⁰. Однако дворянство, с 1861 года находившееся в оппозиции монархии, выжидало, а либералы стремились использовать ситуацию для давления на правительство с целью введения конституции. Либеральная программа предполагала присоединение выборных от дворянства и земства к Государственному совету; в области аграрных отношений либералы предлагали уничтожить круговую поруку, разрушить общину и разрешить крестьянам продавать надельную землю³⁶¹.

Когда 5 апреля 1880 года прогремел взрыв в Зимнем дворце, император вручил чрезвычайные полномочия графу М. Т. Лорис-Меликову, который предложил удовлетворить требования либеральной оппозиции созданием совещательного органа при Госсовете, так называемой «Общей комиссии».

Советники Лорис-Меликова считали крестьянство в целом лояльным правительству. Генерал Р. А. Фадеев писал, что «подростки, составляющие реальную силу революционной партии, просто обмануть», что крестьяне «вполне благонадежны и ропщут лишь вследствие несовершенства налоговой системы, тяжело отражающейся на состоянии населения»³⁶². Лорис-Меликов принял меры, чтобы поддержать крестьянскую благонадежность. В августе 1880 года была организована серия сенаторских ревизий с целью выяснения положения в провинции. Под впечатлением отчетов о ревизиях было принято решение о разработке мер, направленных на снижение выкупных платежей. Когда поступили сведения о неурожае в ряде губерний, правительство поспешило организовать выдачу ссуд голодающим крестьянам, был отменен соляной акциз, а также приняты меры для снижения цены на хлеб в столицах³⁶³.

Таким образом, правительству удалось в определенной мере нейтрализовать действие демографического фактора и предупредить возможные крестьянские выступления. Либеральная оппозиция была нейтрализована обещанными уступками, поэтому, когда 1 марта 1881 года «народовольцы» убили императора Александра II, в столице и в провинции не последовало никаких волнений. Наоборот, убийство царя вызвало направленную против «западнической» оппозиции реакцию традиционалистских сил.

4.4. Демографически-структурная динамика в 1880-1890-е годы

4.4.1. Традиционалистская реакция

Убийство Александра II произвело огромное впечатление на русское общество и вызвало резкую перемену общественных настроений. Террористы рассматривались как орудия западного влияния; в южных губерниях произошли еврейские погромы. В народе распространился слух, что царь был убит дворянами, недовольными отменой крепостного права, и Лорис-Меликов в циркулярном письме предупреждал губернаторов о возможности крестьянских выступлений против помещиков³⁶⁴. Новый министр внутренних дел славянофил граф Н. П. Игнатьев говорил, что «почву для тайной организации нигилистов составляли поляки и евреи»³⁶⁵. «Надо прежде всего препятствовать подпадению народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией», – говорил К. П. Победоносцев³⁶⁶.

Таким образом, убийство Александра II вызвало традиционалистскую реакцию, направленную против западного влияния, против «западников» и «инородцев». Либеральные министры убитого царя были вынуждены уйти в отставку; с поста председателя Госсовета был удален самый знаменитый «западник» предшествующего царствования – великий князь Константин Николаевич. К власти пришли деятели славянофильского направления: К.П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев; глашатаями новой политики стали редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков и редактор «Гражданина» князь В. П. Мещерский. Принятая новым правительством доктрина

«народного самодержавия» провозглашала отвержение западных идейных влияний и возврат к традиционным русским ценностям. Эта доктрина в известной степени повторяла лозунг «самодержавие, православие, народность» времен Николая I и подразумевала религиозное освящение власти государя, опору на дворянство, как связующее звено между царем и народом, возвращение к патриархальным государственным отношениям времен Московской Руси и идеологию попечительства над крестьянством, призванную обеспечить народную любовь³⁶⁷.

Проводилась политика «русификации» и стеснения «иностранцев»; среди высших сановников уменьшилось количество лютеран-немцев (в 1853 году лютеране составляли 16% членов Государственного Совета, а в 1903 году – только 2%)³⁶⁸. Чтобы ослабить влияние петербургской буржуазии на чиновников, для чинов высших классов было запрещено участие в правлении акционерных обществ.

Авторы доктрины «народного самодержавия», в согласии с основной идеей славянофилов, считали, что Россия – не Европа и должна идти своим путем, отличным от капиталистического пути Запада. Они надеялись, что защищенная от проникновения буржуазных отношений община будет по-прежнему выступать в качестве основы российской социальной традиции. «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй... – утверждал в 1897 г. министр внутренних дел Плеве – ... имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и борьбы со словий»³⁶⁹.

4.4.2. Политика по отношению к крестьянству

В соответствии с неомальтузианской теорией, в период Сжатия обедневшее население оказывается не в состоянии платить налоги, и государство вынуждено уменьшать свои предъявляемые к народу требования.

Как отмечалось выше, под влиянием отчетов о сенаторских ревизиях М. Т. Лорис-Меликов пришел к выводу о необходимости снижения выкупных платежей. В подготовленном Министерством финансов записке «О финансовом положении России» в качестве главной причины недоимок указывался *рост населения*. «Когда население возросло, – говорилось в записке, – отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным, исправное поступление налогов и платежей прекратилось, и правительство само оказалось вынужденным позаботиться о прокормлении нуждающегося населения»³⁷⁰.

После убийства Александра II (1 марта 1881 года) намеченная реформа стала тем более необходимой³⁷¹. По закону, принятому 28 декабря 1881 года, выкупные платежи были уменьшены на 1 рубль с каждого душевого надела. В Центральном районе средняя плата с десятины уменьшилась с 1 руб. 79 коп до 1 руб. 27 коп. (на 30%). В Черноземном районе плата с деся-

тины уменьшилась с 2 руб. 29 коп. до 1 руб. 80 коп. или, в переводе на хлеб, с 4,2 до 3,3 пуда с десятины и примерно столько же с человека (на Черноземье душевой надел составлял около 1 десятины). Одновременно более чем наполовину были сложены недоимки, и все крестьяне, еще оставшиеся «временнообязанными», были переведены на выкуп с понижением платежа на 20%³⁷².

После снижения выкупных платежей на очередь встал вопрос об обещанной Александром II отмене подушной подати; она была отменена в 1886 году. На Черноземье подушная подать в переводе на хлеб составляла 2,5-3 пуда на душу, и вместе с уменьшением выкупных платежей общее сокращение налогов бывших помещичьих крестьян составило 42-47%. Стремясь компенсировать потери бюджета, правительство перевело государственных крестьян на выкуп. Выкупная операция была рассчитана на 44 года, в течение которых крестьяне должны были платить за ссуду в среднем 82 коп. с десятины вместо прежних 56 коп. оброчной подати. Однако и при этом повышении платежи государственных крестьян в расчете на десятину были в 1,6 раза меньше, чем платежи бывших помещичьих крестьян³⁷³.

Под давлением Сжатию правительство стремилось переложить часть тягот с плеч переобремененного крестьянства на другие сословия. Для компенсации потерь от отмены подушной подати был увеличен поземельный налог (который собирался и с дворян), увеличен имущественный налог с горожан, введены налоги на прибыль акционерных компаний и банковских вкладчиков³⁷⁴. Однако, по сравнению с другими странами, участие зажиточных слоев населения в налоговых тяготах было незначительным. Поземельный налог давал в России лишь 1,5% доходов бюджета, в то время как во Франции – 9,1%. Налог на городскую недвижимость в России давал 0,77% доходов, а налог на денежный капитал – 1,4%. В других странах эти подати входили в состав подоходного налога, который давал в Пруссии 16,4%, а в Англии – 18% доходов³⁷⁵. Высшие классы российского общества по-прежнему пользовались привилегиями, унаследованными от эпохи крепостного права и несовместимыми с понятием о цивилизованном обществе. Нежелание высших классов нести налоговые тяготы было одним из факторов, обуславливавших финансовую слабость России.

Чтобы до какой-то степени ослабить земельную нужду, правительство решило организовать покупку дворянских земель крестьянами через специально созданный Крестьянский банк. Условия этой покупки были тяжелее условий выкупа земель по реформе 1861 года: крестьяне вносили 25% наличными, а за оставшуюся сумму уплачивали банку 6,5% в течение 55 лет. В принципе, купив землю на таких условиях, крестьяне еще долго платили за нее деньги, немногим уступавшие арендной плате, и эту землю можно лишь условно считать крестьянской. Как бы то ни было, за 1877-1900 годы крестьяне приобрели десятую часть частных земель Черноземья. К 1900 году частные земли крестьян увеличились с 3 до 7% всех удобных земель, и вместе с надельными землями крестьяне владели 67% удобных

земель. Купцы и мешане, которые тоже скупали земли разорявшихся дворян, увеличили свою долю с 4% до 9%, а доля дворянского землевладения уменьшилась с 32 до 24%³⁷⁶.

В соответствии с неомальтузианской теорией для периода Сжатия характерны реформы, направленные на облегчение положения народа. Мы упоминали выше о значительном снижении налогов в 1880-х годах. Другим проявлением этой тенденции была политика попечительства по отношению к крестьянству. Как отмечал позднее министр внутренних дел В. К. Плеве, политика попечительства началась во времена графа П. Д. Киселева, и нашла свое яркое проявление в реформе 1861 года³⁷⁷ – но элементы этой политики можно обнаружить еще во времена Петра I и Павла I: в общем смысле, она была частью теории «регулярного государства». В 1880-х годах главным проводником политики попечительства был первый советник царя К. П. Победоносцев; идеи попечительства разделялись многими политиками и общественными деятелями того времени, в том числе и либералами³⁷⁸.

Основным принципом политики попечительства была поддержка крестьянской общины как гарантии от появления нищего, голодного и склонного к бунту пролетариата. «Одна общинная связь может охранить крестьянское население от обезземеливания», – писал К. П. Победоносцев³⁷⁹; один из идеологов реформы 1861 года К. Д. Кавелин называл общину «страховым учреждением от безземельности и бездомности»³⁸⁰. Эта мысль многократно повторялась в правительственных документах. «При сравнительно низком уровне крестьянского хозяйства, – говорится в проекте Редакционной комиссии о пересмотре законоположений о крестьянах (1903 г.), – опека общины, оберегая слабых и подгоняя нерадивых, должна быть признана благотворительной»³⁸¹.

В ряду законов и указов, реализовавших основной принцип политики попечительства, следует назвать указ 1883 года, запрещающий продажу крестьянских изб и построек, закон 1886 года об ограничении семейных разделов, указ 1887 года, запрещающий сдачу надельной земли в аренду без согласия общины. В целях укрепления общины были приняты законы 1893 года о запрещении продажи досрочно выкупленных наделов за пределы общины, об ограничении их залога, о контроле общины за арендой наделов и об упорядочении переделов земли³⁸². В свете политики попечительства следует рассматривать также и введение института земских начальников, но эта реформа оказалась неудачной³⁸³.

Важным принципом политики попечительства была опора на общину как основу политической стабильности. Как отмечалось ранее, в период кризиса конца 1870-х – начала 1880-х годов крестьянство продемонстрировало свою полную лояльность правительству. Изучение динамики крестьянских волнений (см. рис. 4.4 и 4.13.) свидетельствует, что число волнений было меньше, чем в 1840-х и 1850-х годах, и не показывало уверенной динамики к росту. Так же как и в первой половине XIX века, вступление нового императора на престол порождало всплеск волнений, связан-

ных с надеждами на наделение крестьян землей (а в предыдущий период – с надеждами на освобождение). Очевидно, после реформы 1861 года крестьяне продолжали надеяться на царя, как на своего защитника и предостоятеля.

С. Ю. Витте в 1893 году называл крестьянскую общину «главной опорой порядка»; в подтверждение своих мыслей он цитировал Бисмарка, который говорил, что «вся сила России – в общинном землевладении»³⁸⁴. В упомянутом выше проекте Редакционной комиссии говорится, что «крестьяне более чем представители какой-либо другой части населения всегда стояли и стоят на стороне созидающих и положительных основ общественной и государственности и... являются оплотом исторической преемственности в народной жизни против всяких разлагающих сил...»³⁸⁵.

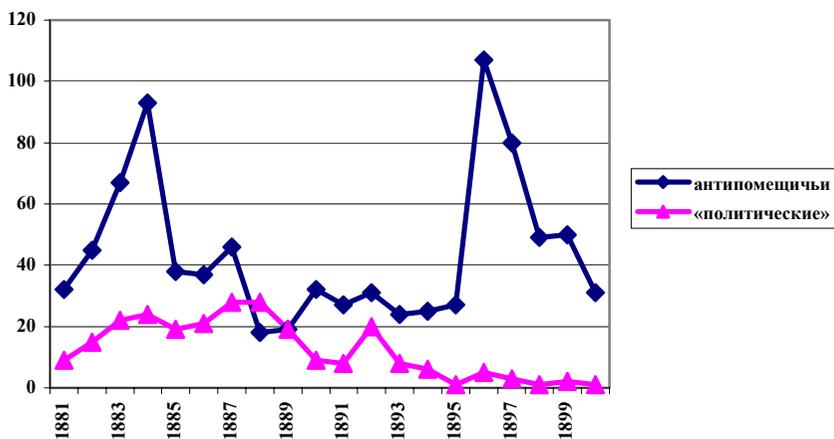

Рис. 4.13. Динамика крестьянских волнений в 1881-1900 гг.³⁸⁶

Еще одним направлением политики попечительства было создание церковно-приходских школ, предназначенных как для обучения грамоте, так и для нравственного воспитания народа в православном и верноподданническом духе. Победоносцев неоднократно заявлял, что он считал дело распространения школ самым важным, «так как оно делалось для народа». Народный учитель в его представлении должен был быть главным проводником в народные массы исконно русских национальных традиций и идеалов православной любви к ближнему. В 1880 году в России насчитывалось только 273 церковно-приходские школы с 13 тысячами учащихся, а в 1902 году их число достигло 31855; школы посещало 1783 тыс. учащихся³⁸⁷. В деле начальной грамотности был достигнут огромный прогресс, но, как отмечал Витте, развитие образования должно было усилить стремление народа к справедливости и способствовать росту влияния социалистов.

Поскольку разложение общины, рост малоземелья и изменение крестьянского менталитета были следствиями Сжатия, то политика попечительства, в конечном счете, имела целью приостановить Сжатие (или, по крайней мере, нейтрализовать его последствия). Естественно, такая политика была обречена на неудачу.

4.4.3. Динамика элиты. Положение дворянства

Политический кризис рубежа 70-х-80-х годов вынудил монархию к уступкам не только народу, но и дворянству. Главной чертой традиционалистской политики стала опора на дворянство. Формально это выглядело как примирение элитистской монархии с элитой после разрыва, произошедшего в 1861 году. В октябре 1882 года министром внутренних дел был назначен представитель консервативных дворянских кругов Д. А. Толстой. Протестуя против проводимой Н. Х. Бунге политики уступок крестьянству, новый министр заявил Александру III, что не признает «крестьянской России». «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали», – говорил Толстой, имея в виду руки тысяч дворян³⁸⁸. Главная идея консервативной партии заключалась в том, что сохранение самодержавия невозможно без сохранения дворянства, что дворянство (а не крестьянство) является главной опорой самодержавия³⁸⁹.

По мысли консервативных идеологов, дворянство должно было играть роль «100 тысяч полицейских», осуществляющих надзор и опеку над другими сословиями, прежде всего над крестьянством. Александр III принял эту программу консерваторов и во время коронации обратился к собравшим со всей России волостным старшинам с наказом слушаться своих предводителей дворянства³⁹⁰.

Произошедшие перемены отражали некоторое изменение расстановки сил в структуре «государство-элита-народ», повышение роли дворянства в ущерб государству и народу. Эти перемены отразились и на распределении ресурсов в рамках структуры. В финансовой области государство было вынуждено вернуть дворянству некоторые его привилегии, прежде всего льготный кредит. Во исполнение этой программы в 1885 году был создан Дворянский банк, предоставлявший дворянам льготные кредиты под 5% годовых на срок до 48 лет. В 1889 году процент был снижен до 4,5%; для сравнения ставка кредитования Крестьянского банка была больше на 2,25%, а акционерных банков – на 2,5- 3,5%. В 1886-1888 годах помещики получили 173 млн. руб. кредитов, что в 7 раз превышало выданные в те же годы кредиты Крестьянского банка.³⁹¹

Широкомасштабное субсидирование дворянского класса было вызвано не только политическими причинами, но и попыткой противостоять разразившемуся в этот период аграрному кризису. Резкое увеличение хлебного экспорта из России, США и некоторых других стран в 70-е годы вызвало падение цен на мировых рынках. Это привело к падению цен также и в России; на Черноземье средняя цена ржи уменьшилась с 72 коп. коп в 1881-1885 гг. до 45 коп. в 1886-1890 гг. Арендаторы помещичьих земель

стали разрывать арендные договоры, арендная плата в Орловской губернии уменьшилась в 1886-1889 гг. на 20%. Для многих помещиков наступили трудные времена. В 1888 году пензенские дворяне отказались от уплаты государственных и частных долгов, прося отсрочки. В 1889 году недоимка Дворянского банка по процентам составила 5,2% к сумме долга, то есть превысила годовую сумму процентов³⁹².

В результате продаж общая площадь дворянских земель сократилась с 77,8 млн. дес. в 1861 г. до 73,1 млн. дес. в 1877 г., 57,7 млн. дес. в 1892 г. и 53,2 млн. дес. в 1905 г. Доля дворянских земель в частном землевладении уменьшилась в 1877-1905 гг. с 80% до 62% в 1905 г.; на Черноземье помещики потеряли за эти годы 29% своих земель³⁹³.

В то время как дворянское землевладение сокращалось, численность дворянства постоянно росла. В 41 губернии Европейской России (без 9 западных губерний с польским дворянством) в 1858 г. насчитывалось 234 тыс. потомственных дворян, в 1870 г. – 305 тыс., в 1897 г. – 478 тыс. В 6 губерниях Черноземья (без Пензенской губ.) в 1858 г. было 45,1 тыс. дворян, в 1870 г. – 45,8 тыс., в 1897 г. – 60,9 тыс.³⁹⁴. Если в 1870 г. на одного дворянина на Черноземье приходилось 176 дес. земли, то в 1897 г. – 104 дес., на 40% меньше³⁹⁵. Если принять численность дворянской семьи в 4-5 человек, то средний размер поместья на Черноземье составлял 400-500 десятин. Эта цифра близка к средней по России.

Группы владений по размеру	1877			1895			1905		
	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер (дес.)	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер владения (дес.)	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер (дес.)
До 100 дес.	56,4	1916	34	60,4	1851	28	59,7	1601	30
%	50,2	2,8		57,8	3,2		58,9	3,4	
100-500 дес.	33,4	8316	249	29,2	7208	247	25,6	6397	250
%	29,6	12,1		25,4	13,4		25,3	13,3	
500-1000 дес.	10,6	7520	707	9,6	6650	694	8,0	5634	703
%	9,4	10,9		8,4	12,4		7,9	11,8	
1000-5000 дес.	10,4	21121	2031	8,3	16435	1972	6,9	13600	1976
%	9,2	30,7		7,3	30,5		6,8	28,3	
более 5000 дес.	1,8	29890	1643	1,2	21799	17594	1,1	20699	1830
%	1,6	43,5	7	1,1	40,5		1,1	43,2	1
Всего по 44 губерниям	112,6	68774	613	114,8	53944	470	101,3	47902	473
%	100	100		100	100		100	100	

Табл. 4.19. Структура и динамика дворянского землевладения по 44 губерниям России³⁹⁶.

Более половины всех поместий 44 губерний Европейской России составляли мелкие и мельчайшие поместья размером до 100 десятин. За 1877-1905 гг. численность мелкого дворянства заметно возросла, и его удельный вес в общей численности дворян увеличился с 50 до 59%. Имея

поместья в среднем около 30 десятин, эти дворяне по уровню доходов многим отличались от зажиточных крестьян. Как отмечала Особая комиссия 1892 года, такие владения «едва ли могут служить достаточным обеспечением развитых в этом сословии потребностей»³⁹⁷. Мелкопоместное дворянство было особенно распространено в западных и левобережных украинских губерниях, где проживали потомки польской шляхты и казацкой старшины. Много мелких дворян было также и на Черноземье, в районах, где в XVII веке проходили «засечные черты». Особое совещание по делам дворянского сословия отмечало бедственное положение мелкого дворянства черноземных губерний, которое не получает никакой помощи ни от земств, ни от дворянских обществ³⁹⁸. Таким образом, не удивительно, что значительная часть «нигилистов» происходила из мелкопоместных дворян.

На другом полюсе сосредотачивалось крупнейшее дворянство – так называемые «латифундисты» или «лендлорды». 102 семьи, принадлежавшие по большей части к старинным родам, в 1905 году владели 30% всей дворянской земли. Разница в положении этих семей и остального дворянства была столь велика, что на страницах дворянской прессы слово «лендлорд» приобрело бранное значение; «лендлордов» изображали как непримиримых противников среднепоместного дворянства и вообще дворянского дела³⁹⁹.

Что касается средних поместий (от 100 до 1000 дес.), то их численность в 1877-1905 годах уменьшилась почти на четверть, с 44 тыс. до 34 тыс. «Вымирающее» среднее дворянство было источником постоянных жалоб, с которыми обращались к правительству предводители дворянства. В 1896 году 27 губернских предводителей дворянства, прибывшие на коронацию Николая II, подали царю «Записку», в которой вновь жаловались на всеобщее оскудение поместного дворянства, писали «о переходе из затруднительного положения в нестерпимое» и о появлении «на близком уже расстоянии разорения среднего и крупного землевладения»⁴⁰⁰. В ответ правительство снизило процентную ставку для должников Дворянского банка до 4% в 1894 году и до 3,5% в 1897 году. Было учреждено Особое совещание по делам дворянства, но его работа не привела к существенным результатам⁴⁰¹.

Таким образом, в соответствии с теорией, Сжатие и увеличение численности дворянства привели к затяжному кризису элиты. В соответствии с теорией, элита требовала поддержки у государства, но это поддержка не могла существенно изменить ее положения.

Иногда высказывается мнение, что главной причиной разорения дворянства был его экономический консерватизм – нежелание тратить деньги на улучшение хозяйства. Как показывают материалы исследований, помещичьи хозяйства не обладали существенными преимуществами перед крестьянскими хозяйствами в части внедрения усовершенствованных орудий труда⁴⁰². Это объясняется тем, что в условиях аграрного перенаселения главным фактором, влияющим на прибыль помещичьих хозяйств, было не внедрение передовой агротехники, а дешевизна рабочей силы. Поденная плата батраков в Южном Степном районе была в полтора раза больше, чем на

Черноземье, и это было главной причиной того, что и себестоимость пуда ржи была в полтора раза больше⁴⁰³.

Более того, прибыль на десятину земли при «экономической» обработке полей батраками была существенно меньше, чем при сдаче их в аренду, и этот разрыв увеличивался с ростом перенаселения. По этой причине в начале XX века у крупных помещиков лишь 43% пашни входило в состав экономии, остальная пашня сдавалась в аренду. Но и в экономиях 44% пашни обрабатывалось в счет отработок инвентарем крестьян⁴⁰⁴. «Аграрное перенаселение вызывало... разложение крупного хозяйства и окончательное превращение прежнего дворянина-хозяина в эксплуататора крестьянской нужды», – писал Б. Бруцкус⁴⁰⁵.

Аграрное перенаселение делало помещичьи хозяйства Черноземья весьма прибыльными и без использования техники; отношение арендной платы к цене земли в начале XX века составляло в этом регионе 10,3%, то есть землевладелец получал с капитала (с учетом трехполья) 6,7% прибыли – значительно больше, чем в среднем по Европейской России. Для сравнения отметим, что средний дивиденд в промышленности составлял в 1901-1905 годах 5,9%, то есть владеть землей на Черноземье было выгоднее, чем вкладывать деньги в промышленные предприятия⁴⁰⁶.

Таким образом, русских помещиков трудно упрекать в отсутствии деловой хватки – экстенсивный характер помещичьих экономий определялся условиями Сжатия.

4.4.4. Динамика государства: финансовый кризис и новый этатизм

Как отмечалось выше, неомальтузианская теория утверждает, что для периода Сжатия характерны финансовый кризис государства и тенденции к этатизму.

В российской и в западной историографии широко распространено мнение о том, что, в 80-90-х годах, несмотря на сильное дворянское влияние, этатистская группировка в правительстве все же преобладала и что российская монархия, в целом, сохраняла свое положение «внеиноклассами»⁴⁰⁷.

Помимо старой этатистской традиции, столь ярко проявившей себя в освобождении крестьян, на политику государства влиял и диффузионный фактор. 80-е годы XIX века были временем смены тенденции в мировой экономической политике, когда после финансового кризиса середины 70-х либеральная экономическая доктрина стала уступать место тенденциям государственного регулирования и государственного капитализма. В Германии развитие теории государственного регулирования нашло свое выражение в концепции «социальной монархии» Лоренца Штейна и работах авторитетной экономической школы «катедер-социалистов». Это сочетание новейших социальных теорий с прусскими этатистскими традициями проявилось в характере реформ, проводимых канцлером Бисмарком. В 1880-х годах Бисмарк провозгласил начало «социальной реформы», которая подразумевала, в частности, принятие нового рабочего законодательства, включавшего (впервые в Европе) законы о социальном страховании.

В этой связи германский канцлер много говорил о «праве на труд» и о «государственном социализме», под которым он подразумевал этатистское регулирование социальных и имущественных отношений. Другим проявлением этатистской политики Бисмарка было расширение государственно-предпринимательства и создание мощного государственного сектора экономики. Государственный сектор экономики должен был удовлетворять самые насущные потребности государства и вместе с тем приносить доходы, за счет чего снижалась доля прямых налогов на население. Наиболее ярко государственно-капиталистические тенденции проявились во введении водочной и табачной монополий и в национализации железных дорог; в 1891 году 93% германских железных дорог принадлежали государству⁴⁰⁸.

Германия была наиболее могущественным государством Европы, а Бисмарк – наиболее авторитетным политическим лидером тех времен. Зародившись в Германии, волна этатистских реформ распространилась по всей Европе, не миновав и России. В первую очередь был поднят вопрос о национализации железных дорог. В России построенные частными компаниями железные дороги приносили убытки, и казне приходилось платить гарантированные прибыли по акциям и облигациям из своих средств, записывая эти дотации в задолженность компаний. Поскольку задолженность постоянно росла, то правительство сочло за лучшее по примеру Германии выкупить основные железнодорожные магистрали в казну. Однако выкуп железных дорог затруднялся нехваткой средств; в министерство Бунге (1881-1886) в казну было выкуплено только 1,3 тыс. верст дорог⁴⁰⁹.

Россия подражала Германии и в деле введения рабочего законодательства. «В России не менее чем в Германии, – писал Н. Х. Бунге в официальном докладе Александру III, – нужно бороться с разрушительным стремлением революционной партии, но чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народа и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк»⁴¹⁰. В 1882-1886 годах были приняты законы, ограничивавшие труд подростков и женщин, а также ночные работы; была упорядочена выплата заработной платы, появилась фабричная инспекция, наблюдавшая за условиями труда. Однако подготовка закона о страховании рабочих (во многом следовавшего германскому прототипу) осталась незавершенной. Социальные реформы правительства включавшие, помимо рабочего законодательства, меры по облегчению податных тягот крестьян и создание Крестьянского банка, вызвали противодействие дворянской партии. Катков и Мещерский поставили Бунге в вину приверженность к социалистическим идеям, и, вместе с другими обвинениями, это вынудило министра финансов подать в отставку⁴¹¹.

Ярким проявлением Сжатия был *финансовый кризис государства*, обостренный мерами по снижению налогов с крестьян. Как показывает график на рис. 4.8, государственные доходы в расчете на душу населения в 1876-1885 гг. снизились. Между тем, 1861-1880 гг. сумма зарубежных кредитов, направленных главным образом на железнодорожное строительство, составила 2 млрд. руб. В 1881 году платежи по займам достигли 240 млн.

руб., что составляло 34% доходов бюджета⁴¹². Новое правительство было вынуждено резко сократить размеры зарубежных заимствований и жить по средствам. В 1881-1893 гг. были взяты кредиты только на 450 млн. руб.; масштабы железнодорожного и промышленного строительства резко сократились. В 1882-1885 гг. правительству в ущерб обороноспособности пришлось пойти на уменьшение военных расходов⁴¹³.

В 1886 году Александр III обратился за советом по поводу улучшения финансовой ситуации к известному математику профессору И. А. Вышнеградскому, который предложил этатистский план резкого увеличения доходов бюджета и перераспределения ресурсов в пользу государства. В частности, по примеру Бисмарка, Вышнеградский рекомендовал ускоренный выкуп частных железных дорог, повышение косвенных налогов, введение винной монополии и повышение таможенных тарифов. 1 января 1887 г. Вышнеградский был назначен министром финансов и приступил к реализации своего плана. При проведении выкупной операции акционеры получили за свои акции суммы, соответствовавшие номиналу, но правительство не смогло полностью взыскать задолженность с железнодорожных компаний и списало 700 млн. руб. долгов – это были чистые убытки государства. В министерство Вышнеградского казной было выкуплено 5,5 тыс. верст железных дорог. С 1889 году железнодорожные тарифы стали устанавливаться государством, и тарифная политика превратилась в мощный инструмент экономического регулирования⁴¹⁴.

Другим крупным проектом в области национализации было введение государственной винной монополии. Это была ярко выраженная этатистская мера, речь шла о том, чтобы отнять у винооторговцев – крупного слоя российской буржуазии – их огромные доходы (180-200 млн. руб., в год) и обратить эти доходы на прибыль казны. Из-за необходимости подготовительных мероприятий Вышнеградскому не удалось быстро ввести винную монополию, но министр увеличил акцизы на спирт, табак, сахар, ввел новые акцизы на керосин и спички. Были увеличены также и прямые налоги: поземельный налог, налог на городскую недвижимость и др.; усиленно собирались недоимки⁴¹⁵.

Увеличение таможенных пошлин имело целью как увеличение казенных доходов, так и защиту национальной промышленности от иностранных (прежде всего германских) конкурентов. Общая сумма таможенных пошлин возросла с 14,3 % от стоимости импортируемых товаров в 1877 г. до 32,7 % в 1892 г. Однако повышение тарифов вызвало таможенную войну с Германией, которая в ответ подняла тарифы на русский хлеб⁴¹⁶.

Таможенная реформа привела к росту цен на импортные предметы роскоши и вызвала недовольство дворянства. Вдобавок, Вышнеградский пытался ввести высокий налог на заграничные паспорта и затруднить вывоз валюты той частью русской аристократии, которая почти постоянно проживала за границей. Эта попытка закончилась неудачей, но она показала, что новый министр склонен проводить этатистскую политику вопреки интересам элиты. Повышение пошлин и налогов позволило Вышнеград-

скому за три года увеличить доходы бюджета примерно на четверть. В пересчете на хлеб душевая налоговая нагрузка возросла примерно с 7,5 до 11,5 пуда (см. рис. 4.8); в конечном счете, смысл политики правительства состоял в перераспределении ресурсов в пользу государства.

Вышнеградский сумел до некоторой степени облегчить бремя платежей по «железнодорожным» долгам. Воспользовавшись падением процентной ставки на Западе, правительство выпустило новые займы и на полученные деньги погасило старые обязательства. В результате платежи по займам снизились; если в 1886 году они составляли 38% доходной части бюджета, то в 1892 г. – 28%⁴¹⁷.

Одним из пунктов программы Вышнеградского было привлечение в Россию иностранных капиталов. Во второй половине 80-х годов на Западе стал ощущаться избыток капиталов и ставка, по которой предоставлялись кредиты, составляла в 2,5-3,5%, в то время как в Петербурге – 5-5,5%⁴¹⁸. Это означало, что предпринимательство в России давало в полтора-два раза более высокие прибыли, чем на Западе, и существовали благоприятные условия для привлечения капиталов. Однако имелось существенное препятствие, заключавшееся в неустойчивости курса русского кредитного рубля по отношению к золотой валюте: предприниматель, вложивший валюту, мог понести убытки в случае понижения курса. Таким образом, главным условием привлечения капиталов была стабилизация курса и введение золотого рубля. Для этого нужно было увеличить приток в Россию золота – то есть увеличить экспорт. В принципе, меры к увеличению экспорта принимались и ранее, и позиция правительства в этом вопросе совпадала с настоятельными пожеланиями дворянства. В 1884-1885 годах тогдашний министр финансов Н. Х. Бунге совершил инспекционную поездку, осмотрел все порты Европейской России и наметил программу мер по расширению хлебной торговли. С 1885 года стали выдаваться ссуды под зерно. В 1889 году Вышнеградский произвел радикальное снижение железнодорожных тарифов и установил экспортные премии⁴¹⁹. Эти меры привели к тому, что вывоз в расчете на душу населения увеличился в полтора раза, с 3,9 пуда в 1884/85-1886/87 годах до 5,8 пуда в 1887/88-1889/90 годах. В результате притока валюты курс рубля поднялся с 65 до 80 копеек и правительство, печатая бумажные рубли, скупало на них золото для создания необходимого запаса и скорейшего введения золотого стандарта⁴²⁰. При этом оно сознательно шло на временное снижение потребления хлеба внутри страны.

4.4.5. Кризис 1892 года

Количество хлеба, остававшееся в стране после вывоза, составляло в 1875/76-1888/89 хозяйственных годах 14-19 пудов на душу населения. Вывоз хлеба большого урожая мог продолжаться не один год, после вывоза в текущем году в стране могли остаться значительные запасы, тогда на следующий год независимо от урожая вывоз увеличивался и остаток хлеба в стране уменьшался. Механизм вывоза работал таким образом, что усред-

ненный трехлетний остаток на потребление составлял практически постоянную величину в 17-18 пудов (см. рис. 4.14). В 1889 году был неурожай, цены поднялись, но благодаря снижению транспортных расходов вывоз оставался выгодным, и это привело к тому, что остаток на потребление упал до небывало низкого уровня – немногим больше 11 пудов. Голод не начался лишь потому, что предыдущие годы были урожайными, и в хозяйствах оставались кое-какие запасы. В следующем году урожай был посредственным, ниже среднего, а экспорт оставался высоким; остаток снова оказался ниже минимального уровня, и страна снова жила за счет запасов. «Внешнеторговую политику Вышнеградского не зря называли “голодным экспортом”... – отмечает В. Л. Степанов. – В ряде регионов вообще не оставалось сколько-нибудь значительных запасов хлеба, что в случае неурожая было чревато массовым голодом»⁴²¹. Об истощении запасов говорилось и в сообщениях из губерний: «Хотя в 1890 году был более-менее недурной урожай, – доносил воронежский уездный исправник, но однако же сохранение продуктов оказалось недостаточным для того, чтобы за покрытием всех предшествующих нужд, образовать необходимые запасы... Общий неурожай в текущем году... при полном отсутствии кормовых и продовольственных средств поставил большинство крестьянских хозяйств в безвыходное положение»⁴²².

Когда весной 1891 года с мест стали поступать сообщения о грядущем недороде, директор департамента неокладных сборов А. С. Ермолов вручил Вышнеградскому записку, в которой писал о «страшном признаке голода»⁴²³. Однако министр финансов проигнорировал это предупреждение и вывоз зерна продолжался в течение всех летних месяцев. «Сами не будем есть, а будем вывозить!» – заявлял Вышнеградский⁴²⁴.

В результате неурожая чистый душевой сбор составил около 14 пудов, запасы были истощены экспортом предыдущих лет, и в итоге разразился голод, унесший, по подсчетам Р. Роббинса, около 400 тысяч жизней⁴²⁵. И.А. Вышнеградский прибег к решительным этатистским мерам, он ввел запрет на вывоз хлеба и выступил с предложением о введении подоходного налога для обложения лиц, располагавших «сравнительно большим достатком». Однако это предложение было отвергнуто правительством, а запрещение на вывоз хлеба продержалось лишь 10 месяцев и было отменено под давлением дворянства и коммерческих кругов. С министром финансов случился удар, и вскоре его вынудили уйти в отставку⁴²⁶.

Неурожай был особенно бедственным в регионах Черноземья и Поволжья. В Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской губерниях крестьяне собрали на своих наделах меньше, чем посеяли. Как это обычно бывает, голод сопровождался эпидемиями. В Воронежской губернии от холеры погибло 11 тысяч человек, от цинги – 10 тысяч, было много погибших от дизентерии и брюшного тифа. В целом превышение смертности над обычным уровнем составило 1,7 процента или 44 тысячи человек. Число жертв было не таким большим, каким оно бы могло быть, благодаря энергичным мерам, принятым правительством для помощи голодающим. В

апреле 1892 года хлебные ссуды получили 1 млн. из 2,6 млн. населения губерний⁴²⁷.

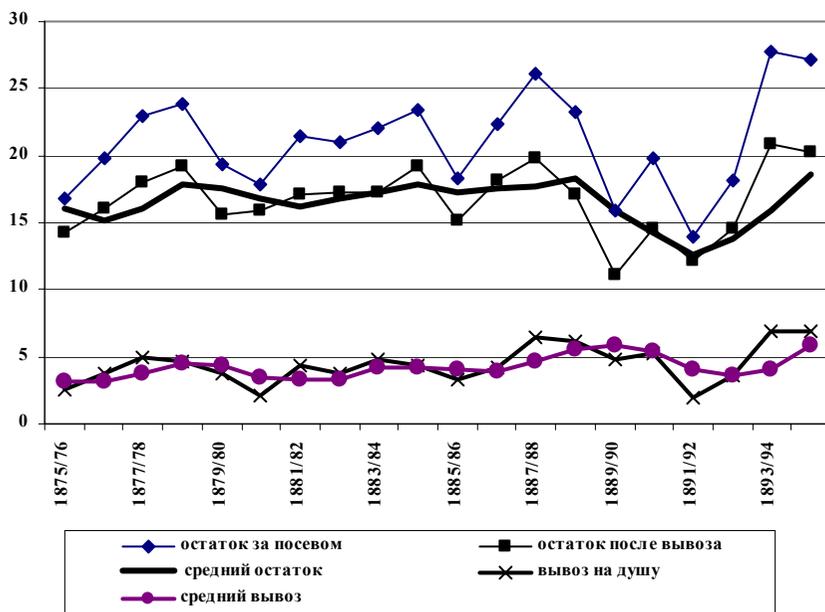

Рис. 4.14. Динамика потребления и вывоза в 1875-1894 годах по 50 губерниям Европейской России⁴²⁸.

Широкие масштабы предоставления помощи отчасти нейтрализовали неблагоприятные политические последствия голода. Источники не отмечают подъема крестьянских волнений; крестьяне не проявляли политической активности, они были по-прежнему покорны властям: процесс психологической эмансипации еще не успел получить значительного развития. Однако это был последний случай, когда голод не вызвал крестьянских выступлений. Уже через десять лет положение резко изменилось⁴²⁹.

С точки зрения демографически-структурной теории кризис 1892 года имел много общего с кризисами 1568-1571 и 1723-1725 годов – в том смысле, что он носил не число демографический, а преимущественно структурный характер, был вызван увеличением давления государства на крестьянство. Правда, в 1890-1892 годах это давление было более косвенным, оно выражалось, с одной стороны, в увеличении косвенных (а не прямых) налогов, а с другой стороны, в стимулировании хлебного экспорта. Хотя государство не само вывозило зерно, тем не менее, помогая экспортерам лишать народ хлеба, оно получало непосредственную выгоду, скупая притекавшее от экспорта золото на бумажные рубли.

4.4.6. Экономическая политика С. Ю. Витте

Несмотря на кризис 1892 года, государство (в соответствии с прогнозом неомальтузианской теории) продолжало проводить эгалитарную политику.

После отставки И. А. Вышнеградского министром финансов был назначен С. Ю. Витте. Витте продолжительное время был близким помощником Вышнеградского и на посту министра финансов в основном следовал планам своего предшественника – но делал это более осторожно и осмотрительно. Расширение экспорта хлеба позволило удвоить золотой запас, стабилизировать курс рубля и в 1897 году ввести золотой номинал. Так как в России норма прибыли была выше, чем в Европе, то стабилизация денежного обращения вызвала резкий прилив иностранных капиталов. Если в 1890 г. иностранные акционерные капиталы в России составляли 214 млн. руб., то в 1900 г. – 911 млн. руб., их доля в общем акционерном капитале возросла с пятой части до половины. Прилив иностранного капитала (вместе с ростом внутренних капиталовложений) привел к бурному росту русской промышленности; общая стоимость продукции за 1890-1900 гг. увеличилась вдвое. Эти успехи, впрочем, были весьма относительными, на фоне других государств Россия продолжала оставаться отсталой аграрной страной. В последние годы XIX века доход на душу населения составлял в России 46 долларов, в то время как во Франции – 178, в Англии – 205, в США – 259 долларов⁴³⁰.

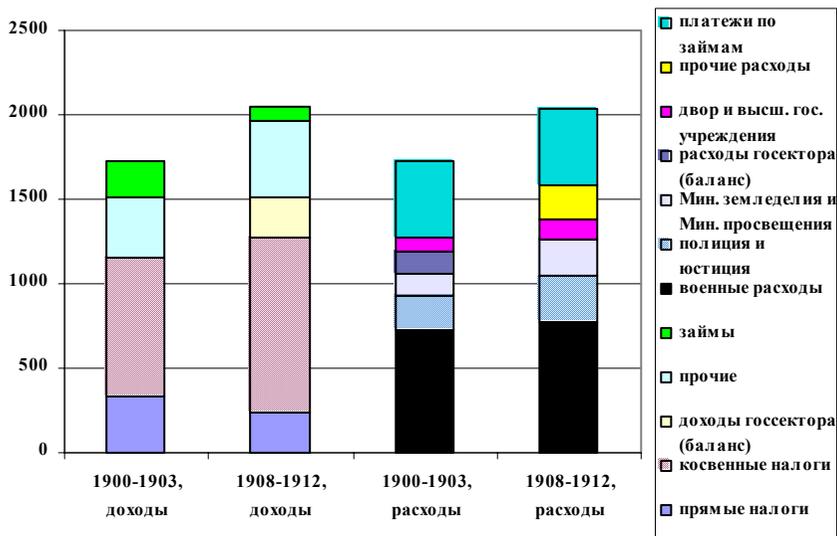

Рис. 4.15. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб (млн. пудов⁴³¹)

В 1897 году была введена предложенная в свое время Вышнеградским казенная винная монополия, которая в 1900-1903 годах дала около 300

млн. руб. чистого дохода – примерно четверть доходов бюджета. Несмотря на голод 1892 года, правительство почти не снизило налоговой нагрузки (резко увеличенной Вышнеградским), душевое налогообложение в пересчете на хлеб сохранялось на уровне 11 пудов (см. рис. 4.8 и 4.16). При этом упор делался на косвенные налоги, на обложение акцизом предметов широкого потребления (таксировании). Г. Робинсон иронизировал, что «когда крестьянин мог позволить себе роскошный вечер, он заполнил бы лампу таксированным керосином (если он имел лампу), зажег бы его таксированной спичкой (или лучиной), завернул бы немного таксированного табака в таксированную сигаретную бумагу (или в обрывок газеты), и погрузился бы в облако дыма. Если бы после этого он захотел пить, то утолил бы жажду стаканом таксированного чая, в прикуску с кусочком таксированного сахара. Или возможно он пошел бы купить бутылку водки... и в результате этого акта потребления, государство получило бы хороший доход, используя одновременно свои способности мытаря и винного монополиста»⁴³².

Возросшие доходы от косвенных налогов, таможенных пошлин и винной монополии позволили правительству более активно вести политику по созданию государственного сектора экономики. В 90-х годах было выкуплено 15 тыс. верст частных железных дорог и была развернута невиданная по масштабам программа строительства государственных дорог – в том числе строительство Транссибирской магистрали. За 1896-1900 годы было построено 15 тыс. верст железных дорог, и их общая протяженность достигла 56 тыс. верст; около 70% всех железных дорог принадлежало государству⁴³³.

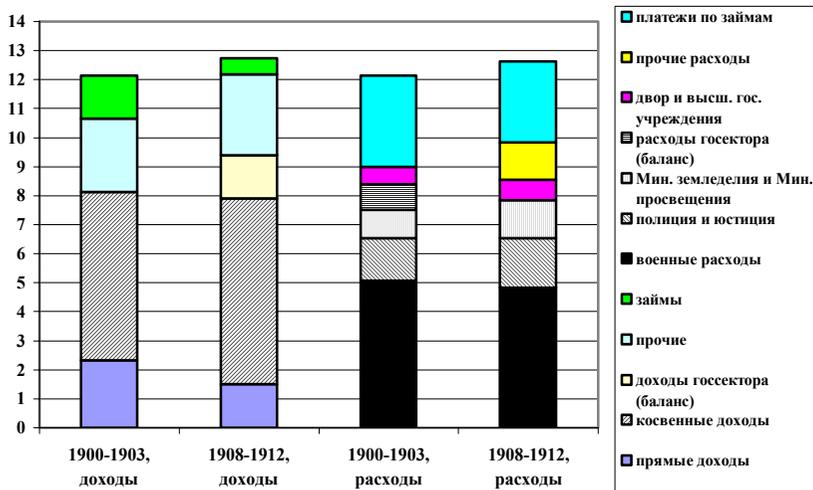

Рис. 4.16. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб на душу населения (пуд.)⁴³⁴

Помимо железных дорог, государственный сектор включал казенные земли и леса, оружейные и горные заводы, почту и телеграф, а также Госбанк. Все эти предприятия в 1900-1903 гг. давали в среднем 570 млн. валовой прибыли в год, которая шла не только на эксплуатационные расходы, но и на строительство новых предприятий, в частности, около 200 млн. руб. использовалось на строительство новых железных дорог⁴³⁵.

Таким образом, государственный сектор экономики во все больших масштабах использовался для финансирования индустриализации. Более того, правительство брало на себя регулирование основных параметров экономической жизни страны. Т. Шанин отмечает, что С. Ю. Витте следовал при этом «германскому пути» экономического развития, который отличался от «классического» английского капитализма⁴³⁶. «В России, – писал Витте Николаю II в 1895 г. – по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину»⁴³⁷.

Принципиальные цели этатистской политики были самоочевидны: речь шла об упрочении монархии и увеличении мощи Российской империи. В условиях до крайности обострившейся гонки вооружений индустриализация была необходимым компонентом военной политики. Индустриализация и финансовые реформы позволили увеличить военные ассигнования с 210 млн. руб. в среднем в 80-х годах до 490 млн. руб. в 1900-1903 гг. Армия была перевооружена новыми системами оружия, скорострельными винтовками и пушками; был создан броненосный флот. Эти успехи, были, конечно, относительными, по уровню вооружений русская армия по-прежнему отставала от германской или французской, но они все же позволяли поддерживать определенное военное равновесие.

Таким образом, хотя крестьянство голодало, а дворянство было недовольно этатистской политикой, правительство не сокращало своих расходов и даже увеличивало давление налогового пресса. Однако рост недоимок заставил правительство признать крайнее напряжение платежных сил населения, и в начале русско-японской войны оно не сочло возможным хотя бы частично финансировать военные расходы за счет увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, власти не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения⁴³⁸. В итоге, возможности увеличения доходов были исчерпаны, и в случае появления непредвиденных расходов финансовая система оказывалась под угрозой кризиса. Демографически-структурная теория говорит, что в период Сжатия реальные доходы государства сокращаются и оно должно испытывать финансовый кризис. В российском случае правительство искало выход из финансового кризиса на пути этатистской политики частичной национализации и государственного регулирования.

Сконцентрированная на нуждах государства этатистская политика Витте вскоре привела к конфликту между правительством и дворянством. В феврале 1896 года было создано Совещание губернских предводителей

дворянства – первое столь представительное собрание с 1861 года. Участники совещания обвинили правительство в том, что оно заботится исключительно о нуждах промышленности, железных дорог и банков, в то время как благосостояние деревенской России падает. Высокие таможенные тарифы, введенные в 1891 году, защищали промышленность от иностранной конкуренции, но заставляли потребителей, в том числе и дворян, покупать промышленные товары по высоким ценам. В то время как консерваторы предъявляли экономические требования, либералы выступали с лозунгом ограничения самодержавия. На совещании раздавались голоса, требовавшие для дворянства права на представительство в законодательных учреждениях. Дворянская оппозиция укрепилась в земствах (где дворяне играли главную роль) и земское движение стало основой либерального движения в России⁴³⁹.

Отвечая на раздававшуюся из дворянского лагеря критику, Витте четко сформулировал основные принципы этатизма. В записке, предназначенной для Николая II, Витте изображал самодержавие как самодовлеющую власть, располагающую полной свободой действовать исключительно в своих целях. Все сословия были для этой власти одинаково равны, и ни одно из них не могло претендовать на роль «союзника». «Не имея противников, русская верховная власть не нуждалась и в союзниках... – так оценивал Витте роль сословий. – Все они... несли государственное тягло, которое возлагалось на них верховной властью для общей пользы всего народа пользы»⁴⁴⁰.

В своих неофициальных высказываниях Витте шел гораздо дальше. «Чтобы ни говорили, а в душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством, – писал Витте Мещерскому в 1901 году, – с бедствиями одних в пользу других... В сущности, по моему убеждению, это корень всех исторических эволюций. С развитием образования народных масс... сказанное чувство справедливости, вложенное в душу человека, будет все более и более расти в своих проявлениях». Витте связывал это пробуждение ищущих справедливости народных масс с социалистическим движением. «Везде социализм делает громадные успехи... – писал Витте. – Спасение от такого положения вещей заключается только в самодержавии, сознающем свое бытие в охране интересов массы, сознающем, что оно зиждется на интересах народного блага, или же в режиме социализма...». Князь Бисмарк, продолжал Витте, «все сие отлично понимал, и он был первейший социалист, проведший ряд мер, которые временно дали другое течение дела в Германии»⁴⁴¹.

Военный министр А. Н. Куропаткин высказывал мысли, созвучные идеям Витте. «Надо, усмиряя происходящие беспорядки, – писал Куропаткин в 1901 году, – усмирять капиталистов, заводчиков, фабрикантов, которые о нуждах рабочих, как и ранее, думают мало, поглощенные заботами о наживе...»⁴⁴²

Однако за словами «государственников» о социальной справедливости не следовало соответствующих дел. Налоговые реформы Витте оставили в неприкосновенности податные привилегии дворянства. В 1897 г. дворяне в

среднем платили с десятины своих земель 20 коп. налогов; нищее крестьянство платило с десятины 63 коп. налогов и 72 коп. выкупных платежей, всего 1 руб. 35 коп. – в семь раз больше, чем дворяне⁴⁴³. Тем не менее, дворянство было недовольно политикой этактистов. Не решаясь прямо выступить против самодержавия, консервативная дворянская пресса в 1897 году начала кампанию против бюрократии, обвиняя ее в проведении «антидворянской политики».

Конфликт между этактистским государством и землевладельческой элитой был важной стороной российской общественной жизни и некоторые социологи, например, Т. Скочпол, считают его главной причиной русской революции⁴⁴⁴.

4.4.7. Положение чиновничества и офицерского корпуса

В контексте демографически-структурной теории большое внимание уделяется внутренней динамике государства и его отношениям с элитой. Опорой монархии и главным носителем этактистской идеи была профессиональная бюрократия. Хотя формально многие чиновники были (преимущественно, личными) дворянами, потомственное дворянство считало личных дворян и классовых чиновников самостоятельной сословной группой, «не имеющей ничего общего с действительным, то есть потомственным дворянством»⁴⁴⁵. Эта сословная группа была почти столь же многочисленна, как потомственное дворянство; в пределах Европейской России ее численность вместе с семьями составляла в 1858 г. 277 тыс. человек, в 1870 г. – 317 тыс., в 1897 г. – 487 тыс. Чиновники низших классов (XIV–IX) составляли около половины всего чиновничества; они жили, в общем, небогато, получая вознаграждение лишь в 2-3 раза превосходившее зарплату квалифицированного рабочего. Тем не менее, по сравнению с серединой столетия материальное положение низших и средних чиновников улучшилось. В 1900 году жалование чиновника IX класса составляло 750-900 рублей в год, то есть было примерно втрое больше, чем в 1850-х годах. Для сравнения, чистый доход среднего крестьянского хозяйства в Калужской губернии в 1896 году равнялся 238 рублям⁴⁴⁶.

Чиновники четырех высших рангов были (в соответствии с рангом) потомственными дворянами, но они составляли лишь 1,4% от всего классного чиновничества, и даже среди них далеко не все имели поместья, то есть были настоящими дворянами-помещиками (а не выслужившимися чиновниками). Доля помещиков в высшей бюрократии постепенно падала, в 1858 г. родовыми поместьями владели 34% чиновников I-IV классов, а в 1902 г. – только 16%. Государственный Совет в 1858 году почти полностью состоял из помещиков, причем 69% процентов его членов были не просто помещиками, а латифундистами, владельцами более чем тысячи крестьянских душ или 5 тысяч десятин. К 1902 году доля помещиков в Совете уменьшилась до 57%, а доля латифундистов – до 22%. Влияние дворянства постепенно уменьшалось, но на самом высшем уровне, уровне

правительства, оно все же оставалось преобладающим: 90% членов правительств 1901-1917 годов по происхождению были дворянами⁴⁴⁷.

Помимо государственных чиновников, существовали и земские чиновники, работавшие в системе местного самоуправления. В 1880 году из земских бюджетов оплачивалось около 140 тыс. чиновников, примерно столько же, сколько из государственной казны. Земское чиновничество зависело уже не от правительства, а от земских собраний, в которых преобладала либеральная дворянская оппозиция. Естественно, в этой среде были распространены оппозиционные настроения. Существенно, что среди земских чиновников было много специалистов, агрономов, врачей, учителей, то есть интеллигенции. Другой слой интеллигенции составляли служащие негосударственных предприятий и «лица свободных профессий». Интеллигенция получала в университетах западное образование и воспитывалась в пропитанной оппозиционными настроениями студенческой среде; естественно, что она сохраняла эти настроения и в дальнейшем. Перепись 1897 года зарегистрировала 105 тыс. лиц с высшим образованием, из них 68% составляли дворяне. В России насчитывалось 17 тыс. врачей, 10 тыс. учителей средних школ, 3 тыс. адвокатов. Лиц со средним образованием насчитывалось около 1 млн., из них 30% – дворяне и чиновники⁴⁴⁸. Таким образом, русская интеллигенция была наполовину дворянской, но, как отмечалось выше, она происходила в основном из обедневшего дворянства, вынужденного зарабатывать на хлеб службой или «свободными профессиями». Западное образование делало интеллигенцию оплотом либеральных идей, и недовольство своим положением находило выход в радикальном, «левом» либерализме.

В отличие от чиновничества, офицерский корпус армии всегда считалась цитаделью поместного дворянства. В 1895 году потомственные дворяне составляли половину (50,8%) офицерского корпуса; в пехоте, где служба была менее престижной, их было 40%; 27% пехотных офицеров составляли личные дворяне. Чрезвычайно важно, однако, что среди офицеров-дворян было очень мало настоящих помещиков, даже среди генерал-лейтенантов подавляющее большинство (81%) не имели никакой земельной собственности⁴⁴⁹. Таким образом, позиции дворянства в армии и высших сферах чиновничества постепенно слабели, что способствовало большей независимости государства от элиты.

4.4.8. Положение крестьянства после голода 1892 года

Таким образом, опираясь на чиновничество и армию, монархия могла проводить этатистскую политику индустриализации, которую называли «антидворянской». Но как соотносилась эта политика с нуждами крестьянства? Мы видели, что в самом начале ее проведения резкий рост вывоза зерна привел к голоду 1892 года. Хотя кризис не вызвал немедленного восстания, он резко ускорил тот необратимый процесс, итогом которого была крестьянская война 1905 года. В условиях голода многие крестьяне были вынуждены продавать свой скот – в том числе рабочих лошадей. С 1888 по 1893 год доля безлошадных дворов

1888 по 1893 год доля безлошадных дворов увеличилась в Тамбовской губернии с 22 до 31%, в Воронежской губернии – с 26 до 41%⁴⁵⁰. Разорившиеся безлошадные крестьяне не могли вернуть полученные во время голода продовольственные ссуды. Между тем, сумма этих ссуд на начало 1892 года составляла 128 млн. руб. и новая задолженность по ссудам была вдвое больше прежних недоимок по выкупным платежам. Правительство понимало, что крестьяне не в состоянии вернуть ссуды, и в 1894 году списало половину этой задолженности⁴⁵¹. Однако бремя оставшихся долгов и текущих выплат по налогам и выкупным платежам было непосильным; недоимка продолжала увеличиваться. Как видно из графиков на рис. 4.17, до голода 1891 года недоимка во многих губерниях не только не росла, но и уменьшалась. Это был результат политики И. А. Вышнеградского, ужесточившего порядок сбора налогов. Голод 1891 года привел к скачкообразному росту крестьянской задолженности: голодавшие крестьяне, естественно, не могли платить налоги, а правительство не могло проявлять обычную жестокость при их сборе. Затем, в середине 1890-х годов, наступило время хороших урожаев, и методы сбора стали более строгими: в 1894 году за недоимки было арестовано около 10 тыс. сельских старост – почти вдвое больше, чем в 1891 году⁴⁵². Тем не менее, недоимка продолжала быстро расти, к концу XIX века она увеличилась в Орловской и Тульской губернии примерно вдвое и в 2,5 раза превысила размеры среднего оклада.

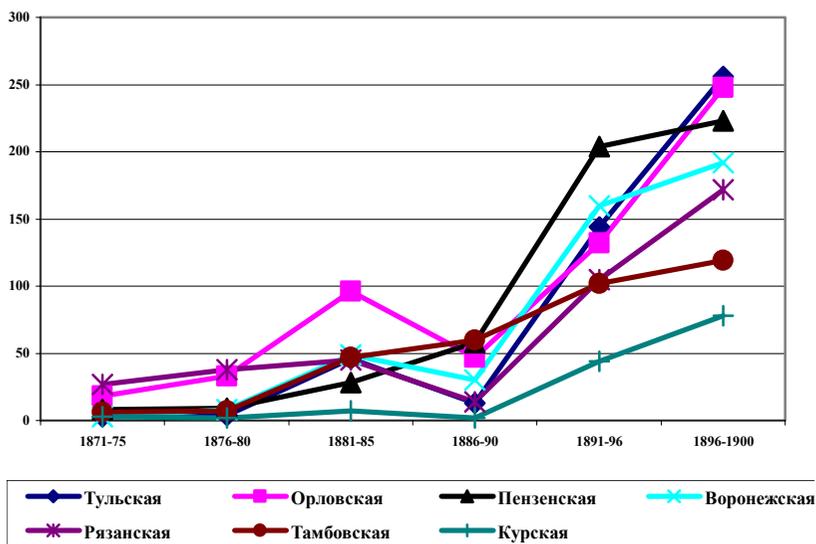

Рис. 4.17. Недоимки по казенным платежам в губерниях Черноземья (в процентах к среднему окладу за указанный период)⁴⁵³.

Рост недоимок, очевидно, свидетельствовал о том, что крестьянские хозяйства Черноземья не могут восстановиться после кризиса и что положение быстро ухудшается. Ситуация была относительно менее кризисной в Курской губернии и наиболее тяжелой в Тульской и Орловской губерниях. Тяжелый кризис наблюдался также в соседнем Поволжье, в Самарской губернии недоимка достигла 367%. В других регионах страны положение было намного более благоприятным; в Центральном регионе губернии, кроме Московской, практически не имели долгов⁴⁵⁴.

Большинство исследователей полагают, что рост недоимок является свидетельством кризисного состояния крестьянского хозяйства. Однако в 1990-х годах была предпринята попытка ревизии традиционной точки зрения. Американский исследователь С. Хок подсчитал, что в целом по России к моменту отмены выкупных платежей недоимка составляли лишь 5% к той сумме, которую должны были заплатить крестьяне с 1861 года. «Документы свидетельствуют, что крестьяне были в состоянии выполнять свои операции и действительно их выполняли, – пишет С. Хок. – Документы эти не содержат информации, позволяющей оценить уровень жизни крестьян»⁴⁵⁵. Такой усредненный подход стирает и порайонные, и временные различия. Мы уже говорили, что многие регионы, действительно, не имели долгов. Более того, в 1890 году положение с выплатами было относительно благополучным и на Черноземье; в Тульской губернии, например, накопленная недоимка составляла только 13% от годового оклада. Однако к 1900 году недоимка возросла до 256% процентов, и это означает, что за 1896-1900 годы крестьяне не выплатили половину полагавшейся с них суммы. Не 5%, а 50%! И (в отличие от С. Хока) правительство оценило значение этой информации: в 1898 году в Комитете министров по инициативе государственного контролера Т. Филиппова и с санкции Николая II был поставлен вопрос о «чрезмерном напряжении сил сельского населения особенно в центральных губерниях»⁴⁵⁶.

Положение осложнялось в связи с вновь начавшимся ростом арендной платы. А. М. Анфимов, пересчитав денежную арендную плату в долю урожая, пришел к выводу, что «цифры кажутся почти фантастическими». «Действительно, как можно поверить, что на рубеже веков херсонский «десятишник» отдавал владельцу земли половину урожая, а курский и орловский мужик – даже две трети (больше, чем при испольщине). Но цифры неумолимы: действительно, отдавал. Что он при этом думал – другое дело. Эти его думы руководили им, когда он, вооружившись дубьем, в 1905 году шел громить усадьбу своего арендодателя, а в 1917 г. вообще прогнал его с земли»⁴⁵⁷.

В целом экономическая ситуация на Черноземье, как и раньше, определялась ростом населения и нехваткой пашен. Посевные площади уже не увеличивались, и шло соревнование между ростом населения и урожайности. Как видно из рис. 4.18, увеличение урожайности в основном компенсировало рост населения, и 5-летний тренд не показывал явной тенденции к падению. Однако тренд колебался: колебания тренда, которые С. Уикфорт отмечал в масштабе всей России, имели место и в масштабе Черноземного региона – причем они были более сильными. В 1899-1902

земного региона – причем они были более сильными. В 1899-1902 годах тренд поднялся выше отметки в 30 пудов, затем понизился до 22-23 пудов в 1905-1906 гг. и вновь поднялся в 1910-1911 гг. Эти колебания тренда отмечали гораздо более интенсивные колебания урожаев, наряду с годами очень высоких урожаев, когда чистый душевой сбор превышал 35 пудов, имели место и катастрофические неурожаи: 1891-1892, 1897, 1901, 1905-1906 гг. При этом нужно учитывать, что Черноземье было экспортирующим регионом, и хлеб, производившийся на полях помещиков и зажиточных крестьян, вывозился, в значительной части, за границу. Поэтому падение душевого сбора в годы неурожаев ниже 19 пудов означало, что на долю основной массы крестьян приходилось значительно меньше минимальной нормы потребления – то есть крестьяне голодали.

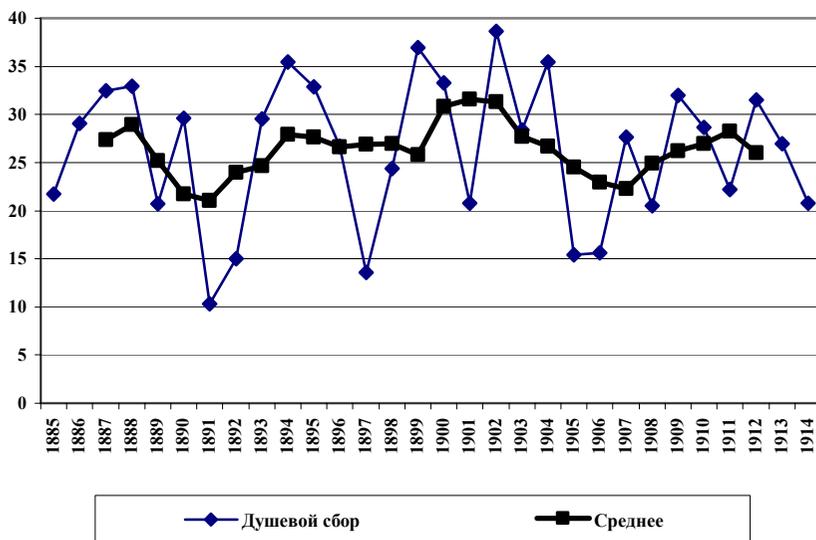

Рис. 4.18. Чистые душевые сборы и 5-летнее среднее в Черноземном регионе⁴⁵⁸.

В целом по России положение было, естественно, более сложным. Центральный район жил привозным хлебом, и динамика урожаев здесь не отражает реальную картину обеспеченности района продовольствием. На Юге продолжалось освоение целинных земель; новым обширным регионом колонизации стал Северный Кавказ. После строительства Новороссийского порта три кавказские губернии стали давать существенную часть экспорта, поэтому их необходимо учитывать в общем хлебном балансе России. Данные о производстве хлеба на Кавказе имеются с 1893 года, и график на рис. 4.19 отражает картину потребления, производства и вывоза хлеба в 1893-1914 годах. С 1900 года имеются также данные о потреблении (это чистый остаток после вывоза с учетом «видимых» запасов на элеваторах, в складах, в торговой сети и у крупных производителей). Как вид-

но из рис. 4.20, разница между потреблением и чистым остатком обычно не превышала 10%, то есть «видимые» запасы не играли существенной роли.

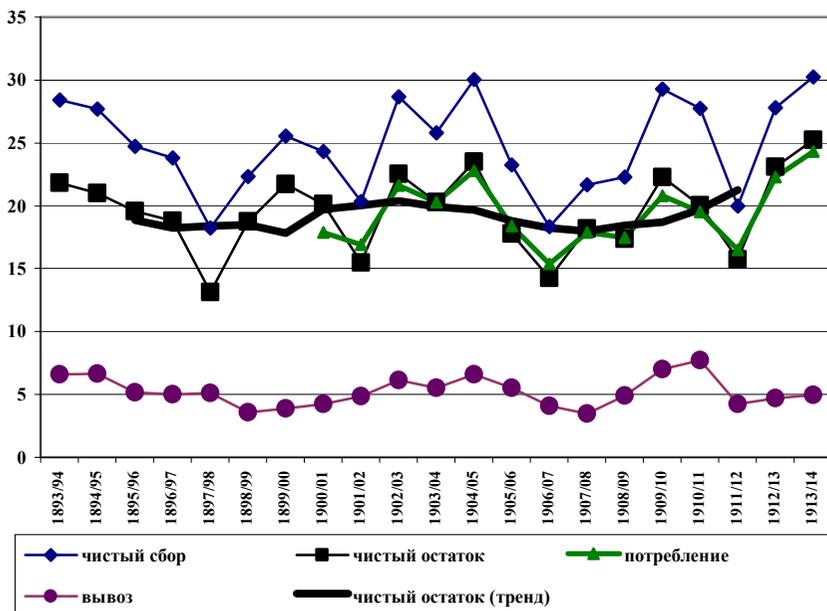

Рис. 4.19. Динамика сборов, потребления и вывоза хлеба на душу населения по 53 губерниям Европейской России⁴⁵⁹.

Так же как и на Черноземье, 5-летний тренд чистого остатка для Европейской России не показывает очевидной тенденции к увеличению или уменьшению потребления. Кривая движется вдоль средней линии в 19,3 пуда, плавно поднимаясь до 20 пудов в 1902-1903 гг., опускаясь до 18 пудов в 1907-1908 годах и затем снова поднимаясь. Однако если рассматривать более длительный период времени, то надо заметить, что среднее потребление по 53 губерниям в 1893-1912 гг. (19,3 пуда) было выше, чем среднее потребление по 50 губерниям в 1870-1888 гг. (17,7 пуда). Эти данные, однако, не следует оценивать слишком оптимистически, поскольку, как отмечалось, рост потребления зерна на корм скоту в этот период привел к повышению минимальной нормы потребления хлеба примерно с 18 до 19,2 пуда. Минимальная норма в 19,2 пуда соответствует реальному среднему потреблению зерна в 1893-1912 гг. (19,3 пуда). Правда, в продовольственные ресурсы населения входило еще некоторое количество картофеля (в 1890-х гг. в пересчете на хлеб – 1,3 пуда на душу), однако эта добавка в основном компенсировалась расходами на винокурение и закупками армии (см. табл. 4.8).

Таким образом, хотя в отдельные пятилетия отмечалось увеличение потребления, в среднем потребление хлеба и картофеля в России примерно соответствовало минимальной норме. «Сельское население России постоянно балансировало на грани недоедания, и достаточно было небольшого ухудшения, недорода, чтобы эта грань была перейдена», – отмечает Т. В. Привалова⁴⁶⁰. Кроме того, сильное различие в уровне потребления между бедными центральными и богатыми окраинными губерниями; между зажиточными бывшими государственными крестьянами и бедняками, бывшими крепостными, приводило к тому, что при среднем потреблении, соответствующем минимальной норме, миллионы бедняков испытывали хронический голод.

В принципе, даже в годы неурожая чистый сбор не падал ниже 18 пудов хлеба на душу, и это еще не означало голода. Но губительным было то обстоятельство, что в годы неурожая продолжался вывоз зерна. В неурожайный 1897/98 хозяйственный год чистый душевой сбор составил 18,2 пуда, а вывоз на душу населения – 5,1 пуда, то есть 28% к чистому сбору, в результате остаток после вывоза составил лишь 13,1 пуда – много меньше голодной нормы. По данным П. Н. Першина в этот год голодало 27 млн. крестьян. В 1901/02 году душевой чистый сбор составлял 20,3 пуда, вывоз – 4,8, а чистый остаток – 15,5 пуда; число голодавших было примерно таким же⁴⁶¹.

Отказ от ограничения экспорта даже в голодные годы был составной частью этактической политики С. Ю. Витте, стремившегося во что бы то ни стало поддерживать курс рубля. Эта политика была чревата опасными последствиями: голод 1902 года привел к первым массовым волнениям крестьян.

4.4.9. Уровень жизни по данным бюджетных обследований

Демографически-структурная теория требует рассмотрения динамики потребления с учетом имущественной дифференциации в крестьянской среде. Средние цифры потребления хлебов по России или отдельным регионам не отражают специфики положения разных слоев крестьянства. Прежде всего, необходимо отметить, что к началу XX века сохранялось деление на две большие группы крестьян: бывших помещичьих крепостных и бывших государственных крестьян. Как и прежде, эти крестьяне имели разное земельное обеспечение и разный уровень жизни. Например, в Курской губернии в 1905 г. бывшие крепостные имели 4,8 дес. на двор, а бывшие государственные крестьяне – 9,3 дес.⁴⁶²

	Помещичьи крестьяне		Государственные крестьяне	
	1877	1905	1877	1905
Число дворов (тыс.)	3813	5734	3781	5303
Надел на 1 двор	8,9	6,7	15,1	12,5

Табл. 4.20. Численность и средние наделы бывших государственных и помещичьих крестьян Европейской России⁴⁶³.

Как показывают данные табл. 4.20 в среднем по Европейской России земельные наделы бывших государственных крестьян были почти вдвое больше, чем наделы бывших помещичьих крестьян.

Некоторую дополнительную информацию дают бюджетные обследования, проводившиеся земствами в различных губерниях. Число таких обследований за 1880-1900 гг. невелико, и в большинстве случаев охват обследования ограничивается десятком-другим крестьянских дворов. Со статистической точки зрения достаточно репрезентативными можно считать лишь обследования, проведенные в Воронежской губернии в 1887-1896 гг. (всего 230 бюджетов), в Калужской губернии в 1896-1897 гг. (2417 бюджетов) и в Полтавской губернии в 1902-1903 гг. (100 бюджетов). Нужно учесть также, что некоторые исследователи (в том числе Г. Робинсон) полагают, что бюджетные обследования несколько приукрашивают реальную картину за счет преувеличения доли более состоятельных хозяйств⁴⁶⁴.

Данные воронежского обследования относятся в основном ко времени до голода 1892 года, после которого положение в деревне резко ухудшилось. Результаты обследования анализировались различными авторами в двух группировках, когда хозяйства делились на группы либо по количеству рабочего скота, либо по размерам надела. Первая группировка позволяет выделить слой безлошадных «крестьян-рабочих», который резко выделяется среди других крестьян тем, что основную часть своего скромного дохода эти крестьяне получают от работы по найму. Интересно, что крестьяне, имеющие одну лошадь, имеют меньший душевой доход, чем крестьяне-рабочие, обе эти категории бедняцкого населения представлены малыми, по-видимому, в основном, молодыми семьями, и вместе охватывают 45% дворов. Потребление хлеба, указанное в этой и в следующих таблицах, – это потребление в пищу без учета кормов. Уровень потребления хлеба в бедняцких семьях лишь немного превышает минимальную норму в 15 пудов; в других группах потребление значительно выше. Хозяйства с 2-3 лошадьми образуют 40-процентый слой середняков, душевой доход в этих хозяйствах в полтора раза больше, чем у бедняков, середняки потребляют на 40% больше хлеба и в 2,5 раза больше мяса. Необходимо отметить, что на уплату налогов и повинностей шла сравнительно небольшая доля чистого дохода крестьян – от 8 до 12% (см. табл. 4.21)

Е. Вильбур дополняет эти сведения географическим анализом и показывает, что в четырех из 12 уездов губернии среднее число лошадей и волов на двор составляло 3,3, то есть это были довольно зажиточные уезды. В целом, по мнению Е. Вильбура, положение крестьян Воронежской губернии было отнюдь не бедственным и имелось много зажиточных хозяйств⁴⁶⁵. В этом нет ничего удивительного: материалы Л. Н. Маресса (табл. 4.12) показывают, что Воронежская губерния была самой зажиточной губернией Черноземья, здесь преобладали бывшие государственные крестьяне, и положение крестьян было много лучше, чем в северной части района.

	крестьяне- рабочие	Хозяйства с числом голов рабочего скота					
		1	2	3	4	5 и более	и 7
Процент хозяйств в губернии	18	27	26	14	8	7	
Душ на семью	4,5	5,4	8,2	11,6	11,1	12,1	
Доходы (руб.)	159	220	469	724	832	1034	
В т. ч. в %: от земледелия и сдачи земли в аренду	26	43	50	59	59	48	
от скотоводства	12	25	19	23	21	28	
От "личных промыслов" (ра- бота по найму, ремесло)	52	23	17	10	16	10	
от "предприятий"	2	3	10	4	3	11	
прочее	8	6	4	4	1	2	
Расходы на хозяйство	30	88	176	319	381	518	
Чистый доход	129	132	293	405	451	516	
Чистый доход на душу (руб.)	29	24	36	35	41	43	
Расходы на душу:	28	26	33	36	40	43	
в т. ч.: на пищу	16 (57%)	15(61%)	19(54%)	22(63%)	23(57%)	24(57%)	
остальные личные потребности	10(35%)	8(32%)	11(30%)	11(32%)	13(32%)	16(37%)	
подати и повинности	2(7%)	3(12%)	3(9%)	3(8%)	3(8%)	4(9%)	
потребление на душу (по 66 хозяйствам)							
хлебные продукты	17,4	16,4	23,2	22,8	25,1	26,2	
Мясо	0,59	0,49	1,18	1,29	1,79	1,79	

Табл. 4.21. Средняя численность семей в Воронежской губернии и их доход в зависимости от числа лошадей⁴⁶⁶.

С другой стороны, данные об уровне смертности показывают более негативную картину. Данные, представленные в таблице 4.22 получены в результате проведенной в губернии сплошной подворной переписи.

	безземельные	Десятин на двор			
		до 5	5-15	15-25	св. 25
% хозяйств по губернии	4	23	49	18	6
Душевое потребление хлеба и картофеля (пуд)	11,5	18,0	19,1	21,5	22,4
Душевое потребление мяса (пуд)	0,7	0,7	0,8	1,2	1,5
В% численности групп в среднем за год умерших	3,41	3,5	3,32	2,86	2,62
калек	3,91	1,78	1,47	1,15	0,88
больных	0,97	0,58	0,42	0,32	0,25

Табл. 4.22. Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Воронежской губернии⁴⁶⁷.

Несмотря на то, что малоземельные крестьяне (до 5 дес.) потребляли лишь на 17% меньше хлеба, чем зажиточные (имевшие 15-25 дес.) уровень заболеваемости и смертности у них был намного выше, что свидетельствует о большом значении других факторов, одним из которых, очевидно, являлись тяжелые условия жизни отходников. Комиссия под председательством Ф. А. Щербины, проводившая бюджетное обследование в Воронежской губернии, в целом давала пессимистическую оценку уровня жизни воронежских крестьян. В докладе комиссии отмечалось, что 55% общин не могли прокормиться со своих наделов. «В чисто земледельческой местности, производящей исключительно зерно, часть населения из года в год недоедает, болеет, вымирает, совершает преступления, не имея хлеба и средств для добывания его в достаточном количестве»⁴⁶⁸.

Обследование Полтавской губернии было проведено в спешном порядке сразу же после крестьянских волнений 1902 года. При этом оценивался лишь узкий круг показателей, непосредственно связанных с продовольственной обеспеченностью крестьянских хозяйств (см. табл. 4.23).

	Без посева	Размеры посева в дес.					
		До 1	1-3	3-6	6-9	9-15	15-50
% хозяйств по губернии	24	6	23	25	11	7	3
Душевое потребление хлеба (пуд)			12,8	17,1	18,4	20,0	21,2

Табл. 4.23. Уровень потребления хлеба в Полтавской губернии в зависимости от размеров посевной площади⁴⁶⁹.

Как показывают данные табл. 4.23, уровень потребления в Полтавской губернии был значительно ниже, чем в Воронежской. Обращает на себя внимание большое количество хозяйств, вообще не имевших посева – их было почти четверть. В хозяйствах без посева и с посевом до 1 дес. потребление, очевидно, было не выше, чем в хозяйствах с посевом в 1-3 дес., поэтому можно заключить, что, по крайней мере, половина хозяйств губернии потребляла хлеба меньше минимальной нормы. В контексте событий 1902 года это подтверждает прогноз демографически-структурной теории о том, что падение потребления в низших слоях населения может привести к восстаниям прежде, чем среднее потребление упадет ниже критического уровня.

В то время как Воронежская и Полтавская губернии имели земледельческую специализацию, Калужская губерния принадлежала к промышленному Центральному району. Продукция среднего крестьянского надела в Калужской губернии была почти вдвое меньше, чем в Воронежской, и огромную роль приобретали промысловые занятия крестьян, в основном, отходничество в Москву и другие города. При этом оставались большие резервы незанятого рабочего времени – в среднем 288 дней на двор, при 265 рабочих днях в году. По существу, один человек на двор оставался безработным – это было следствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу в городах⁴⁷⁰.

При среднем урожае от промыслов и работы в чужих хозяйствах калужские крестьяне получали в среднем 52% своих доходов⁴⁷¹. Однако даже с учетом этой добавки средний доход крестьянского хозяйства в Калужской губернии был в 1,6 раза меньше, чем в Воронежской губернии, калужане расходовали меньше средств на одежду и жилище, расходы на пищу в деньгах были практически одинаковы, но цены на зерно в Калужской губернии были в полтора раза выше, чем в Воронежской. Налоги, как и в Воронежской губернии, отнимали примерно десятую часть чистого дохода крестьян (табл. 4.24).

Существенно, что если в прежние времена крестьяне ходили в домотканой одежде и получали топливо, а также строительные материалы из ближайшего леса, то теперь им приходилось покупать одежду, обувь, дрова и некоторые продукты питания на рынке. Чтобы купить необходимые товары, крестьяне должны зарабатывать деньги промыслами или продавать часть зерна. Таким образом, в новых условиях крестьянин должен производить не только зерно, необходимое для пропитания, корма скоту и уплаты налогов, но и иметь некоторый излишек для продажи.

	Калужская губ.	Воронежская губ.
Чистый доход	29,5	47,2
Расходы	31,6	37,8
В том числе: на питание	21,6 (68%)	20,6 (54%)
на одежду	3,5 (11%)	6,0 (16%)
на жилище	2,8 (9%)	3,9 (10%)
Налоги	3,1 (10%)	3,2 (8%)
Религиозные расходы	0,6 (2%)	2,4 (7%)
Прочие расходы	0,0	1,7 (4%)

Табл. 4.24. Сравнение душевых доходов и расходов крестьян в Калужской и Воронежской губерниях (в рублях)⁴⁷².

В промысловой Калужской губернии потребление хлеба в расчете на душу мало зависело от размера посева. Если не принимать во внимание самых богатых и самых бедных крестьян, то потребление остальных групп примерно соответствовало минимальной потребительской норме в 15 пудов. Более низкий средний уровень жизни обуславливал значительно более высокий уровень смертности, чем на Черноземье. Характерно также, что (как и в Воронежской губернии) размеры посева более сильно сказывались на уровне смертности, чем на уровне питания.

Таким образом, учет имущественной дифференциации (в соответствии с требованиями демографически-структурной теории) показывает чрезвычайно существенную разницу в материальном положении и потреблении различных групп крестьянства. В соответствии с теорией, ухудшение по-

ложения беднейшего крестьянства приводило к вспышкам волнений еще до начала революции 1905 года.

	Без посева	Величина посева в дес.					В среднем
		Дю3	36	69	9-12	Св12	
% хозяйств по уезду	5,6	27,4	39,0	17,5	6,0	4,3	
% рабочих дней, занятых на промыслах	56,1	24,1	19,1	18,6	17,4	13,1	19,1
Число рабочих дней на двор, остающихся незанятыми	14	182	262	348	39	501	288
Душевое потребление хлеба и картофеля (пуд.)	11,6	15,4	15,1	15,6	15,2	15,8	
Душевое потребление мяса и сала (пуд.)	0,9	1,1	1,3	1,3	1,5	1,6	
На 100 рабочих дней потерян по болезни	58	15	14	13	12	7	13
% умерших за год в данной группе		5,04	4,11	4,38	3,97	2,6	4,1

Табл. 4.25. Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Козельском уезде Калужской губернии (1896г.)⁴⁷³.

4.4.10. Данные о состоянии здоровья населения

Еще одним проявлением Сжатия было ухудшение биологического статуса населения.

«Плохое питание, сменяющееся полным голоданием... имеет своим следствием ухудшение народного здоровья, – писал А. А. Кауфман, – мало того – прямое физическое вырождение народных масс. Это ясно видно из данных о числе забракованных при приеме на военную службу...»⁴⁷⁴

Изменение количества призывников, забракованных медицинскими комиссиями, и средний рост рекрутов в определенной степени отражают изменения в уровне жизни населения. Динамика этих показателей была подробно исследована Б. Н. Мироновым, причем установлено, что наиболее надежные данные относятся к 1874-1912 годам, когда требования, предъявляемые к призывникам, оставались неизменными.

	1874-78	1879-83	1884-88	1889-93	1894-98	1899-1901	1902-05	1906-09	1910-13
% забракованных	11,2	14,9	16,9	17,9	17,7	22,1	19,9	18,3	19,4
Рост, мм	1622	1620	1621	1634	1642	1647	1649	1651	1651

Табл. 4.26. Результаты врачебного осмотра призывников⁴⁷⁵.

Количество призывников, забракованных по состоянию здоровья, за 1874-1901 гг. возросло почти вдвое, причем наибольший рост наблюдался в Черноземье, а наименьший – в Новороссии⁴⁷⁶. «Понижение достатка в земледельческом населении коренных русских губерний, дававших основу

нашей армии, – писал военный министр генерал А. Н. Куропаткин, – отразилось понижением физических качеств населения, уменьшением роста, замедлением физического развития, большей восприимчивостью к заболеваниям. Когда земля стала плохо кормить население, увеличилось хождение на заработки, в том числе и в города. В деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик, число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами»⁴⁷⁷.

Известный исследователь Д. Н. Жбанков писал в 1904 году: «Здоровье и физическое развитие призываемых непрерывно и в очень значительной степени ухудшается по всей России... Очевидно, хронические неурожаи и голодовки и постоянно ухудшающееся благосостояние сельского населения сильно отражается на здоровье народа»⁴⁷⁸.

Тем не менее, несмотря на увеличение отбраковки призывников, после 1889 года отмечалась тенденция к увеличению их роста. В этой связи Б. Н. Миронов отмечает, что «по-видимому, с 1890-х годов в питании крестьянства наметился перелом и в дальнейшем, до 1914 года, оно устойчиво улучшалось»⁴⁷⁹. Действительно, после голода 1892 года имело место некоторое увеличение среднего душевого потребления (см. табл. 4.8 и рис. 4.12), но, если учесть увеличение расхода зерна фураж, то этот рост, по-видимому, не был столь значительным, чтобы вызвать зафиксированную источниками экселерацию. В принципе, в традиционном обществе наличие связи между потреблением и биометрическими показателями несомненно, и мы (вслед за Б. Н. Мироновым) использовали эту связь для характеристики уровня потребления в XVIII веке (см. п. 3.6). Однако в конце XIX века ситуация осложняется в связи с влиянием новых факторов, связанных с начавшимся процессом модернизации. Несомненно, очень существенное влияние на показатель роста оказывали улучшение гигиенических условий и успехи здравоохранения. Кроме того, специалисты отмечают, что одной из причин начавшейся экселерации было явление гетерозиса – усиление жизнеспособности у потомков, родившихся в результате смешанных браков; это резкое усиление процессов смешения населения было вызвано освобождением крепостных крестьян и появлением железных дорог⁴⁸⁰.

Если бы причиной увеличения роста рекрутов было существенное увеличение потребления, то, очевидно, это привело бы также и к уменьшению доли забракованных рекрутов. Однако в действительности эта доля увеличивалась одновременно с ростом призывников вплоть до 1901 года, и впоследствии, несмотря на некоторое уменьшение, оставалась высокой. Более того, имелась положительная и довольно существенная корреляция между процентом забракованных и ростом призывников (0,78) – как будто увеличение роста призывников свидетельствовало не об их здоровье, а, скорее, наоборот. Таким образом, хотя связь между увеличением роста призывников и увеличением потребления имела место, в данном случае она не была ярко выраженной, и на основании этой связи вряд ли можно делать вывод о значительном росте потребления.

Б. Н. Миронов также отмечает, что коэффициент корреляции между процентом забракованных новобранцев и сбором хлебов на душу населения в 13 регионах России оказывается очень низким (0,329), что «питание не являлось фактором полностью или в решающей степени определяющим состояние здоровья населения. Правильнее говорить о целом комплексе причин, таких, как жилище, потребление алкоголя, медицинское обслуживание, санитарные условия, распространение отхожих промыслов и др.»⁴⁸¹

4.4.11. Аграрное перенаселение как признанная реальность

В конце 90-х годов огромный рост недоимок в Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение крестьян в этом регионе. В конце 90-х годов проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности»⁴⁸². «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России⁴⁸³. **Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является перенаселение.** Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн., а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был на Черноземье, где он составлял от 64 до 67%⁴⁸⁴.

Эти впечатляющие цифры были признаны многими специалистами-историками. С. М. Дубровский и П. А. Хромов, повторяя цифры «Комиссии 1901 года», писали о том, что половина трудоспособного населения деревни относилась к числу «лишних людей»⁴⁸⁵. А. М. Анфимов подчеркивал, что в центральных районах существовало «колоссальное аграрное перенаселение»⁴⁸⁶. Некоторые специалисты, однако, признавая большие масштабы перенаселения, на основании своих подсчетов выводили процент излишней рабочей силы меньший, чем «Комиссия 1901 года». Так Л. И. Лубны-Герцык полагал, что на Черноземье не использовалось 28% рабочего времени сельского населения⁴⁸⁷. А. В. Островский уменьшал цифру «излишнего населения» для Европейской России и черноземной полосы до 27-35%⁴⁸⁸.

Однако П. Г. Рындзюнский подверг сомнению саму методику определения «излишнего населения», исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства. Действительно, теоретически одна семья могла обработать надел, достаточный для прокормления двух-трех семей, которые при таком подходе оказывались «излишними». Рындзюнский полагает, что надел, достаточный для удовлетворительного существования семьи, был равен 15 десятинам, умножает эту величину на количество дворов и получает необходимое количество земли; сопоставляя эту величину с реально имеющимся количеством, можно найти «степень удовлетворенности» крестьян землей. При таком подходе оказывается, что степень удовлетворенности землей крестьян Европейской России была равна 83% – «излишними» были только 17% дворов. В целом перенаселение было как будто невелико, однако существовали огромные порайонные различия: в то время как в Северо-Западном и Степном районах обеспеченность была значительно выше 15-десятинной нормы, на Черноземье существовал ог-

ромный очаг аграрного перенаселения. Степень земельной удовлетворенности крестьян семи черноземных губерний была равна 57%, то есть 43% крестьян этого региона были «лишними»⁴⁸⁹.

Наконец, относительно недавно (в 2001 году) В. Г. Тюкавкин попытался пересмотреть вопрос об аграрном перенаселении, утверждая, что нормой крестьянского надела для Европейской России нужно считать не 15, а 9 десятин. Однако и при таком подходе, признает В. Г. Тюкавкин, группа общинных дворов, недостаточно обеспеченных землей, составляла 54,3%. «Главная же беда великорусской деревни Центра, – отмечает В. Г. Тюкавкин, – была в неравномерном распределении земли... По данным ВЭО, только в результате неравномерного распределения наделных земель сборы хлеба с них не обеспечивали в черноземной полосе 64,3% проживающих там крестьян»⁴⁹⁰. Таким образом, В. Г. Тюкавкин акцентирует роль имущественного расслоения крестьянства, что соответствует требованиям демографически-структурной теории.

В итоге, при любом подходе, как отмечал П. Г. Рынцунский, «наличие аграрного перенаселения в пореформенной России – факт несомненный...»⁴⁹¹.

Правительственные комиссии еще продолжали свою работу, когда в марте-апреле 1902 года крестьянские волнения охватили несколько смежных уездов Полтавской и Харьковской губерний. Волнения были вызваны голодом в результате неурожая в предшествующем году; крестьяне врывались в помещичьи экономии и забирали хранившийся в них хлеб; другое имущество и людей, как правило, не трогали. В общей сложности было «разобрано» 105 помещичьих экономий, в волнениях участвовало 38 тыс. человек⁴⁹².

Причины волнений стали объектом рассмотрения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Полтавский губернатор князь Урусов доказывал, что главной причиной является малоземелье, и иллюстрировал земельную нужду крестьян следующими цифрами: при средней по губернии земельной обеспеченности в 6,1 дес. на двор 17% крестьянских хозяйств были безземельными, 35% малоземельных хозяйств имели в среднем по 1,5 дес. на двор. За 10 лет численность рабочего скота сократилась наполовину, и 38% хозяйств вообще не имели лошадей и волов. Цены земли и аренды, отмечал Урусов, в последнее время непомерно возросли, а доходы отходников упали вследствие распространения сельскохозяйственных машин в южных губерниях. (В дополнение к данным Урусова можно отметить, что стоимость аренды на полтавщине была такова, что арендатор получал меньше половины урожая с арендованной земли.)⁴⁹³

Для решения земельной проблемы Урусов предлагал переселить на свободные земли окраин половину малоземельных крестьян губернии – ни много, ни мало, 337 тысяч человек. Полтавский губернатор стал одним из инициаторов разработки закона о переселении крестьян; предлагалось перейти к форсированному выселению из Центра на окраины деревенской бедноты. Закон 6 июня 1904 года должен был облегчить переселение, ус-

тановив принцип вознаграждения переселенца за оставляемый в общине надел (правда, вступление закона в силу было отложено до окончания войны с Японией). Чтобы помочь крестьянам, в августе 1904 года были отменены огромные недоимки по выкупным платежам. В 1903-1904 гг. были приняты также законы об отмене круговой поруки в общине и об отмене телесных наказаний крестьян⁴⁹⁴.

Эти новые законоположения означали коренную переоценку правительством роли общины, как в поддержании благосостояния крестьян, так и в обеспечении уплаты податей. Община уже не считалась «страховым учреждением от безземельности и бездомности». Новый взгляд на общину был обоснован С. Ю. Витте в известной «Записке по крестьянскому делу»⁴⁹⁵. Витте указывал на рост малоземелья как на главную причину крестьянских бедствий. Если крестьянам по-прежнему будет закрыт выход из общины, то *в общине будет действовать закон Мальтуса*, писал Витте. Поэтому «надо установить, чтобы каждый крестьянин, освобождающий землю, получал известное вознаграждение за нее и мог уйти»⁴⁹⁶.

Таким образом, политики того времени, имея на руках подробную информацию, вполне реально оценивали роль перенаселения и даже ссылались на мальтузианскую теорию.

4.4.12. Динамика народа: положение наемных рабочих

Хотя крестьянство составляло подавляющую часть населения России, понятие «народ» не исчерпывалось крестьянством, в него входили также наемные рабочие разных категорий. В конце XIX века, по некоторым данным, в Европейской России насчитывалось около 10 млн. ежегодно работавших по найму⁴⁹⁷, но это были не постоянные рабочие; это были по преимуществу крестьяне-отходники или батраки. Наиболее многочисленную группу составляли батраки, которые нанимались на разные сроки, на несколько дней, на лето, на год. Вследствие кратковременности земледельческого сезона, когда «день кормил год», поденная плата батраков в сезон была довольно велика (см. рис. 4.20), но большую часть года они не имели работы, поэтому плата за летний день ничего не говорит об их уровне жизни. Формально рабочие и батраки получали не меньше, чем в «благополучные» времена XVII века, но, как отмечалось в п. 3.1.5, структура расходов и доходов в те времена и в конце XIX века была несопоставимой, поэтому какое-либо сравнение уровня жизни не может быть правомочным.

Сравнивая рисунки 4.20 и 4.18 можно заметить, что тренд реальной заработной платы на Черноземье ведет себя примерно так же, как тренд душевого сбора; он колеблется, но в целом имеет скорее нейтральную тенденцию. Оплата рабочих, нанимавшихся на целый год, более репрезентативна; в среднем по Черноземью она составляла 70-х годах 49 руб., в 80-х – 51 руб., в 90-х – 53 руб. (в пересчете на хлеб 93, 92 и 98 пудов)⁴⁹⁸. Рублевая плата батрака практически совпадает с той суммой (52 руб.) которую, по воронежскому обследованию, получала от работы по найму и других «промыслов» средняя семья крестьян-рабочих (табл. 4. 21). Как показыва-

ют результаты обследования, семьи крестьян-рабочих относились к числу бедных, и, судя по динамике заработной платы, их положение на протяжении 30 лет существенно не менялось.

Другую значительную группу (ок. 3 млн.) составляли строительные рабочие, а также землекопы, грузчики и различные чернорабочие. Обычно это были отходники, которые уходили из деревни на лето; большую часть года строители были без работы, поэтому их довольно высокая поденная плата, так же как в случае с батраками, мало что говорит об уровне жизни. Как видно из рис. 4.20, динамика оплаты строительных рабочих, в общем, подобна динамике оплаты батраков, но спад 1891-1895 года менее выражен, и, в то время как для чернорабочих (так же как для батраков) общая тенденция нейтральная, для более квалифицированных рабочих (плотников) она скорее слабо повышательная.

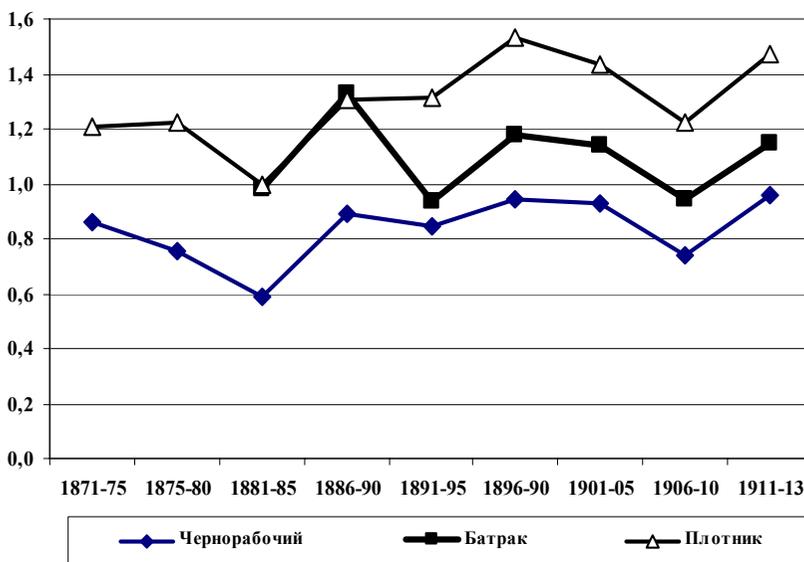

Рис. 4.20. Средняя поденная плата батрака в период уборки урожая на Черноземье и строительных рабочих (плотников и чернорабочих) в Петербурге в пудах ржи⁴⁹⁹

Существовала также категория рабочих-надомников (ок. 2 млн.) – ремесленники или крестьяне, работавшие в свободное время на купца-скупщика. Все перечисленные выше категории наемных работников объединяло то, что, в принципе, их существование не было связано с промышленным переворотом и развитием фабричной промышленности – такие группы рабочих существовали и в допромышленных аграрных обществах. Однако, кроме перечисленных категорий, существовали еще фабрично-заводские рабочие – новая прослойка населения, появившаяся с развитием

фабричной промышленности. В 1890 г. в Европейской России насчитывалось 840 тыс. фабрично-заводских рабочих, в 1901 г. – 1262 тыс.; при общем количестве работников в 44,7 млн. это составляло около 2% всех лиц работоспособного возраста⁵⁰⁰. Если иметь виду чисто количественные отношения, то Россия на 98 процентов оставалась традиционным обществом с традиционными социальными связями и социальной структурой. Теодор фон Лауэ утверждал, что в России, по существу, не было классов капиталистического общества, то есть, они находились в зачаточном состоянии⁵⁰¹. Это в целом, оправдывает наш подход к изучению демографических циклов в России как циклов, характерных для традиционного общества.

Однако все же необходимо более тщательно присмотреться к новым элементам российского общества: что нового привносили они в систему социальных взаимодействий, и насколько велика была их роль?

Прежде всего, необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX века российский рабочий класс находился еще в процессе формирования. Еще в 1895 году С. Ю. Витте заявлял, что, к счастью, в России не существует, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса⁵⁰². Немецкий историк Б. Бонветч доказывает, что в России накануне революции еще не существовало класса «потомственных рабочих» и что промышленных рабочих еще нельзя было отделить от крестьян-отходников⁵⁰³. Действительно, рабочий класс не соответствовал обыденным представлениям о стабильной социальной группе. В 1897 году среди городских рабочих Европейской России было 59% одиноких, а в Петербурге число одиноких достигало 87%. Таким образом, подавляющее большинство рабочих не имело семей – это были холостяки. По данным петербургского обследования 1908 года 67% этих холостяков (и 42% семейных) посылали деньги своим родным в деревню: средний размер посылки составлял 73 руб. у холостых и 39 руб. у семейных, в то время как средняя зарплата составляла 312 руб.⁵⁰⁴ Эти данные наводят на мысль, что большинство петербургских рабочих были попросту отходниками, которые, возможно, проживали в городе годами, но сохраняли связи со своими семьями в деревне. «Не состоит ли наш рабочий класс из холостой, покинувшей свои семьи молодежи?» – спрашивает С. Н. Прокопович и отвечает на свой вопрос статистическими данными: 56% рабочих Петербурга имели возраст 20-39 лет, в то время как в среднем по стране к этой возрастной категории принадлежало 39% населения⁵⁰⁵. «Вплоть до 1917 г. подавляющее большинство рабочих оставалось крестьянами, зарегистрированными в сельских обществах и владельцами наделной земли», – констатировал Дж. Уолкин⁵⁰⁶. Мнения о том, что «русский рабочий в массе своей есть русский крестьянин» придерживались также многие историки народнического и либерального направлений⁵⁰⁷.

Не имея семей, большинство рабочих не имело и квартир. Около 70% одиноких рабочих и 43% семейных снимали «угол». «Угол» – это кровать, иногда (когда живет семья) отгороженная занавеской. Холостяки часто спали прямо на полу, в коридорах, на кухне и т.д. Наем комнаты обходился

в 50-130 рублей, и лишь немногие могли это себе позволить. Что касается других параметров уровня жизни, то, по данным опроса, половина рабочих могла позволить себе покупку лишь поношенной одежды, и почти никто не мог позволить себе питаться в трактире. При такой экономной жизни на пищу, одежду, жилище уходило около 80% зарплаты, остальное отсылалось в деревню⁵⁰⁸.

При всем этом уровень зарплаты петербургских фабрично-заводских рабочих был самым высоким в России – в 1901 году он составлял 302 руб. в год. В Москве рабочие получали в среднем 202 руб., на Черноземье (в Рязанской губернии) – 123 руб., в среднем по России – 187 руб. В 1904 году средний рабочий день продолжался 10,6 часа; в году в среднем насчитывалось 287 рабочих дней. Чрезмерная продолжительность рабочего дня приводила к чрезвычайно широкому распространению профессиональных заболеваний. Один из докладчиков на торгово-промышленном съезде 1896 года отмечал, что рабочие-прядильщики выглядят, как «молодые старики». Условия жизни были таковы, что мало кто из рабочих доживал до 60 лет; по переписи 1897 года лиц старше 60 лет среди рабочих насчитывалось 1,0%, в то время как в среднем по всему населению – 9,6%⁵⁰⁹.

В принципе, заработная плата одного рабочего была сопоставима с доходом крестьянского хозяйства, но условия жизни рабочих – дорогие жилье и продукты, продолжительный рабочий день, исключительно плохие санитарные условия и т.д. – делают невозможным сравнение с жизнью крестьян. Суммарная характеристика условий жизни рабочих сводится к тому, что большинство из них не могло содержать семью. «Для большинства рабочих в Питере семья была недоступной роскошью», – подчеркивает С. Н. Прокопович⁵¹⁰. Рабочий класс, таким образом, мог существовать и расти только за счет притока извне, из крестьянской среды. С демографической точки зрения невозобновляемость населения (в традиционном обществе) есть признак крайне тяжелых условий существования, поэтому «революционное» настроение рабочего класса представляется вполне естественным.

Среди условий жизни рабочих особое место занимает необеспеченность постоянной занятости, возможность в любой момент оказаться на улице без средств существования. Это обстоятельство отчасти объясняет, почему преступность среди рабочих в 19 раз превышала преступность среди крестьян. В годы кризисов на улицах городов оказывались тысячи голодных, озлобленных и готовых к бунту безработных. Сосредоточение недовольных в больших городах, в особенности в столицах, многократно увеличивало для правительства опасность восстаний. Возвращение тысяч уволенных «отходников» в деревню также грозило опасностью, так как многие из них становились агитаторами, призывавшими полуголодных крестьян к неповиновению и бунту.

Еще одним фактором психологической эмансипации рабочих был их высокий уровень грамотности. На рубеже столетий среди рабочих Петербургской губернии было 69% грамотных, в среднем по России – 54%, в то

время как грамотность среди крестьян составляла 23%⁵¹¹. Как отмечалось выше, К. П. Победоносцев и С. Ю. Витте непосредственно связывали рост протестных настроений с ростом грамотности народных масс.

Таким образом, рост рабочего класса представлял опасность для властей, так как рабочие массы имели низкий жизненный уровень при относительно высоком уровне грамотности, они были сконцентрированы в больших городах и в столицах, и могли быть спровоцированы на выступления массовыми увольнениями в периоды экономических кризисов.

Правительство предпринимало некоторые меры, чтобы улучшить положение рабочих, так, в 1897 году был принят закон об ограничении рабочего дня 11,5 часами и обязательном воскресном и праздничном отдыхе. Однако в трудовых конфликтах власти, как правило, выступали на стороне предпринимателей, по закону 1886 года подстрекательство к стачке каралось 4-8 месяцами тюрьмы, участие в ней – 2-4 месяцами. Выработка действенного рабочего законодательства затруднялась бытующим представлением о том, что отношения между буржуа и рабочими в России не такие как на Западе, что они сохраняют свойственный «русскому духу» патриархальный характер⁵¹².

4.4.13. Политический кризис 1900-1903 годов

Новое обострение политической борьбы началось, как и в 70-х годах, со студенческих волнений. Кризис элиты, временно притушенный субсидиями Дворянского банка, в конце 90-х годов вновь вышел на поверхность. Разорение мелкого дворянства продолжалось неослабевающими темпами, численность дворянства росла, и как отмечалось выше, за 1870-1897 гг. количество земли, приходящейся на одного дворянина, уменьшилось почти вдвое. Соответственно, увеличивался поток дворян, добивавшихся казенного жалования на чиновных местах; стремление получить должность было одним из главных стимулов поступления в университеты, и двойное увеличение количества студентов в 1880-1900 годах отражает нарастание конкуренции за места. В 1900 г. (как и в 1880 г.) половина студентов происходила из дворян; их материальное обеспечение было по-прежнему низким, а шансы устроиться на должность малы: число чиновничьих должностей увеличилось лишь на 10%. Таким образом, кризис низших слоев элиты, как и в 70-х годах, способствовал новой вспышке студенческих волнений и новой активизации «народников», которые теперь называли себя «социалистами-революционерами», «эсерами»⁵¹³.

Движение студентов началось в феврале 1899 года с локального конфликта в Петербургском университете, когда жестокость, проявленная полицией, спровоцировала массовое движение протеста. Были перерваны занятия в 17 вузах; в студенческой забастовке приняло участие 25 тыс. студентов, которые требовали наказания полицейских чинов, неприкосновенности личности и университетской автономии. Из обеих столиц было выслано около 3 тыс. «зачинщиков», но в конце 1900 года волнения

вспыхнули вновь, причем на этот раз студенты пытались привлечь к демонстрациям рабочих⁵¹⁴.

В 1901 году, когда студенческие демонстрации уже пошли на спад, к студентам стали присоединяться рабочие: начался промышленный кризис. В 1900-1902 годах были уволены десятки тысяч рабочих, и общая численность промышленного пролетариата сократилась на 200 тыс. человек; на всех предприятиях происходило снижение заработной платы. По существу, это был первый кризис для молодой российской промышленности, и власти впервые столкнулись с неожиданным для них сопротивлением людей, теряющих заработки и средства к существованию. Поведение рабочих было не похоже на поведение привыкших к терпению крестьян; в нескольких городах произошли кровопролитные столкновения с полицией. В марте 1903 года в Златоусте полиция расстреляла демонстрацию рабочих, было убито 69 человек⁵¹⁵.

Весной 1902 года голод вызвал волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях. Во время следствия власти пытались выяснить, не были ли волнения спровоцированы агитаторами из студентов или рабочих. Агитаторов не нашли, но идейная связь со студенческим движением все же имелась: крестьяне говорили, что их действия соответствуют некоему «манифесту», провозглашенному якобы великим князем Михаилом, «которому помогают студенты». Были найдены также листовки, копии которых крестьяне делали сами и передавали из деревни в деревню. За пятнадцать лет число грамотных среди крестьян возросло с 10 до 23%, а среди взрослых мужчин – даже до 36%. Крестьянами руководили грамотные вожаки, и что немаловажно – среди них было много бывших солдат, отслуживших в армии и вернувшихся в свою деревню⁵¹⁶.

Таким образом, в соответствии с теорией, оппозиционные фракции элиты, в данном случае студенты и интеллигенция, поощряли крестьян и рабочих на противодействие властям, но цели протестующих были различными. Если студенты выступали против властей, то крестьяне, в основном, выступали против помещиков, а рабочие – против промышленников. В количественном отношении активность различных групп можно сопоставить через численность арестованных по политическим обвинениям: в 1901-1903 годах среди арестантов было 11% дворян и детей чиновников, 9% крестьян и 47% рабочих. По сравнению с 1884-1890 годами среднегодовое число арестованных увеличилось в пять раз, при этом, хотя число арестованных дворян и детей чиновников не уменьшилось, их доля в массе арестантов снизилась почти втрое, а доля рабочих (среди которых было много крестьян-отходников) увеличилась более чем втрое⁵¹⁷. Таким образом, при сохраняющейся высокой активности оппозиционных слоев элиты, происходил процесс вовлечения в политическую борьбу народных масс – прежде всего, рабочих.

Однако правительство, по-видимому, не считало, что крестьянское (и даже рабочее) движение представляет для него существенную опасность. Крестьяне еще не рвались оказывать сопротивление войскам и полиции,

и их наказали «по-отечески»: было высечено несколько сот «зачинщиков». Что касается рабочих, то власти старались смягчить остроту конфликта; правительство пыталось проводить по отношению к рабочим, как и к крестьянам, «политику попечительства». В 1903 году был издан закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве; другой закон вводил должность выборных рабочих старост. Газеты писали о «полицейском социализме», полиция под руководством полковника С. В. Зубатова участвовала в создании рабочих обществ и касс взаимопомощи. 19 февраля 1902 г. была организована грандиозная верноподданническая манифестация рабочих в Кремле⁵¹⁸.

4.5. Выводы

С точки зрения неомальтузианской теории наиболее важным процессом первой половины XIX века было замедление процесса колонизации и сопутствующее росту населения падение потребления. Имеющаяся информация о посевах и сборах выявляет классическую картину «мальтузианских ножниц»: население растет, а потребление падает и в середине столетия достигает минимально возможной нормы. При этом региональные данные выявляют существенные различия между регионами: оказывается, что падение душевого сбора проявляется наиболее ярко в Черноземном районе, в то время как в Центральном районе душевой сбор был близким к минимальной норме уже в начале века и на протяжении периода почти не менялся. Соответственно, рост населения в Центральном районе был медленным и к концу периода практически прекратился, на Черноземье же он был более значительным, хотя тоже замедлился.

Падение потребления до минимума и демографическая стагнация являются основными признаками наступившего Сжатия; помимо этих признаков на протяжении всего периода мы наблюдаем в Центральном районе и другие явления, характерные для периода Сжатия: частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, быстрое развитие ремесел и торговли, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, уход крестьян в города, быстрый рост городов.

Анализ в рамках демографически-структурной теории позволяет существенно дополнить эту картину. После убийства Павла I баланс сил в борьбе за распределение ресурсов вновь изменился в пользу дворянства. *Ограничив претензии государства, дворянство приступило (после войны 1812 года) к неслыханному до тех пор увеличению оброков и барщин крепостных крестьян.* В контексте теории эта экспансия отчасти объясняется непропорциональным ростом численности дворянства и уменьшением числа крестьян, приходящихся на одно дворянина, однако в данном случае большую роль сыграло также влияние диффузионного фактора. Как свидетельствуют современники, рост потребностей дворян объяснялся их стремлением жить так, как жили их европейские собратья.

В результате резкого перераспределения ресурсов в пользу элиты крестьянам был оставлен лишь минимум жизненных средств. Это привело к

хроническому недоеданию среди крепостных, в годы неурожаев превращавшемуся в голод, сопровождаемый эпидемиями. *Рост численности крепостных фактически прекратился, и, таким образом, мы наблюдаем (в дополнение к общей картине) картину исключительно интенсивного Сжатия внутри одного сословия – Сжатия, вызванного не ростом численности этого сословия, а сужением его экологической ниши в результате усиления эксплуатации.* В конечном счете, это Сжатие привело к демографическому кризису 1847-1848 года, когда голод и эпидемии унесли жизни примерно одного миллиона человек. Так же как кризисы 1724-1726 и 1786-1787 годов, этот кризис носил по преимуществу структурный характер и был вызван перераспределением ресурсов внутри структуры, в данном случае от крестьянства к элите. Так же как в 1786-1787 годах, после кризиса наблюдается уменьшение реальной ренты, то есть частичная корректировка неадекватного распределения ресурсов. Как и в те времена, государство, со своей стороны, обращает внимание на бедственное положение крестьян и принимает некоторые меры в пользу крестьянства – в частности, восстанавливает забытый павловский закон о трехдневной барщине.

Как и в 1790-х годах, политика государства в отношении крестьян отчасти объяснялась ролью диффузионного фактора – но в середине XIX века эта роль стала более значимой. Влияние Европы привело к тому, что в глазах «западников» (и в глазах монархов) крепостничество превратилось в позор России. Этот идеологический сдвиг проявился как в программах движения «декабристов», так и в неуверенных попытках Александра I и Николая I облегчить положение крестьян. Существенно, однако, что эти попытки долгое время были бесплодными – то есть сам по себе диффузионный фактор в то время был недостаточным стимулом для реформ.

В рамках демографически-структурной теории назревающий конфликт между монархией и элитой объяснялся также и конкуренцией за ресурсы. Дворянство вело борьбу за ресурсы не только с крестьянством, но и с государством, и в частности, оно не допускало увеличения прямых налогов на крепостных крестьян (попытка Сперанского компенсировать уменьшение реального размера этих налогов закончилась его падением). Государство, стесненное в своих финансовых возможностях, выходило из положения с помощью повышения косвенных налогов, увеличения оброков государственных крестьян, а во время войн – путем печатания бумажных денег. Крымская война вновь поставила вопрос о недостатке средств и о взрывоопасном положении в тылу армии – о «пороховом погребе под государством». Как утверждает неомальтузианская теория, *Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению элитарной монархии.* Логично было бы считать, что Великая реформа была именно такой социальной и элитарной реформой, естественным образом вписывающейся в контекст неомальтузианской теории. Однако и в этом случае (как во многих других), мы видим, что демографический фактор действо-

вал не изолированно, а синхронно с диффузионным фактором. Вновь усилившийся диффузионный фактор требовал модернизации России по образцу Европы – то есть отмены крепостного права.

Отмена крепостного права означала трансформацию структуры – то есть *создание новых отношений внутри структуры, связанное с определенным качественным изменением составляющих ее элементов и принципов их взаимодействия. Эта трансформация проявлялась не только в том, что крепостные крестьяне стали свободными людьми и рента значительно уменьшилась, но также и в том, что государство вновь приобрело независимость от элиты. Монархия вышла из состояния подчиненности и вновь, как при Петре I, стала самодержавной этатистской монархией.*

Таким образом, в результате совокупного действия факторов крепостное право было отменено, экологическая ниша крестьянства расширилась, и угроза социального взрыва на время отступила. Сжатие в рамках одного сословия разрядилось, но Сжатие в рамках всей России сохранялось. Оно проявлялось в уменьшении душевых сборов и в крестьянском малоземелье, которое особенно ощущалось в Центральном районе. Хотя непосредственная угроза миновала, дальнейший рост населения, согласно теории, должен был привести к новому кризису.

Суммируя приведенные материалы о социально-экономическом развитии России в 1860-1904 годах, необходимо, прежде всего, отметить, что уже в начале этого периода экономика страны находилась в фазе Сжатия. Мы можем констатировать наличие таких классических признаков Сжатия, как *низкий уровень потребления основной массы населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, рост задолженности, уход крестьян в города (в частности, в форме отходничества), рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, дешевизну рабочей силы, высокие цены на хлеб, высокие цены на землю, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости.*

Т. Шанин сравнивает ситуацию в России с современной ситуацией в перенаселенных развивающихся странах⁵¹⁹. Однако, в отличие от обычной картины Сжатия в странах с частной земельной собственностью, крестьяне в России не имели собственности на свои наделы и фактически оставались прикрепленными к земле. Поэтому бедняки не продавали свою землю и не уходили в города на постоянное жительство, а сдавали свои наделы в аренду и занимались отходничеством. Это замедляло процесс разорения бедняков, но в то же время удерживало крестьян в деревне, усугубляя аграрное перенаселение.

Главным признаком Сжатия был чрезвычайно низкий, близкий к минимально возможному, уровень душевого потребления, обусловленный аграрным перенаселением и крестьянским малоземельем. Но в отличие от классической ситуации стационарной экологической ниши, когда падение

потребления приводит к приостановке роста населения, в России, несмотря на прогрессирующее малоземелье, численность населения росла. Этот феномен был связан с расширением экологической ниши, вызванным ростом урожайности: рост населения в точности соответствовал росту урожайности, причем потребление оставалось на минимальном уровне. При этом посев для внутреннего потребления в 1860-1900 годах оставался практически постоянным, то есть увеличение потребления могло происходить только за счет роста урожайности. Ситуация была такова, что население страны потребляло сбор с определенной почти постоянной площади посевов, в то время как с другой части посевов хлеб вывозился. Эта другая часть посевов по размерам примерно соответствовала посевам на помещичьих землях, и, несколько упрощая реальную картину, можно представить, что основная часть хлеба, произведенного на помещичьих землях, вывозилась, в то время как хлеб, произведенный на крестьянских землях, потреблялся внутри страны. Таким образом, *помещичье землевладение непосредственно сокращало экологическую нишу этноса.*

Роль вывоза была такова, что хотя душевое производство зерна и картофеля росло и в 1901-1910 годах достигло (в пересчете на зерно) 26 пудов, потребление оставалось на уровне 19 пудов – уровне минимальной нормы. Правительство поощряло экспорт, поскольку, с одной стороны, оно находилось под влиянием помещиков, а с другой стороны, усиленный экспорт способствовал укреплению рубля и привлечению необходимых для индустриализации иностранных капиталов. Таким образом, экспорт был обусловлен, во-первых, стремлением помещиков дороже продать свой хлеб (и хлеб арендаторов), и, во-вторых, этатистскими целями правительства.

Другим важным аспектом социального развития, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, является динамика элиты. Реформы 1861 года вызвала обеднение дворянства – то есть Сжатие в элите. Как обычно, Сжатие привело к фрагментации элиты и появлению оппозиционных группировок; этому способствовали также и процессы вестернизации, обусловившие формирование нового социального слоя, интеллигенции. Интеллигенция и оппозиционные фракции дворянства стали питательной средой для образования прозападных либеральных и радикальных групп. Одна из этих групп, «народники», попыталась вовлечь в движение народ и провозгласила лозунг «Земля и воля!» – однако попытка закончилась неудачей вследствие приверженности народа к традициям и нежелания действовать вместе с вестернизованными элементами.

После убийства Александра II началась традиционалистская реакция, и правительство стало проводить политику «народной монархии», опоры на консервативное дворянство и «попечения» над крестьянством. В соответствии с теорией продолжающегося Сжатия побуждало монархию проводить реформы, направленные на облегчение положения народа – в данном случае, была осуществлена отмена подушной подати и сокращение выкупных платежей. Однако – также в соответствии с теорией – Сжатие привело к

финансовому кризису, и в министерство Вышнеградского правительство изменило свою политику, ужесточило сбор налогов и попыталось получить средства на цели индустриализации посредством увеличения экспорта хлеба, стабилизации рубля и привлечения иностранного капитала. В рамках демографически-структурной теории такую политику можно трактовать как давление государства и элиты на народ с целью перераспределения ресурсов; элита и государство в своих целях отнимали у народа часть ресурсов, и это принимало форму широкомасштабного экспорта хлеба (а не повышения оброков и налогов, как раньше). Пик этого наступления пришелся на 1888-1891 годы и (вместе со случайными климатическими колебаниями) привел к голоду 1892 года; то есть кризис 1892 года находит в рамках теории такое же объяснение, как многие предшествующие кризисы – он был следствием сокращения экологической ниши народных масс вследствие наступления на народ государства и элиты.

После голода 1892 года началось «время оскудения»; крестьяне не могли платить налоги, и министр финансов Витте старался найти выход из финансового кризиса за счет увеличения косвенного обложения и развития госсектора (в частности, за счет введения винной монополии и частичной национализации железных дорог). В соответствие с теорией, развитие госсектора можно трактовать как проявление порожденных Сжатием этатистских тенденций (но имело место и диффузионное влияние со стороны Германии). При этом большие размеры экспорта хлеба сужали экологическую нишу народа и стимулировали рост социальной напряженности. Сжатие требовало от правительства принятия мер к облегчению положения народа, но в течение почти двадцати лет – от отмены подушной подати в 1886 году до сложения недоимок в 1904 году – правительство отказывалось принимать такие меры. В конечном счете, оно было вынуждено признать факт оскудения крестьянства центральных областей, и, проведя достаточно детальное обследование, установило, что причиной оскудения являются перенаселение и малоземелье – но не успело принять никаких реальных мер к исправлению ситуации: началась революция.

Еще одно важное обстоятельство, характеризующее динамику Сжатия – это его пульсирующий, колебательный характер, связанный с квазипериодическими климатическими колебаниями, сказывающимися на урожайности. Эти колебания отчетливо проявляются при анализе пятилетних средних, и их минимумы представляют собой периоды падения потребления, чреватые обострениями социальных конфликтов. Необходимо учитывать также значительный разброс в уровне потребления среди различных групп крестьянства; бывшие государственные крестьяне имели средний надел, почти вдвое превосходящий средний надел бывших крепостных крестьян. Поэтому, *хотя среднее потребление сохранялось примерно на уровне минимальной нормы, потребление бывших государственных крестьян было в среднем выше нормы, а потребление бывших крепостных крестьян – ниже нормы; в периоды климатических минимумов положение бывших крепостных крестьян было особенно тяжелым.*

Следует обратить особое внимание на длительность периода Сжатия – по крайней мере, шесть десятилетий. В мировой истории известны лишь немногие случаи, когда общество столь долгое время балансировало на грани голода; воздействие случайных факторов обычно быстро выводило систему из состояния неустойчивого равновесия. Относительная стабильность социополитического положения в России объяснялась, в первую очередь, тем авторитетом, которое приобрело самодержавие после освобождения крепостных. Этот авторитет сказался во время политического кризиса рубежа 70-80-х годов и во время голода 1892 года. Уменьшение выкупных платежей и отмена подушной подати показали, что власть отслеживает экономическую ситуацию и принимает меры к улучшению положения народа. Однако в дальнейшем политика поддержания крестьянства сменилась политикой индустриализации, положение крестьянства (в частности, на Черноземье) вновь стало ухудшаться, и авторитет власти постепенно таял.

Другим фактором сохранения относительной стабильности был внешний мир, отсутствие больших войн на протяжении полувека. Единственная война, которую вела в этот период Россия, была популярная в народе война с Турцией за освобождение южных славян. Победа в этой войне способствовала укреплению авторитета самодержавия, но внешнеполитическая обстановка постепенно ухудшалась. Появление на западных рубежах России могущественной Германской империи впервые за полтора столетия поставило Россию перед лицом превосходящего в военном отношении противника.

Военное превосходство Германии было проявлением происходившего в Европе процесса модернизации; в то же время это превосходство было одним из решающих факторов, вынуждавших к модернизации Россию. Мощное давление диффузионного фактора заставило правительство перейти к форсированной политике индустриализации, а политика привлечения средств для индустриализации, в свою очередь, вызвала голод 1892 года. Проблема заключалась в том, что в условиях Сжатия государство не могло взять необходимые ему ресурсы у народа и не решалось взять их у элиты – это была описанная в демографически-структурной теории ситуация кризиса государства, и в данном случае этот кризис стимулировался влиянием технического и диффузионного факторов – влиянием процесса модернизации.